

גדף

ТРИ БУКВЫ

Коллективный фантастический
роман

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССХСVIII

Salamandra P.V.V.

ТРИ БУКВЫ

Коллективный
фантастический
роман

Salamandra P.V.V.

Три буквы.

Три буквы: Коллективный фантастический роман. Факсимильное изд. Salamandra P.V.V., 2019. — 118 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССХСVIII).

В Сан-Франциско, в притоне «Кровавая мышеловка», идет большая игра. Капитан русского судна, князь Енгушев, в отчаянии ставит на кон свой талисман — огромный бриллиант с выгравированными на нем таинственными древнееврейскими буквами. Ставка капитана выигрывает, но бриллиант бесследно исчезает: как оказалось, его зашил под кожу на колене русский жандармский агент, замаскированный под негра...

Так начинался небывалый детективно-фантастический роман-эксперимент, затеянный в 1911 году редакцией популярного «Синего журнала». В написании остросюжетного романа-буриме «Три буквы» приняли участие известнейшие литераторы эпохи — А. Куприн, А. Аверченко, Тэффи, И. Ясинский, А. Каменский, А. Измайлов, И. Потапенко, В. Тихонов и П. Гнедич. Иллюстрировали роман видные книжные графики — С. Чехонин, В. Сварог и Н. Герардов. Роман печатался подряд в №№ 14-51 «Синего журнала» за 1911 г. с пропуском № 38.

В настоящем выпуске серии «Polaris» мы с радостью предлагаем читателям первое за более чем 100 лет переиздание романа «Три буквы». Роман представлен в факсимильном виде, то есть именно таким, каким впервые увидели его читатели 1911 года. Сканы выполнены сотрудниками Российской государственной библиотеки.

ТРИ БУКВЫ

1 9 1 1

СИНИЙ УЖАСЪ

(См. стр. 8).

Сегодня—коллективный фантастическій романъ!

(Три буквы)

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“

А. И. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолія Каменскаго, Тэффи, В. И. Немировича-Данченко, А. А. Измайлова, А. Н. Будычева, П. П. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, В. А. Тиханова, I. I. Ясинскаго, и друг. съ „необходимымъ послѣсловіемъ“ Вас. Регинина,

ГЛАВА I.

„КРОВАВАЯ МЫШЕЛОВКА“.

Улица Догъ-стритъ, самая мрачная и опасная улица на южныхъ окраинахъ Санъ-Франциско, была погружена въ мракъ и безмолвіе.

Зима вступала въ свои права, морозъ крѣпчалъ. Ночь была черна, точно чернила. Ни одна звѣзда не блестѣла на небѣ, затушеваномъ пеленой густыхъ тучъ.

Рѣдко кто осмѣливался показываться въ эту пору на улицѣ Догъ-стритъ. Случайный путникъ, проходившій вдоль нея, шепталъ молитву и крѣпко сжималъ въ карманѣ рукоятку браунинга. Выстрѣлъ изъ засады или предательскій ударъ кинжаломъ были здѣсь самымъ обыкновеннымъ явленіемъ.

Но въ одномъ двухъ-этажномъ домѣ, расположенномъ въ глубинѣ обширнаго двора и скрытомъ отъ улицы густою чащею развѣсистыхъ шихтъ, свѣтились сквозь закрытые ставни узкія, какъ лезвіе, полосы свѣта. Это былъ извѣстный всѣмъ любителямъ сильныхъ ощущенийъ ужасный вертепъ, подъ многозначительнымъ названіемъ «Кровавая Мышеловка».

Мы попросимъ читателя, преодолевъ брезгливость и страхъ, послѣдовать туда за нами.

Нижній этажъ былъ расположенъ необыкновенно прихотливо и запутанно и поражалъ своимъ разнообразнымъ убранствомъ. Здѣсь, напримѣръ, была огромная зала, безъ оконъ. Вся ея меблировка заключалась въ узкихъ кожаныхъ скамейкахъ, шедшихъ вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ. Посрединѣ помѣщался квадратный толстый коверъ. По угламъ ковра возвышались стойкія, соединенныя между собой веревкой. Надъ ковромъ съ потолка свѣшивалась люстра въ восемьдесятъ сильныхъ электрическихъ лампъ.

Это было зало для самаго жестокаго вида бокса, запрещеннаго какъ закономъ, такъ и спортивными обществами. Въ большинствѣ случаевъ схватки здѣсь кончались смертью и всегда тяжелыми физическими увѣчьями.

Здѣсь также была комната, убранная со всею роскошью и причудливостью Востока: ковры, низкіе диваны, шелковыя ткани на окнахъ и на дверяхъ, вышитыя золотомъ арабскія и индійскія изреченія на стѣнахъ. Здѣсь курили опиумъ и гашишъ.

Дальше находился баръ, съ тѣми жестокими «ударными» напитками, выдерживать которые могутъ только американскія глотки.

«Время—деньги,—говорятъ американцы,—и если напи-ваться, то ужъ какъ можно скорѣе!»

Были здѣсь еще комнаты для травли крысъ бульдогами, для пѣтушиныхъ боевъ, были ванны и бассейны и маленькія спальни для отдохновенія.

Верхъ представлялъ собою одну гигантскую сплошную залу.

Тамъ исключительно играли. Играли во всевозможныя игры: въ поккеръ, макао, фараонъ, баккара, рулетку и т. д.

Хозяевъ какъ будто-бы не было.—Каждый былъ хозяиномъ. Нужно было только при входѣ внести десять фунтовъ и платить пять долларовъ за каждую колоду картъ и два доллара за каждый новый ходъ шарика рулетки. Здѣсь не существовало никакихъ правилъ приличій или общественныхъ нормъ. Но за-то никто не удивлялся, если банкометъ передъ сдачей вралъ около себя заряженный револьверъ.

Впрочемъ, было одно правило, которое никогда не переступалось: ни одна женщина не смѣла проникнуть въ стѣны «Кровавой Мышеловки».

ГЛАВА II.

РОКОВОЙ БРИЛЛАНТЪ.

Въ описываемое нами время, въ игорномъ залѣ «Кровавой Мышеловки» происходило нѣчто необыкновенное. Всѣ посѣтители столпились вокругъ рулетки. Даже многіе игроки, привлеченные необычайнымъ волненіемъ, бросили свои столики и тѣснымъ кольцомъ столпились вокругъ дьявольской машинки. Всѣхъ интересовала отчаянная игра иностранца, капитана военнаго судна, русскаго князя по происхожденію. Въ этотъ вечеръ онъ проигралъ уже около 80.000 долларовъ.

Онъ сидѣлъ въ срединѣ стола очень блѣдный, но совершенно спокойный, сосредоточенный и молчаливый. Когда онъ ставилъ свои ставки, его тонкіе, выхолонные пальцы не дрожали. Время отъ времени онъ прихлебывалъ виски съ содовой водой изъ стоящаго около него стакана.

— Дѣлайте вашу игру!—сказалъ крупье.

Послышался звонъ золота, и множество рукъ замелькало въ воздухѣ, потянулось черезъ плечи, задвигалось по столу. Иностранецъ медлилъ.

— А вы, милордъ?—спросилъ его банкометъ.

Иностранецъ, темнолицый брюнетъ съ сѣдыми висками, острыми, пронзительными глазами и презрительнымъ ртомъ, въ первый разъ за этотъ вечеръ обнаружилъ какое-то колебаніе. Но онъ быстро преодолѣлъ себя.

— Я проигралъ все, что у меня было съ собою,—сказалъ онъ спокойно, цѣдя слово за словомъ, сквозь зубы и глядя равнодушно на крупье,—но непримите-ли вы вотъ это?..

Онъ засучилъ рукавъ своего великолѣпнаго смокинга. Запястье его руки обнималъ тонкій золотой браслетъ, а на браслетѣ болталась дамская серьга, съ прелестнымъ, огромнымъ брилліантомъ, каратовъ около десяти.

— Yes!..—отвѣтилъ хладнокровно крупье.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу у кого-нибудь ножницы. Всѣ переглянулись и заговорили сразу.

Случай былъ изъ ряду вонъ выходящій.

— Вотъ вамъ, сэръ,—крикнулъ чей-то голосъ сзади.— Вотъ садовый ножъ и при немъ прочныя ножницы.

Черезъ головы зрителей перелетѣлъ большой ножъ и гулко ударился о зеленое сукно.

— Благодарю!—спокойно сказалъ русскій и переложилъ сигару изъ праваго угла рта въ лѣвый.

Затѣмъ онъ однимъ движеніемъ перерѣзалъ тонкую проволоку серьги и небрежно швырнулъ брилліантъ въ сторону крупье.

Десятки рукъ услужливо передали его по назначенію. Крупье поднялъ камень вверху, чтобы разглядѣть его на свѣтъ. Голубые и зеленые, оранжевые и синіе огни свазочнымъ снопомъ брызнули изъ этого маленькаго предмета.

— Прекрасный индійскій брилліантъ—произнесъ чей-то голосъ.—Самой чистой воды.

— Во сколько вы его цѣните, сэръ?—спросилъ льстиво крупье, сухой крючконосый уроженецъ Венецуэллы, типичный потомокъ пиратовъ или работоторговцевъ.

— Не знаю!—отвѣтилъ русскій.—Это подарокъ.

— Каратовъ семь—восемь?
— Больше!..
— Семь тысячъ долларовъ?
— Идетъ! Но я-бы хотѣлъ раньше узнать какой суммой располагаетъ банкъ.

Банкометъ принялся сосредоточенно измѣрять глазами правильныя столбики золота, потомъ перелисталъ аккуратно сложенныя ассигнаци. Ни одного звука не слышалось въ это время въ игорной залѣ. Рыжія черныя и русыя, встрепанныя и приглаженныя головы игроковъ низко склонились надъ столомъ.

Красныя отъ волненія и отъ безсонницы глаза съ пристальной жадностью глядѣли на руки банкмета. Кое-кто нервно жевалъ сигару, другой судорожно стискивалъ зубами мундштугъ трубки.

— Около двухсотъ тысячъ долларовъ!—сказалъ, наконецъ, испанецъ. Но въ эту минуту дверь, расположенная прямо противъ рулетки, быстро отворилась и сильный, звенящій, какъ серебро, женскій голосъ воскликнулъ:

— Владимиръ!!

ГЛАВА III.

СУДЬБА.

Въ дверяхъ стояла высокая молодая женщина, необыкновенной красоты, въ бѣломъ бальномъ платьѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ выше локтя. Золотые тяжелые волосы, какъ корона, лежали на ея царственной головѣ.

Русскій быстро всталъ съ мѣста.

— О, Марія!—воскликнулъ онъ, протягивая къ ней руки.—Неужели... ты... простила меня?..

— Я пришла за тобой—отвѣтила красавица.

— Подожди. Одна минута... я иду!..
—Джентльмены,—обратился онъ къ игрокамъ, которые съ удивленіемъ глядѣли на невиданное въ стѣнахъ «Кровавой Мышеловки» зрѣлище,—мы въ Европѣ больше всего цѣнимъ въ англосаксонской расѣ ея способность ничему не удивляться. Будемъ продолжать игру! Кстати предупреждаю, — и онъ вынулъ изъ кармана изящный никелированный револьверъ, — что каждому, кто позво-

... Въ дверяхъ стояла высокая, молодая женщина, необыкновенной красоты.

литъ себѣ неумѣстное замѣчаніе или слишкомъ пристальн.й взглядъ на эту леди, я безъ малѣйшаго колебанія пушу пулю въ правый глазъ.

Толпа глухо, но не сердито зароптала.

Во всей Америкѣ, а въ особенности въ Фриско, настоящіе мужчины чтутъ храбрость и преклоненіе передъ женщиной.

Теперь капитанъ стоялъ. Лицо его свѣтилось радостью и вдохновеніемъ.

— Смотрите онъ сорветъ банкъ!—сказалъ силнымъ густымъ басомъ старый янки, у котораго сѣдая борода росла вѣромъ, точно изъ шеи.

— Семь тысячъ долларовъ на номеръ первый,—сказалъ иностранецъ.

— Кончено!—воскликнулъ крупье и бросилъ шарикъ.

Прошло нѣсколько секундъ напряженнаго молчанія. Наконецъ, шарикъ остановился.

— Номеръ первый!—сказалъ крупье.—Сакраменто.

Протяжный вздохъ пронесся среди игроковъ. Потомъ всѣ, точно очнувшись отъ сна, сразу заговорили, задвигались, замахали руками.

— Каррамба,—вскричалъ испанецъ и ударилъ кулакомъ по столу.—Вы разорили нашу кампанію!.. Здѣсь точно чертъ вмѣшался. Подождите, я произведу расчетъ!

Иностранцу слѣдовало 242 тысячи долларовъ. Но въ банкѣ было всего около 230 тысячъ.

— Я совершенно теряюсь,—сказалъ въ смущеніи испанецъ, придвигая русскому цѣлую груду золота и ассигнацій. Я могу уплатить вамъ недостающую—сумму только черезъ четыре дня.

Но русскій, улыбаясь той же свѣтлой побѣдоносной улыбкой отвѣтилъ,— О, пожалуйста, когда вамъ будетъ—угодно... Я больше всего забочусь о томъ, чтобъ мнѣ возвратили мой брилліантъ.

А. Купринъ.

(Продолженіе главъ А. И. Куприна въ слѣдующемъ номерѣ).

Вмѣсто вступленія къ фантастическому коллективному роману «Синяго Журнала».

Кто авторъ «Тысячи и одной ночи» — этого образа сказочной поэзіи, этой великой книги вдохновеннаго вымысла и волшебныхъ видѣній?

Сколько авторовъ соединилось для созданія этого самаго увлекательнаго и нѣжнаго, самаго трогательнаго и самаго остроумнаго фантастическаго повѣствованія.

Чуждые другъ другу поэты вписали свои талантливыя страницы въ волшебныя сказки «Шехразады», и развѣ отъ этого нарушилась ихъ литературная стройность, и развѣ не одинакова яркость красокъ во всѣхъ частяхъ книги, и блѣднѣтъ-ли интересъ и занимательность разсказа, сотканнаго

изъ поэтическихъ грезъ различныхъ и неизвѣстныхъ авторовъ?

Кто творецъ живой и никѣмъ непревзойденной поэмы—прекрасной «Одиссеи»?

Многими учеными эта честь у Гомера отнята и лучшее твореніе мировой литературы приписывается коллективу древнихъ писателей.

Характерно въ этомъ случаѣ указаніе на то, что нѣкоторые участники древняго коллектива даже уклонялись отъ логическаго теченія поэмы.

Вотъ почему нѣкоторыя главы ея какъ-бы случайно замѣшались въ книгу и безъ всякаго ущерба для хода повѣствованія о приключеніяхъ Одиссея могли-бы быть вырваны изъ этого художественнаго сказанія.

Многія Гомеровы страницы прямо творятъ другъ другу.

Во всякомъ случаѣ всѣ эти гипотезы о

нѣсколькихъ авторахъ, какъ названныхъ, такъ и нѣкоторыхъ иныхъ крупныхъ произведеній мировой литературы, представлявшихъ одну связанную общимъ и стройнымъ сюжетомъ книгу, являются лучшимъ подтвержденіемъ возможности объединить литературныя индивидуальности отдѣльныхъ писателей для совмѣстной творческой работы, безъ всякаго ущерба ея литературному значенію и художественной силѣ.

Нечего говорить, что и въ наше время объединенными, дружными писательскими силами можно создать литературное произведение, которое при нынѣшней словесной технику, послѣднихъ усовершенствованіяхъ литературной формы и гибкости творчества увлекло-бы читателя и дало-бы ему нѣсколько захватывающихъ часовъ.

Какъ извѣстно, попытка братьевъ Гонкуръ къ совмѣстному сотрудничеству внесла въ сокровищницу мировой литературы цѣ-

дый ряд художественных, образцовых романов.

По пути братьев пошли другие западные писатели и романы их, проникнутые общим настроением, несколько не уступали произведениям отдельных авторов.

Не так давно в Германии двенадцать писателей произвели опыт коллективного романа и замысел их привертствовался как критиками, так и читателями.

Помните, как высмеивал у нас Козьма Прутков процесс индивидуального литературного творчества?

„Толпой огромною стлснился въ мой умъ, разнообразныя, удачныя сюжеты,

Съ завязкой сложною, съ анализомъ души И съ патетичною, загадочною развязкой.

Я думалъ въ мировой поэмѣ ихъ равить, Въ большомъ, посредственномъ или маленькомъ масштабѣ,

И ужъ составилъ планъ..... Съ задаткомъ опытной практичности житейской,

Съ запасомъ творческихъ и правильныхъ началъ,

Съ избыткомъ силъ души и выстраданныхъ чувствъ,

На данныя свои взирая объективно Задумалъ типы я, и идеалъ создалъ...

..И прямо, кажется, къ предмету я отнесся; И, поэтичнѣ его развитъ хотѣвъ,

Характеры свои заранѣ обусловилъ... Но разложенья, вдругъ, нечаянный моментъ Настигъ мой славный планъ... И я вотще, стараюсь

Хоть точку, въ сей бѣдѣ, исходную найти! „Сія бѣда“ во всякомъ случаѣ не постигнетъ авторовъ коллективного фантастического романа, къ печатанію котораго приступаетъ сегодня „Синій Журналъ“...

Ихъ планъ простъ: объединенные однимъ стремленіемъ дать живой, увлекательный разсказъ, авторы романа, сплетая фантазію съ дѣйствительностью, поведутъ читателя исключительно по пути интересной и увлекательной фабулы, которая будетъ развиваться съ каждой главой все пышнѣе и пышнѣе.

Читатель романа отдохнетъ надъ нимъ послѣ тѣхъ изломовъ и вывертовъ ралчннхъ „модернъ-авторовъ“, которые отцвѣди, не успѣвши расцвѣсть.

Онъ отдохнетъ на романѣ добраго, стараго времени, — томъ безыскусственномъ, доступномъ каждому легкому, фантастическомъ повѣствованіи, при чтеніи котораго скрашивались досуги, жила и разгоралась фантазія... многихъ поэтовъ и писателей, за-

навшихъ почетное мѣсто въ мировой литературѣ.

Редакціей „Синяго Журнала“ получались письма какихъ-то анонимовъ, кивавшихъ по поводу затѣи лучшихъ русскихъ писателей на „честные, благородные завѣты русской литературы“.

Собственно ихъ „протестики“ въ основѣ своей такъ шатки и ломки, что не слѣдовало-бы и вовсе касаться ихъ здѣсь. По для предупрежденія дальнѣйшей корреспонденціи представителей этого рода „литературнаго пуританизма“, мы привели исторические примѣры коллективного творчества (конечно, не ставя на одну плоскость указаные выше поэтическіе шедевры съ скромной затѣей русскихъ писателей).

Судить объ удачѣ замысла станемъ только тогда, когда коллективный фантастическій романъ будетъ заключенъ послѣдней точкой.

Пусть потерпятъ до того времени наши зоиы и критики „отъ апломба“...

А пока согласимся со старой формулой: — Все роды и виды искусства прекрасны, кромѣ бездарнаго и скучнаго.

Вас. Регининъ.

РАДІЙ И АВИАЦІЯ.

Новая бесѣда съ Эдисономъ.

Американскій интервьюеръ спросилъ на дняхъ Томаса Эдисона, этого мага и чародѣя современной прикладной науки: каково его мнѣніе о современной авіаціи?

Знаменитый изобрѣтатель улыбнулся и покачалъ головой:

— Человѣкъ не разрѣшилъ еще проблемы лтанія. Современная авіатика, лганіе на аэропланѣ, несомнѣнно — интересный видъ спорта. И въ этомъ спортѣ человѣкъ оказалъ уже большіе успѣхи. Но это не лганіе, а „скольженіе“ по воздуху. Человѣкъ будетъ летать лишь тогда, когда научится подыматься ввысь по перпендикулярю, не скользя по воздуху, а преодолевая его усиліями машины.

— Могутъ-ли ваши электрическія батареи дать аэроплану необходимую механическую энергію? — спросилъ интервьюеръ. Г. Эдисонъ лишь недавно изобрѣлъ самый усовершенствованный типъ батарей. Но онъ опять отвѣтилъ въ отрицательномъ смыслѣ.

— Нѣтъ. — отвѣтилъ онъ. — Онѣ слишкомъ тяжелы для этого... Если-бы только могли воспользоваться радіемъ для воздухоплаванія!.. Вотъ вамъ идеальный двигатель для аэроплана. Подумайте только: одна пригоршня радія содержитъ въ себѣ столько механической энергіи, сколько необходимо для приведенія въ движеніе величайшаго океанскаго парохода Мавританію въ 32.000 тоннъ. Но теперь еще авіаторамъ нельзя и мечтать о радіи. Едва измѣримая частица этого драгоценнаго металла стоитъ тысячи. Но когда нибудь мы непременно добьемся дешеваго способа добыванія радія. Это открытіе можетъ быть сдѣлано въ любой моментъ. И тогда...

Великій изобрѣтатель смолкъ передъ грандіозными перспективами этого открытія.

Лестное замѣчаніе.

Помѣщаемъ отрывокъ изъ интересной статьи де-Лаво въ «La Revue».

„Мнѣ недавно пришлось быть въ Россіи, — пишетъ де-Лаво — по заказу императорскаго правительства я сдалъ нѣсколько дирижаблей типа „Зодиакъ“. То, что я увидѣлъ въ Россіи, искренно изумило меня: трудно представить себѣ, насколько Россія опередила Францію, общепризнанную колыбель авіаціи.

Прекрасно оборудованные ангары, въ изобилии снабженные всѣми нужными принадлежностями, въ большомъ количествѣ находятся на громадной территоріи. Заводы въ необходимомъ количествѣ добываютъ безукоризненный газъ, который съ удивительной скоростью разсылается по всѣмъ имперскимъ аэродромамъ.

„Достаточно характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій примѣръ. Во Франціи для наполненія газомъ „Зодиакъ“, емкостью въ 2000 кубическихъ метровъ, мнѣ требовалось всегда трое сутокъ. Въ Россіи я наполнилъ такихъ же размѣровъ „Зодиакъ“ въ 1¼ часа.

Русскіе аэронавты держатся того мнѣнія, что нѣсколько дирижаблей небольшихъ сравнительно размѣровъ принесутъ гораздо больше пользы, чѣмъ одинъ большой дирижабль. Это мнѣніе до сихъ поръ раздѣляется исключительно русскими. Я увѣренъ, что этотъ принципъ рано или поздно возьметъ верхъ“...

Премьеръ-министръ П. А. Столыпинъ

(къ послѣднимъ правительственнымъ актамъ)

Со спеціального снимка придворнаго фотогр.

Премьеръ-министръ П. А. Столыпинъ въ полной парадной формѣ въ Александровскомъ залѣ Зимняго дворца противъ Александровской колонны. Зала рядомъ съ кабинетомъ покойнаго Государя Александра III, гдѣ занимался П. А. Столыпинъ, проживая въ покояхъ Зимняго дворца.

(ТРИ БУКВЫ)

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна.

На улицѣ Догъ-Стригъ (въ трущобѣ Санъ-Франциско) въ мрачномъ притонѣ „Кровавая Мышеловка“ идетъ азартная игра. Капитанъ русскаго судна, князь Ингушевъ, проигралъ всю имѣющуюся при немъ наличность, около 80.000 долларовъ, и предложилъ играющимъ принять вмѣсто денегъ на ставку брилліантъ, вѣланый въ дамскую серьгу и привѣшанный къ золотому браслету. Ставка принята. Брилліантъ оцененъ въ семь тысячъ долларовъ. Игра продолжается... Въ эту минуту въ дверяхъ притона, куда за все время его существованія еще не входила ни одна женщина, появляется неожиданно высокая красавица и восклицаетъ:

— Владиміръ!.. Я пришла за тобой!..

Взволнованный князь Ингушевъ проситъ ее обождать, пока выяснится результатъ игры...

„№ 1“, на который ставитъ князь Ингушевъ выигрываетъ. Князь Ингушевъ долженъ получить изъ банка 242 тысячи долларовъ.

Банкъ выплачиваетъ ему только 230 тысячъ.

— Остальную сумму вы можете уплатить мнѣ когда вамъ будетъ угодно, — улыбаясь говоритъ князь. — Я больше всего забочусь о томъ, чтобы мнѣ возвратили мой брилліантъ!..

... Шестидесяти-силный автомобиль мягко мчалъ ихъ по гладкому шоссе. Зареву электрическихъ огней сіяло надъ Санъ-Франциско...

ГЛАВА III.

С У Д Б А.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

— О, да, конечно, конечно... взволновался крупье — и суетливо сталъ искать серьгу на столѣ и въ ящикахъ для золота. Но ея нигдѣ не находилъ.

— Это колдовство! — вскричалъ испанецъ — Я самъ отлично помню, что положилъ ее вотъ сюда, въ этотъ ящикъ.

— Джентльмены, — сказалъ русскій, — прошу васъ, не сходя съ мѣста, поищите мой брилліантъ, не закатился ли онъ куда-нибудь подъ сукно или, можетъ быть, онъ упалъ на полъ. Тому, кто его найдетъ, я предлагаю 100.000 долларовъ!..

— Я предлагаю 100.000 долларовъ — сказала молодая женщина, стоявшая въ дверяхъ. — Камень долженъ найтись! — и она блеснула на Владиміра негодующимъ взглядомъ своихъ прекрасныхъ фіолетовыхъ глазъ.

— Да, да, вы правы Мери — воскликнулъ русскій князь. — Смотрите, джентльменъ я беру изъ моего выигрыша 80.000 долларовъ, принадлежавшихъ мнѣ раньше. Остальные деньги я оставляю на храненіе администраціи вашего вертепа. Тотъ кто найдетъ брилліантъ и доставитъ его мнѣ въ Hotel Bristol, мнѣ князю Ингушеву, получитъ цѣликомъ всю сумму.

Всѣ — игроки, крупье, члены акціонерной игорной компаніи, администрація «Кровавой Мышеловки» всѣ приняли участіе въ поискахъ брилліанта, но онъ точно упалъ въ морскую пучину.

— Пойдемъ! — сказала повелительно женщина, обращаясь къ русскому.

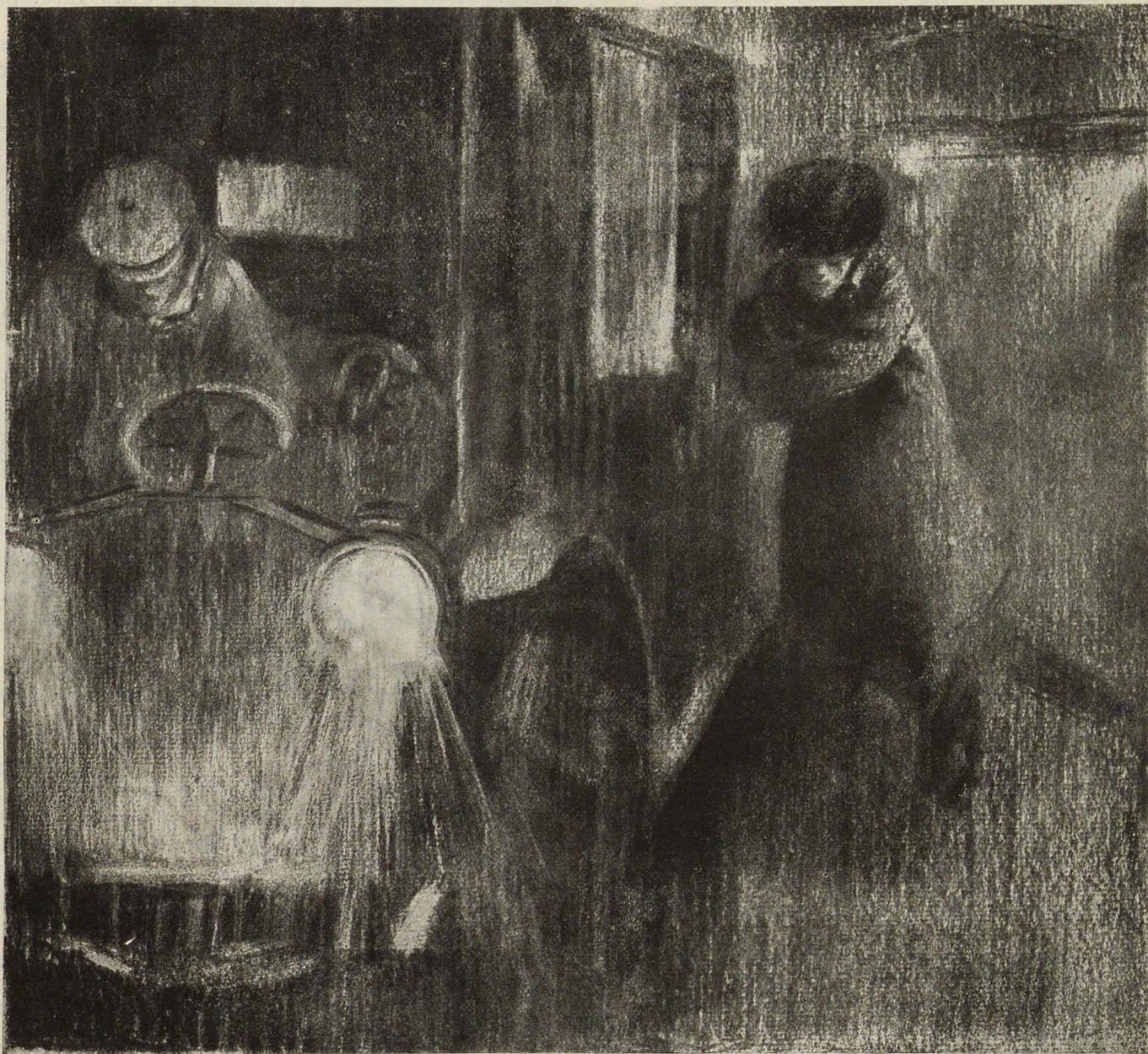
У крыльца ее дожидался автомобиль. И только, когда за ними съ трескомъ захлопнулась дверь, она обвила его прекрасными руками, прижалась къ его груди и расплакалась.

— Зачѣмъ ты не сохранилъ этого камня! — говорила она въ отчаяніи. — Мнѣ вовсе не жаль этой бездѣлушки. Я не сержусь, что ты мой самый интимный подарокъ поставилъ на этотъ грязный столъ...

— Прости меня! — прошепталъ Владиміръ, цѣлуя ея мягкіе волосы.

— Нѣтъ! повторяю, не сержусь на тебя. Но развѣ ты не могъ вспомнить, что съ этимъ камнемъ тѣсно связано наше счастье и наша жизнь. Развѣ ты не знаешь, сколько

Рис. Н. Герардоза.

(Къ фантастическому коллективному роману „Синяго Журнала“).

...Молодой человекъ осторожно вынулъ изъ кармана дощечку съ номеромъ и ловкимъ движеніемъ прицѣпилъ ее, закрывъ прежній номеръ.

крови должно пролиться только отъ того, что брилліантъ не виситъ на твоей рукѣ, наконецъ, ты вѣдь самъ зналъ, что этотъ галисманъ приноситъ счастье только разъ въ жизни тому, кто его носить!.. И смотри: въ первый разъ за пять лѣтъ нашей разлуки мы прибѣгли къ его помощи, и вотъ онъ не обманулъ, принесъ тебѣ счастье... но какое? Нѣсколько смятыхъ бумажекъ, нѣсколько кучекъ металла, которыя не нужны ни тебѣ, ни мнѣ... А вѣдь мы съ тобой не видались цѣлыхъ 5 лѣтъ и такъ стремились другъ къ другу и неужели напрасно?

Шестидесяти - сильный автомобиль мягко мчалъ ихъ по гладкому шоссе. Заревое электрическихъ огней сіяло вдали надъ Санъ-Франциско.

ГЛАВА IV.

ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКІЯ БУКВЫ.

А въ это время въ одномъ изъ самыхъ таинственныхъ и недоступныхъ кабинетовъ «Кровавой Мышеловки» происходила странная сцена.

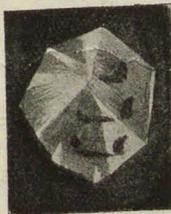
Недавній круппе, смурный венецианецъ съ разбой-

ничьимъ лицомъ, стоялъ, почтительно согнувшись передъ мужчиной, небрежно полулежавшимъ на диванѣ. Человека этого не было сегодня видно ни въ игровой, ни въ нижнихъ залахъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, бѣлокуръ, съ пушистыми свѣтлыми усами и холодными голубыми глазами. Несмотря на статское платье, въ немъ, по наружности и выправкѣ, угадывался переодѣтый военный.

— Я успѣлъ незамѣтно разогнуть ланки у серги, вынуть камень и спряталъ его въ ротъ,—говорилъ по англійски испанецъ, протягивая загадочному гостю брилліантъ. — Возьмите его, ваша честь... Я знаю, что вы не оставите насъ безъ награды... Я не въ первый разъ служу вамъ...

— Какъ ты это сдѣлалъ?—спросилъ блондинъ.

— Какъ и всегда, ваша честь... Рядомъ со мною, если вы замѣтили... а я вѣдь видѣлъ, какъ вы нѣсколько разъ выглядывали изъ-за дверей... рядомъ со мною сидѣлъ очень сильный—гипнотизеръ... онъ былъ въ сѣрыхъ очкахъ... Мое дѣло заключалось только въ

Камень съ таинственными знаками.

томъ, чтобы обыграть князя навѣрняка, а мистеръ Чильби усилиемъ воли заставилъ его снять бриллиантъ.

— Хорошо — сказалъ отрывисто голубоглазый — можешь идти. — Кольцо останется у меня. Завтра ты получишь половину награды... Будь здѣсь же въ 11 часовъ вечера.

Испанецъ ушелъ. Незнакомецъ тотчасъ же досталъ изъ кармана лупу и принялся пристально разсматривать камень.

— Такъ и есть — прошепталъ онъ, покачавъ головой. Вотъ онъ этотъ странный знакъ, похожій на древне еврейскія буквы... И въ глубинѣ гравировки легкій слѣдъ сургуча. Да, я былъ правъ... Камень несомнѣнно служилъ печатью.

А. Купринъ.

ГЛАВА V.

ДЬЯВОЛЬСКИЙ ЗАМЫСЕЛЬ.

— Но теперь не будемъ терять времени. — сказалъ голубоглазый блондинъ. — Выполнимъ все по намѣченному плану.

Онъ опустилъ камень въ жилетный карманъ, наглухо застегнулся, надѣлъ висѣвшее тутъ-же пальто, низко на глаза опустилъ широкия поля сомбреро и по узенькой витой лѣсенкѣ спустился на улицу.

Было совсѣмъ тихо и пусто въ этотъ поздній часъ. Ни одного кэба, ни одного прохожаго. Только на углу домовъ черезъ десять вырисовывался силуэтъ извозчичьяго автомобиля. Молодой человѣкъ тотчасъ и направился къ нему, стараясь не стучать каблуками, чтобы подойти незамѣченными.

Автомобиль былъ пустъ; на переднемъ сидѣннѣ дремалъ шофферъ.

Молодой человѣкъ осторожно вынулъ изъ кармана дощечку съ номеромъ, какія обыкновенно прикрѣпляются сзади между колесъ автомобилей и, ловкимъ движеніемъ прицѣпилъ ее, прикрывъ прежній номеръ. Затѣмъ подошелъ къ шофферу и гробомъ разбудилъ его.

— Долго-ли мнѣ еще будить васъ? Вамъ бы лучше спать у себя дома. Въ Ольдъ-Пинъ-Стритъ! Мимо стараго рынка. Живо!

Смущенный шофферъ пустилъ машину полнымъ ходомъ.

Когда они выѣзжали на ярко освѣщенную главную артерію ведущую изъ глухого Догъ-Стрита въ центральную часть Санъ-Франциско, какой-то преземистый человѣкъ, съ бапюшономъ на головѣ, точно поджидавшій ихъ посреди улицы, прокричалъ что-то вслѣдъ и, вынувъ книжку, тщательно, записалъ номеръ автомобиля.

Молодой человѣкъ, наблюдавшій за этой операціей черезъ окошечко экипажа, самодовольно усмѣхнулся и проговорилъ:

— Удачно! Ишейка пушена по ложному слѣду. Они завтра лопнутъ отъ бѣшенства, когда во всѣмъ городѣ не окажется автомобиля подъ номеромъ 1.232.323 Б.Б.Б.

ГЛАВА VI.

ЧЕРНАЯ САЛЛИ.

Минувавъ старыи рынокъ, молодой человѣкъ приказалъ шофферу остановиться около небольшого грязнаго дома, съ облупившимися отъ сырости стѣнами и окнами, заколоченными гнилыми досками.

Получивъ деньги шофферъ отъѣхалъ настолько мед-

ленно, что молодому человѣку не составило большого труда отцѣпить свою нумерованную дощечку и снова спрятать ее въ карманъ.

Затѣмъ онъ постучалъ ногой въ окошко подвала условнымъ стукомъ. Такой же стукъ не замедлил отвѣтить ему изнутри подвала.

Минуты черезъ двѣ пріоткрылась калитка и старушечій голосъ проищалъ въ щелочку.

— Это ты пьяный Биль?

Молодой человѣкъ молчалъ.

— Въ такомъ случаѣ это пьяный Бобъ?

Не дождавшись отвѣта старуха воскликнула уже вполне увѣреннымъ тономъ.

— Эге, да это самъ пьяный Дикъ! Входи-же старая обезьяна! Не держи меня на холоду, свинячій объѣдокъ.

Молодой человѣкъ усмѣхнулся и, толкнувъ дверцу, шагнулъ во дворъ.

Маленькій черный комокъ, державшій фонарь скрюченной бурой лапой, ахнулъ и присѣлъ отъ удивленія.

— Мистеръ Перси? Въ такую пору. Что случилось?

— Хорошо же ты меня принимаешь, черная Салли. Веди меня къ себѣ, да живо. Я по дѣлу.

Старуха быстро повернулась и покатила шарикомъ внизъ по лѣсенкѣ, освѣщая фонаремъ дорогу гостю.

Въ маленькой тѣсной каморкѣ, заваленной старымъ тряпьемъ и всякой дрянью, старуха усадила молодого человѣка на сундукъ и, поднявъ къ нему свое черное сморщенное личико, усиленно заморгала глазами, чтобы показать, что внимательно слушаетъ.

— Я пришелъ по важному дѣлу. Сама понимаешь, что въ такую пору по пустыкамъ не приходятъ. Я знаю — ты предана мнѣ, ты меня выкормила и, навѣрное, не откажешь мнѣ въ томъ, что для меня такъ важно.

Старуха, не предвидя ничего хорошаго послѣ такого вступленія, скорчила плаксивую рожу и вздохнула.

— Я люблю тебя Перси, но я всегда боялась, когда ты начиналъ говорить, какъ пасторъ. Будучи еще совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ, ты уже...

— Ну, не болтай. Некогда. Я пришелъ сюда... ну, словомъ, дѣло въ томъ, что мнѣ нужна твоя кожа.

— Моя кожа?

Старуха кинула бѣглый взглядъ на дверь, словно прицѣливаясь, успѣетъ ли она во время выпрыгнуть.

— На что господину кожа старой негрятинки? На сапоги?

— Нѣтъ, не только на сапоги. Я весь долженъ быть чернымъ. Я долженъ стать къ утру негромъ. Если ты, старая вѣдьма, не съумѣешь сдѣлать изъ меня негра какими-нибудь мазями и красками, я просто на просто сдеру съ тебя кожу и обклеюся ею. Такъ и знай.

— Моей кожи хватилъ бы господину только до пояса. Но перекрасить кожу господину я берусь такъ, что никто не узнаетъ. Когда у толстухи Бекки родился бѣлосый ребенокъ въ отсутствіи мужа, это вѣдь я его подбросила. Да какъ хорошо! Только одинъ разъ въ годъ приходилось подновлять, пока отецъ его не померъ. А тамъ отчистился мѣломъ съ укусомъ...

— Я такъ и зналъ, что ты на всѣ руки мастерь, старая хрычевка. Живо за работу. Мнѣ нужно къ утру хорошенько просохнуть. Ты мнѣ раздобудешь подходящее платье. ну да объ этомъ послѣ. А теперь живо за работу.

Тэффи.

Продолженіе романа въ слѣд. номерѣ: глава VII Тэффи — „Самъ себѣ лакей“ и начало дальнѣйшаго текста I. I. Ясинскаго, въ который входятъ слѣд. главы: Глава VIII. Небоскребъ въ Гилл-Микетъ. Глава IX. Еще нечто-таинственное. Глава X. Даже нѣчто легендарное. Глава XI. Продолженіе легенды. Глава XII. Къ Боксу! Глава XIII. Боксомъ. Глава XIV. Эпоха Соединенныхъ Метль. Глава XV. Опять бриллиантъ.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. И. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолия Камеискаго, Тэффи, В. И. Немуровича-Данченко, А. А. Измайлова, А. И. Будищева, И. И. Гнѣдича, И. Н. Потаненко, В. А. Тихонова, I. I. Ясинскаго, и друг. съ „необходимымъ послѣсловіемъ“ Вас. Регина.

I. I. Ясинский.

Въ коллективномъ романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
I. I. Ясинский,
В. И. Немирович-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.,
съ „послѣсловиемъ“
Вас. Регинина.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна и Тэффи.

Въ мрачныхъ трущобахъ Санъ-Франциско въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“ идетъ азартнѣйшая игра. Проигравъ всѣ наличныя деньги (болѣе 80,000 дол.) капитанъ русскаго судна, кн. Ингушевъ ставитъ на tavolo вмѣсто денегъ золотую серьгу съ драгоценнымъ камнемъ, и „убиваетъ“ банкъ. Князю выплачиваютъ 230,000 дол., но поставленнаго брилліанта, не смотря на обещанную княземъ награду, найти не могутъ. Брилліантъ исчезъ...

Вошедшая въ это время женщина требуетъ, чтобы кн. немедленно вѣхалъ съ ней изъ притона и дорогой упрекаетъ спутника за то, что онъ поставилъ на карту брилліантъ, дорогой для нея, какъ талисманъ, приносящій счастье.

Пропавшій брилліантъ оказался у нѣкоего молодого человѣка Перси, быть можетъ, знавшаго тайну трехъ буквъ, выгравированныхъ на камнѣ. Смуглый испанецъ сумѣлъ незаметно взять со стола брилліантъ и спрятать въ ротъ, а потомъ передалъ его Перси, который во время игры въ игорныхъ залахъ не былъ. Сейчасъ-же послѣ кражи съ разными предосторожностями Перси пробрается на другую окраину города и въ темномъ подвалѣ проситъ свою старую няньку, негритянку Салли, выкрасить его въ черный цвѣтъ, чтобы походить на негра.

— Ты на всѣ руки мастеръ, старая хрычевна! Живо, за работу. Мнѣ нужно къ утру хорошо просохнуть. Ты мнѣ раздобудешь подходящее платье, ну да объ этомъ послѣ. А теперь живо за работу!.. И бѣлый Перси превращается въ негра Тома Квика.

ГЛАВА VII.

САМЪ СЕБѢ ЛАКЕЙ.

Мистриссъ Хау-Дэвисъ только что встала и, приколовъ съдвѣя булки, пила утренній кофе, когда ей доложили, что пришелъ, наконецъ, тотъ негръ-лакей, котораго она такъ давно ожидала.

— Пусть войдетъ, это очень важно, — сказала мистриссъ Хау-Дэвисъ и откинулась на спинку кресла.

— Васъ нанялъ мой сынъ? — спросила она вошедшаго въ комнату высокаго стройнаго негра въ зеленой форменной курткѣ съ золотыми пуговицами.

— Да, сударыня. Мистеръ Перси приказалъ мнѣ явиться сюда еще недѣлю тому назадъ. Я виноватъ, что такъ запоздалъ, но по контракту долженъ былъ дослужить у стараго хозяина.

— Не въ томъ дѣло, что вы опоздали, — перебила его старая леди, — а въ томъ, что я хочу поскорѣе узнать, гдѣ теперь мой сынъ Перси. Онъ ушелъ по какому-то дѣлу двѣ

недѣли тому назадъ и съ тѣхъ поръ никто его не видѣлъ.. На-дняхъ я получила отъ него коротенькую записку. Онъ сообщаетъ мнѣ, что пришлетъ сюда слугу негра, которому проситъ довѣрить уборку его комнатъ. Письмо было безъ штемпеля и безъ даты. Нашли его въ ящикѣ для газетъ. Ничего не понимаю.

— Я не знаю сударыня, гдѣ теперь находится мистеръ Перси. Онъ нанялъ меня въ Филадельфи. Я ничего не знаю. Зовутъ меня Томъ Квикъ, къ услугамъ вашей милости.

Леди разсматривала новаго слугу въ лорнетъ и думала:

«Онъ строенъ и гибокъ, но какая неодолимая пропасть отдѣляетъ этихъ звѣроушекъ отъ насъ. Въ каждомъ его движеніи есть что-то наглое и вмѣстѣ съ тѣмъ рабское. Не даромъ Богъ вселилъ въ насъ это могучее стихійное отвращеніе къ чернымъ. Бррр... И какой отвратительный запахъ отъ этихъ людей.»

— Идите, милый мой, вамъ покажутъ комнаты моего сына. Держите ихъ въ порядкѣ.

Новый лакей поспѣшно вышелъ и, не требуя указаній пришесть, прошелъ на половину молодого барина.

Если бы старая леди подсматривала за нимъ, она была бы очень удивлена его поведеніемъ. Вмѣсто того, чтобы убирать и мести полъ, онъ взялъ съ туалетнаго стола бритву и, засучивъ панталоны на лѣвой ногѣ, сдѣлалъ легкій надрѣзъ надъ самымъ колѣномъ. Крови почти не вышло.

Затѣмъ, вынувъ изъ жилетнаго кармана какой-то маленькій твердый предметъ и засунувъ его подъ кожу. Доставъ двѣ стальные булавки, онъ съ ловкостью хирурга соединилъ края ранки и залилъ ихъ колодіемъ.

— Черезъ три дня заростетъ — прошепталъ онъ, утирая холодный потъ, выступившій на лбу отъ боли. — Такъ спойойнѣе. А теперь пора и за дѣло.

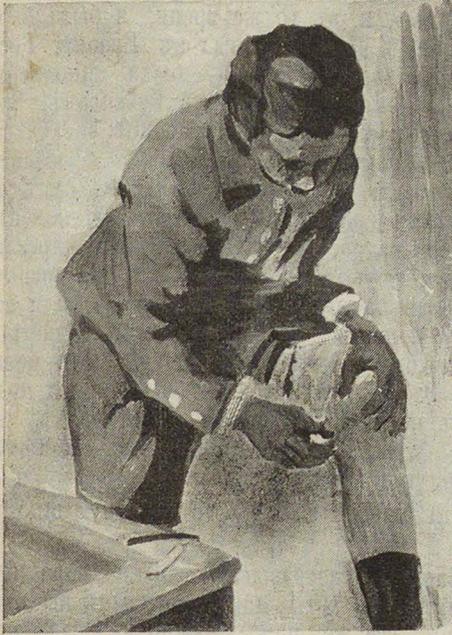
Тэффи.

— Я ничего не знаю... Зовутъ меня Томъ Квикъ... Къ услугамъ вашей милости...

ГЛАВА VIII. НЕБОСКРЕБЪ ВЪ ГИЛЬ-МИКСТЪ.

На вновь проложенной широкой улицѣ Гиль-Микстъ возвышался небоскребъ—громадное двадцативосьмиэтажное зданіе, свимокъ съ котораго въ свое время былъ напеча-

Онъ съ ловкостью хирурга соединилъ края ранки и залилъ ихъ колодіемъ (см. стр. 2).

танъ во всѣхъ лучшихъ міровыхъ ежедневныхъ. Роскошный лифтъ поднималъ и опускалъ жильцовъ небоскреба съ феноменальною быстротою. Въ описываемое же утро лифтъ былъ пущенъ съ такой силой на высоту двадцать вѣсьмого этажа, что, когда онъ достигнулъ конца, пассажиръ, мистеръ Спрингъ, почти въ обморочномъ состояніи вбѣжалъ въ мастерскую знаменитаго художника Шерри-сона и хриплымъ голосомъ закричалъ:

— Виски!

Въ мастерской было нѣсколько человѣкъ—все первоклассныя свѣтила американской палитры: огромный Диплокъ, крохотный Краббъ, красивая рыжеволосая Бетти, завитой, черный, какъ жукъ, Ньюкомбъ Друмбуамъ, веселый русскій эмигрантъ—Калина и еще нѣсколько другихъ знаменитостей.

На мольбертѣ стояло длинное полотно, а вокругъ круглаго стола размѣстилось высокое художественное собраніе и наслаждалось завтракомъ.

Хозяинъ мастерской Шеррисонъ добродушно поглядывалъ на товарищей и угощалъ ихъ настоящими русскими яйцами. Какъ извѣстно, въ Америкѣ нѣтъ натуральныхъ яицъ. Страшное зло фальсификаціи захватило въ Америкѣ и яйца въ свои цѣпкія руки. Яйца, которыми угощалъ метръ Шеррисонъ, были недоварены, вылиты въ общую миску и, смѣшанныя съ солью, подсушенными гренами и благовоннымъ ямайскимъ ромомъ, представляли собою привлекательное блюдо, которое веселый Калина немедленно прозвалъ «вали-все-въ-кучу».

— Поль-моль—старался онъ перевести по англійски.

Когда мистеръ Спрингъ—извѣстный репортеръ газеты «Желтый Калифорніецъ»—задыхаясь, потребовалъ виски, зѣвъ повернули въ его сторону голову и единогласно спросили:

— Что случилось?

— Виски!—повторилъ Спрингъ и упалъ на табуретку.

Но виски уже не было. Все было вылито. Шеррисонъ взялъ пробку отъ виски и далъ ее понюхать Спрингу. Репортеръ закрутилъ носомъ, чихнулъ нѣсколько разъ и пришелъ въ себя.

— Случилось, мистеры, нѣчто изъ ряда вонъ выходящее, — началъ онъ. — Вчера въ «Кривавой Мышеловкѣ» потерянъ брилліантъ, и объ этомъ шумитъ сегодня вся калифорнійская пресса. Брилліантъ принадлежалъ русскому капитану. Поразительно богаты эти сѣверные варвары!

— Ваше обобщеніе, Спрингъ, оскорбляетъ мое патріотическое чувство,—сказалъ Калина.

— Какое тамъ патріотическое чувство! — вскричалъ Спрингъ.—Я самъ изъ Бердичева! А вотъ предложено сто пятьдесятъ тысячъ долларовъ тому, кто найдетъ и доставитъ брилліантъ!

— Огромное состояніе,—сочувственно проворчали великіе художники.

— «Но этого мало. Я былъ вчера въ «Кривавой Мышеловкѣ» по почетному билету, да имѣлъ глупость уйти какъ разъ передъ тѣмъ, какъ началась исторія. Я было подумалъ, что конкуренты «Желтаго Калифорніца» придумали всю эту галиматью, чтобы насолить намъ на розничной, продажѣ. Но общій голосъ утверждаетъ, что происшествіе, описанное въ газетахъ, въ высшей степени правдиво. Скажите,—изъ васъ, можетъ быть, кто былъ въ «Кривавой Мышеловкѣ» послѣ меня?

Художники вопросительно переглянулись.

— Ахъ, сто пятьдесятъ тысячъ, сто пятьдесятъ тысячъ!—со стономъ проговорилъ Спрингъ и, изнемогая, закричалъ:—глубокоуважаемый Шеррисонъ, дайте мнѣ еще немножечко понюхать.

Шеррисонъ подалъ ему пробку отъ виски и еще разъ привелъ въ чувство.

Спрингъ продолжалъ:

— Въ «Кривавой Мышеловкѣ» вы всѣ просаживаете громадные деньги... На «Кривавую Мышеловку» уходятъ авансы, забранные вами не только отъ калифорнійскаго музея, у миллиардера Гульда, у миллиардера Фульда, у миллиардера Зульда и у множества другихъ; но даже вы ухитрились задержать «Кривавой Мышеловкѣ»... И какъ васъ угораздило все-таки пропустить вчерашній вечеръ и не быть свидѣтелями такого грандіознаго, такого геніальнаго и такого по истинѣ нелѣпаго событія... Ахъ, сто пятьдесятъ тысячъ, сто пятьдесятъ тысячъ! Ахъ, сѣверные варвары! Ахъ, мои глупые бывшіе соотечественники, не берегущіе сокровищъ, которыми великодушная судьба надѣляется ихъ!

Спрингъ закрылъ лицо руками и искренно горевалъ. Онъ нагналъ тоску даже на веселаго Калину.

ГЛАВА IX.

ЕЩЕ НѢЧТО ТАИНСТВЕННОЕ.

Первый нарушилъ тягостное молчаніе Шеррисонъ.

— Чортъ ихъ дери сто пятьдесятъ тысячъ! — вскричалъ онъ—Эка, невидаль! Присядемъ, товарищи, хорошенько за нашу картину, и миллиардеръ Дульдъ заплатитъ намъ за нее ровно столько же.

— А, у васъ новый заказъ, почтенны мистеры? — спросилъ Спрингъ, надѣлъ на носъ пенснэ и сталъ смотреть на полотно, на которомъ были написаны ухо, рука и сапогъ. Остальная часть полотна представляла собою еще пустое мѣсто.—Я хорошенько не понимаю, — продолжалъ Спрингъ:—что же это будетъ?

— Картина,—отвѣчалъ Шеррисонъ—и пребольшая. Мистеру Дульдѣ захотѣлось имѣть ее. Насъ тринадцать знаменитостей, а при добромъ желаніи—можно собрать и больше народа. По его замыслу, картину начинаютъ одинъ, продолжаетъ второй, третій, четвертый, пятый, и потомъ кто нибудь заканчиваетъ. Къ уху, нарисованному мной, придѣлаетъ щеку мистеръ Крабъ, а къ щеку мистера Краба приставитъ носъ миссъ Бетти. Животъ сдѣлаетъ мистеръ Диплокъ, а мистеръ Калина пришьетъ другую необходимую часть тѣла. И такъ понемножку составитъ цѣлое, а потомъ мистеръ Дульдъ повѣситъ картину въ своей столовой и съ гордостью будетъ говорить:—вотъ оно великое американское искусство... А, это не то, что какой нибудь тамъ Рѣпинъ или варваръ Тургеневъ!

— Рѣпинъ, положимъ, живописецъ, а Тургеневъ — былъ такой романистъ,—возразилъ Спрингъ.—Вообще русскіе особенные люди. Но великое американское искусство... О, дѣйствительно, это еще нѣчто небывалое! Картина — микстъ!

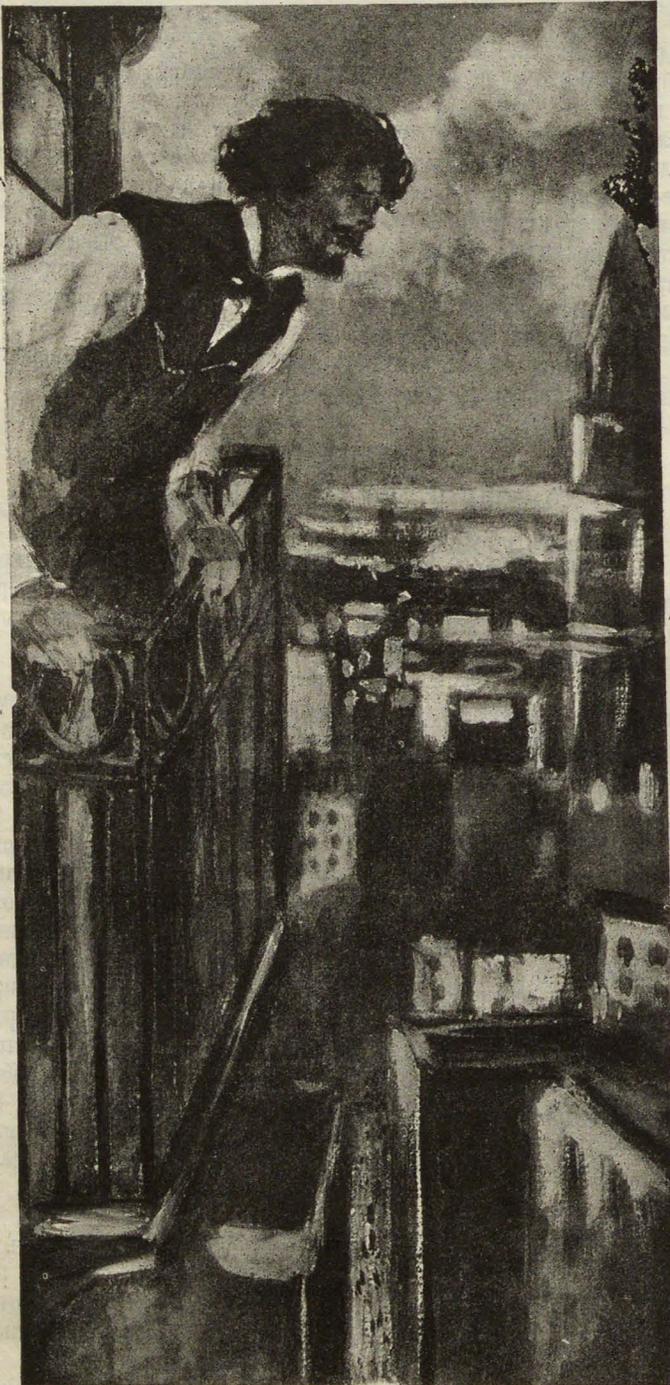
Онъ досталъ изъ кармана карне и написалъ замѣтку для «Желтаго Калифорніца». Кончивъ писать, онъ сказалъ

— А что же будетъ, однако, съ брилліантомъ?

И изъяснялся за цилиндръ.

— Не уходи, Спрингъ, я скажу тебѣ нѣсколько словъ о бриллиантѣ, — сказалъ Шеррисонъ, устремивъ взглядъ въ пространство.—Обстоятельства, при какихъ, какъ видно изъ твоего сообщенія, проявилъ свою чудодѣйственную силу бриллиантъ русскаго капитана, заставляетъ меня подозревать, что я—я Шеррисонъ — когда то былъ его первымъ владѣльцемъ. Да, я обладалъ подобнымъ же камнемъ —если не имъ самимъ. У меня былъ бриллиантъ, и сравнительно не такъ давно, чистѣйшей воды и вѣсомъ около десяти каратъ. Вообще, что такое бриллиантъ? Хорошенькій камешекъ и больше ничего. Но бриллиантъ, который у меня былъ—такого другого нѣтъ. Въ немъ была особая вода, блескъ, игра, и онъ долго не хотѣлъ разставаться со мной. Я таскалъ его по всевозможнымъ притонамъ и забы-

Рис. Н. Ле ард. ва.

...И открывъ колоссальное окно, сталъ у рѣшетки балкона, висящаго надъ бездною, и вскричалъ: о ты, безъ котораго жизнь моя потускнѣла, вернись ко мнѣ хоть на короткое время, странный, божественный, сверкающій камень!

валъ въ жалкихъ тавернахъ. Но подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ онъ возвращался ко мнѣ. Было въ немъ что-то таинственное, магическое, непонятное, и на одной его грани нацарапаны были какіе-то знаки. Я не силенъ въ этой тарабарщинѣ и не могъ прочитать. Но пока былъ камень со мною, онъ волновалъ меня, терзалъ, заставлялъ жить какою-то высшей жизнью, и, въ то же время, я былъ чертовски счастливъ съ нимъ. Я жилъ тогда въ Европѣ. Россія, Англія, Франція, Германія, Италія — были наполнены громомъ моего имени. Меня сравнивали съ Рубенсомъ. Золото звенѣло въ моихъ карманахъ. Мои картины расхватывались по бѣшеннымъ цѣнамъ. Первые красавицы бросались мнѣ на шею. Но я бѣжалъ отъ своего счастья и, самъ не знаю почему, топталъ въ грязь свой бриллиантъ. Наконецъ, я попалъ какъ-то въ матросскій кабачекъ въ Марсели, пропьянствовалъ цѣлую ночь. Какой то русскій матросикъ, повидимому, не придавая камню никакой цѣны, а ради золота, стащилъ его у меня съ пальца и съ тѣхъ поръ я сталъ Шеррисонъ, потому, что бриллиантъ ко мнѣ больше не возвратился. Разсердился на меня. Правда, и подъ этимъ псевдонимомъ я сталъ извѣстенъ въ Америкѣ, но все же—увы, ушелъ отъ меня мой бриллиантъ—мой настоящій, великій, мой гениальный бриллиантъ.

Красивая Бетти повернула къ Шеррисону лицо и сказала:

— Полно, товарищъ, рассказывать сказки, пора приняться за дѣло, потому, что хотя яйца, которыми вы насъ угостили, и настоящія, все же намъ нужно каждый день вкушать что-нибудь болѣе существенное, и кстати нѣтъ ни капли виски въ мастерской. А бриллиантъ къ вамъ вернется, какъ только вы станете работать.

— Возможно—и я былъ бы радъ. Онъ такъ же нуженъ русскому капитану, какъ собакѣ пятая нога. А безъ него мнѣ чего-то не достаетъ и, кажется — Шеррисонъ шелъ пальцами:—судя по волненію, которое я сталъ испытывать еще со вчерашняго дня—онъ близко. Онъ зоветъ меня къ себѣ.

Ньюкомбъ Друмбамбумъ засмѣялся и сказалъ:

— Ты бы позвалъ его лучше къ себѣ.

— Пусть онъ бы приползъ къ тебѣ! — вскричалъ огромный Диплокъ.

Шеррисонъ, на котораго порядкомъ, очевидно, подействовалъ уже ямайскій ромъ съ яйцами въ смятку, —тоже засмѣялся, самъ наполовину не вѣря въ свой рассказъ о чудесномъ бриллиантѣ и, отворивъ колоссальное окно, сталъ у рѣшетки балкона, висящаго надъ бездною, и вскричалъ:

— О ты, безъ котораго жизнь моя потускнѣла, вернись ко мнѣ хоть на короткое время, странный, божественный, сверкающій камень!

Вѣтеръ, всегда господствующій на высотахъ небоскреба, съ силой захлопнулъ окно, какъ бы въ отвѣтъ, и потряслась мастерская.

Но былъ ли это отвѣтъ отрицательный или положительный?

І. І. Ясинскій.

Продолженіе романа въ слѣд. номерѣ. Глава X. Даже нѣтъ! легендарное. Глава XI. Продолженіе легенды. Глава XII. Къ Боксу!. Глава XIII. Боксомъ. Глава XIV. Эпоха Соединенныхъ Метлъ. Глава XV. Опять бриллиантъ.

Коллективный фантастическій романъ «Синій Журналъ» печатается при участіи: А. И. Курина, Аркадія Аверченко, Анатоля Каменскаго, Тэффи, В. И. Немировича-Данченко, А. А. Измайлова, А. Н. Будищева, П. П. Глѣдича, И. Н. Потапенко, В. А. Тихонова, І. І. Ясинскаго и друг. съ „необходимымъ послѣсловіемъ“ Гас. Регинина.

I. I. Ясинский.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
I. I. Ясинский,
Анат. Каменский,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.,
съ „необходимымъ
послѣсловіемъ“
Вас. Регинина.

?

Въ слѣдующемъ номерѣ
будетъ опубликована фа-
милиа автора, продолжаю-
щаго главы I. I. Ясинскаго.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна, Тэффи и I. I. Ясинскаго.

Въ мрачныхъ трущобахъ Санъ-Франциско въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“ идетъ азартнѣйшая игра. Проигравъ всѣ наличныя деньги (болѣе 80,000 дол.), капитанъ русскаго судна, кн. Ингушевъ, ставитъ на tavolo вмѣсто денегъ золотую серьгу съ драгоценнымъ камнемъ, и „убиваетъ“ банкъ. Князю выплачиваютъ 230,000 дол., но поставленнаго брилліанта, несмотря на обшанную княземъ награду, найти не могутъ. Брилліантъ исчезъ...

Вошедшая въ это время женщина требуетъ, чтобы кн. немедленно вхалъ съ ней изъ притона и въ автомобиль упрекаетъ спутника за то, что онъ поставилъ на карту брилліантъ, дорогой для нея, какъ талисманъ, приносящій счастье.

Пропавшій брилліантъ оказался у нѣкоего молодого человѣка Перси, быть можетъ, знавшаго тайну трехъ буквъ, выгравированныхъ на камнѣ. Сей часъ же послѣ кражи, поставивъ фальшивый № на нанятый имъ уличный автомобиль, Перси пробрается на другую окраину города, гдѣ въ темномъ подвалѣ старая нянька, негритянка Салли, краситъ Перси въ черный цвѣтъ, благодаря чему Перси превращается въ совершеннѣйшаго негра.

Подъ видомъ лаека, онъ нанимается къ своей-же матери убирать комнаты ш-г'а Перси и „вышиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день художники, задавшіеся цѣлью нарисовать коллективный портретъ, узнаютъ отъ репортера Спринга о пропажѣ въ „Кровавой

Мышеловкѣ“ драгоценнаго камня. Живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ, что этотъ камень когда то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье.

Разсказавъ объ этомъ, онъ засмѣялся, самъ наполювину не вѣря въ свой разсказъ о чудесномъ брилліантѣ, и, отворивъ колоссальное окно, сталъ

у рѣшетки балкона, висящаго надъ бездной, и вскричалъ:

— О ты, безъ котораго жизнь моя потускнѣла, вернись ко мнѣ хоть на короткое время, странный, божественный, сверкающій камень!

ГЛАВА X.

ДАЖЕ НѢЧТО ЛЕГЕНДАРНОЕ.

— Все это начинается становиться такимъ интереснымъ кошмаромъ, что я еще побуду у васъ немножко, господа, потому что надо-же и мнѣ что нибудь заработать въ своемъ „Желтомъ Калифорнійцѣ“, — сказалъ Спрингъ, поставивъ цилиндръ на табуретку и вооружившись карандашомъ.

— Скажите, глубокоуважаемый Шеррисонъ, какимъ же образомъ достался вамъ этотъ странный брилліантъ, о которомъ вы изволили намъ разсказать?

— Тоже чудесная исторія, и настолько избитая въ то же время, что было бы смѣшно ей не повѣрить, — сказалъ Шеррисонъ. — Слушай, Спрингъ. Когда я родился, и мать лежала еще въ постели, а я, спеленатый, оралъ во все горло въ своей колыбелькѣ, вошла миссъ, чрезвычайно легко одѣтая, несмотря на то, что была зима, и сказала: «Извините, миссисъ, что я вошла безъ доклада. Надѣюсь, вы не испугались; я одна изъ девяти особъ, давно уже занимающихся благотворительностью: мы раздаемъ новорожденнымъ талисманы.» Мать подумала, что ей это снится. И она поэтому спокойно спросила: «Что же, леди, вы добрая фея?» — а она отвѣчала: — «я лучше доброй феи, потому что я — муза». И тутъ она повѣсила кольцо съ этимъ брилліантомъ надо мною. Я, какъ увидѣлъ — задрогалъ ножками и распеленался, сталъ веселъ и здоровъ, и когда мать, наклонившись ко мнѣ, чтобы поцѣловать меня, подняла глаза, незнакомка исчезла. Подарокъ же ея продолжалъ висѣть въ колыбелькѣ и преподавалъ мнѣ первые уроки наблюдательности. Говорили потомъ, что это приходила къ больной матери моей безумная дочь одного еврейскаго банкира, дѣлавашаго огромныя дѣла въ городѣ. Но, когда я выросъ и сталъ носить брилліантъ, мнѣ пріятнѣе было думать, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, подаренъ мнѣ музою...

XI.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЛЕГЕНДЫ.

— Все? — спросилъ Спрингъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Шеррисонъ.

— Если на брилліантѣ русскаго капитана имѣется тарабарская надпись — какъ мнѣ говорили, древне-еврейская — то вопросъ разрѣшается просто. Камень мой и никакихъ. Впрочемъ, я узналъ-бы его изъ тысячи. А присутствіе еврейской надписи объясняется такъ — и находится, какъ видишь, Спрингъ, въ связи съ предположеніемъ, что щедрой музой моей была, въ самомъ дѣлѣ, дочь того банкира — по

имени Гашъ, родственника Ротшильдовъ. Кто-то изъ древнихъ Ротшильдовъ — это случилось, кажется, въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія — выдавалъ замужъ свою дочку или внучку за одного изъ предковъ Гашъ; у Ротшильда же искони хранился брилліантъ съ таинственной надписью. Старику пришла мысль заказать тысячу такихъ точно брилліантовъ и склеить изъ нихъ свадебный кубокъ, а на свадьбу пригласить ровно тысячу гостей. Такимъ образомъ, кубокъ состоялъ изъ подлиннаго камня и девятисотъ девяносто копій — тоже брилліантовъ, но нѣсколько другой воды и не столь древнихъ. Было преданіе, что древній камень принадлежалъ еще царю Соломону и приносилъ ему счастье. Овладевъ имъ императоръ Титъ, и всѣ тѣ римскіе императоры, къ которымъ брилліантъ переходилъ, тоже были счастливы. Онъ прошелъ множество рукъ и осчастливилъ множество герцоговъ, князей, королей и рыцарей, пока однимъ изъ нихъ не былъ заложенъ у Ротшильдовъ. Разумѣется, выкупленъ не былъ. Исторію камня предварительно разсказалъ своимъ гостямъ Ротшильдъ, о которомъ идетъ рѣчь, и когда новобрачные отпили изъ кубка, равнинъ разбилъ его, и онъ легко разсыпался на составные камни. По особой счастливой случайности, неразлучной съ камнемъ, о чемъ старику, конечно, зналъ, брилліантъ попалъ въ руки его внучки, а остальные камни, лишенные, такъ сказать, благодати и имѣвшіе только цѣнность, расхвачаны были гостями. Между нами — это былъ царственный жестъ; а будь у меня состояніе Ротшильда, я бы и не такіе еще жесты выкинулъ. Ну, да однимъ словомъ, камень перешелъ въ родъ Гашей и достался той барышнѣ, которая вообразила себя музой и подарила его мнѣ.

— Теперь все? — спросилъ Спрингъ.

— Прибавлять, кажется, больше нечего, сказалъ Ньюкомбъ Друмбамбумъ.

— Дайте мнѣ, милый Шеррисонъ, еще послѣдній разъ понюхать пробку! — попросилъ Спрингъ.

— А что, сильная марка закручена? — освѣдомился огромный Диплокъ и поднесъ кулакъ къ лицу репортера съ свойственной ему фамильярностью (онъ происходилъ изъ прландскихъ семинаристовъ).

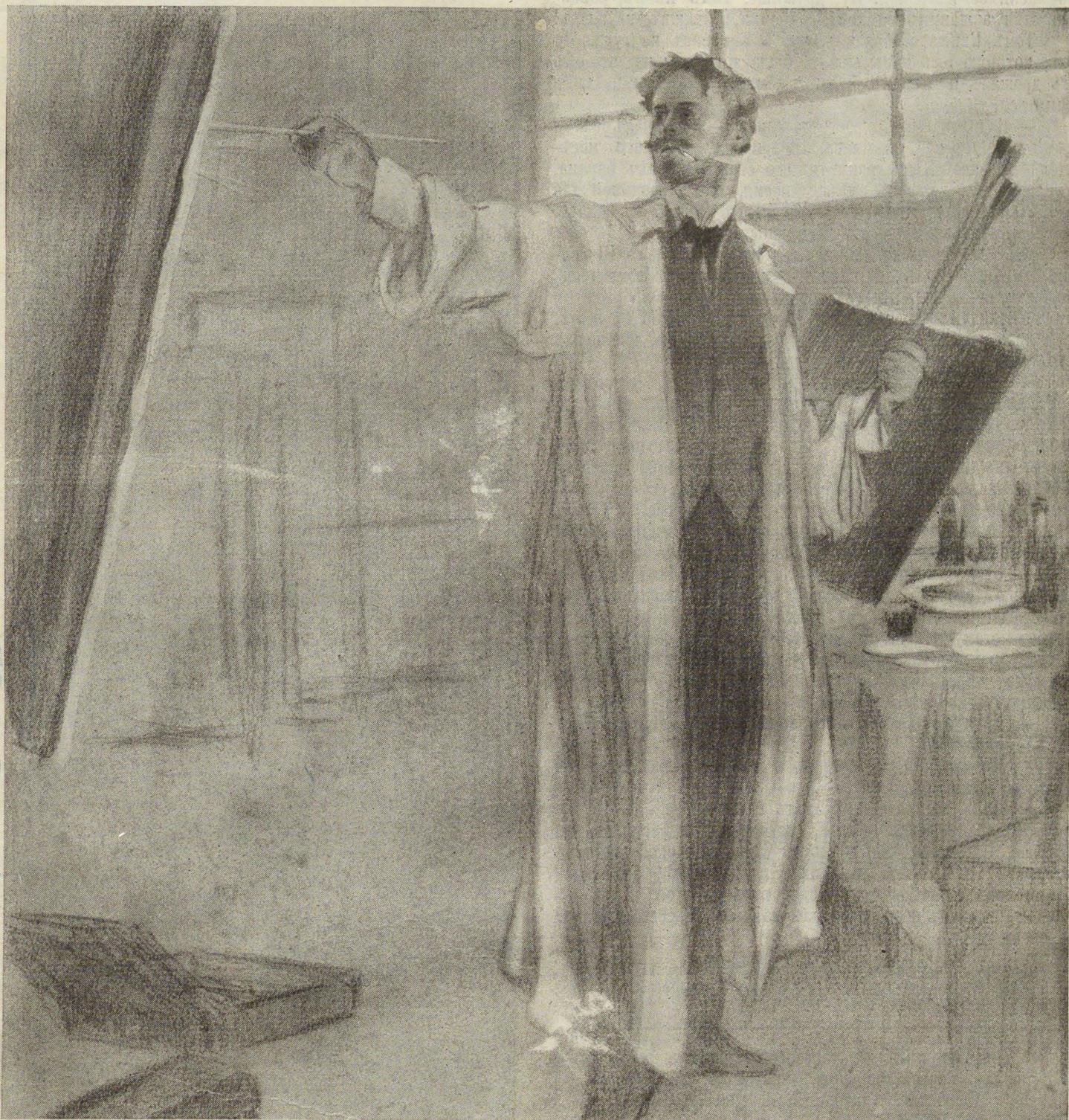
— Ой! — закричалъ Спрингъ.

XII.

КЪ БОКСУ!

— Ой! — закричалъ черный, какъ уголь, высокій и стройный негръ, появившійся въ дверяхъ мастерской, въ красной ливреѣ и въ бѣломъ жабо.

Рис. Н. Герардова.

(Из коллективному фантастическому роману).

Художникъ мистеръ Шеррисонъ за работой.

Оба—Спрингъ и негръ—столкнулись и смотрѣли другъ на друга съ выраженъ емь недоумѣнія.

— Здѣсь докторъ?—спросилъ негръ съ лицомъ, искаженнымъ отъ боли.

— Здѣсь!—крикнулъ маленькій Краббъ, который, дѣйствительно, когда-то былъ студентомъ медицинского факультета въ Филадельфii и уже научился рвать зубы, но сдѣлался художникомъ, потому что незначительный ростъ его не внушалъ довѣрія пациентамъ, а между тѣмъ онъ былъ честолюбивъ и жаждалъ вниманія и восторговъ толпы, чего легче всего добиться, всецѣло отдавшись американскому искусству:—здѣсь!

Спрингъ оглянулся на Крабба и покачалъ головой. Знаменитый хирургъ Боксъ жилъ рядомъ. Но подозрѣвая, что художественная богема намѣрена разыграть какой-нибудь

фарсъ, Спрингъ махнулъ рукой и поспѣшилъ къ лифту, спустился на мостовую съ еще большей стремительностью, чѣмъ поднялся, и исчезъ въ сутолокѣ дѣлового калифорнийскаго дня.

Краббъ важно спросилъ, увидѣвъ надъ собою страдальческое лицо негра:

— Чѣмъ могу служить?

— Я Томъ Квикъ,—отвѣчалъ негръ.

— Я вижу, что вы Томъ Квикъ, если вамъ угодно имъ быть, но что у васъ болитъ?

— Я хочу сѣсть — я не могу стоять,—жалобно произнесъ негръ.

— Садитесь, Томъ Квикъ, чортъ васъ побери!—нетерпѣливо вскричалъ Шеррисонъ подходя: — и расскажите, чѣмъ вы больны, какъ можно скорѣе, а затѣмъ я напишу

вашу богомерзкую харю, такъ какъ почувствовалъ къ вамъ необъяснимое влеченіе... Ну, дружище, Томъ Квикъ, равноправный гражданинъ великой республики, развяжите-ка языкъ!

Томъ Квикъ сообразилъ, что онъ попалъ не туда. Но боль, которую онъ испытывалъ, была такъ сильна, что онъ весь дрожалъ и близокъ былъ къ обмороку; сѣлъ и не могъ подняться.

— Не шутите, будьте сострадательны, — простоналъ онъ. — Я — въ мастерской великаго Шеррисона, обычнаго посетителя Кровавой Мышеловки, гдѣ его стригутъ, какъ барана, и пользуются имъ въ то-же время, какъ рекламой для привлеченія иностранцевъ. Въ глубинѣ души я, однако, всегда питалъ къ нему самыя нѣжныя чувства.

— Честное слово, знакомая морда! вскричалъ Шеррисонъ и, прозвизвъ Квика проницательнымъ взглядомъ, продолжалъ: — Ба, пріятель, я встрѣчалъ васъ не разъ въ нижнихъ залахъ Мышеловки... Художника трудно провести. Но скажите, къ чему этотъ маскарадъ? Я думаю, вы не изъ тѣхъ, которые дѣлаютъ что-нибудь проста.

— Тише, пожалуйста! — простоналъ онъ, устремивъ свои свѣтлые, какъ у сваренной рыбы, умирающіе отъ страданія глаза на Шеррисона. — Что, если романъ? Если страсть? Зачѣмъ разоблачать до поры до времени? Всемогущему случаю угодно было бросить меня къ вамъ, и я ошибся дверью, но будьте же милосердны помогите мнѣ встать и, усвоивъ себѣ, что я только Томъ Квикъ, проводите къ вашему сосѣду Боксу.

— Нашъ товарищъ Краббъ не лжетъ, называя себя докторомъ, сказалъ громадный Диплокъ свирѣпо.

— Стой, Диплокъ — не трогай его! Онъ человекъ! съ важностью сказалъ Шеррисонъ. — Развѣ не видишь, что онъ страдаетъ? Довѣрьтесь, Томъ Квикъ, диагнозу мистера Крабба, потому что не даромъ же онъ былъ специалистомъ по удаленію молочныхъ зубовъ у дѣтей школьнаго возраста. Онъ сразу опредѣлитъ, въ какой степени нуждается вы въ медицинской помощи.

— И за это возьметъ не очень дорого, — сказалъ Ньюкомбъ Друмбамбумъ.

— Но что у меня болитъ, я не могу сказать... моя тайна! вскричалъ Квикъ.

— Дама, выйдите! приказалъ Шеррисонъ.

Красивая Бетти встала, покраснѣла и удалилась на балконъ. Старый и бѣлый, какъ лунь, цеховой мастеръ малярнаго дѣла, изъ бывшихъ итальянцевъ, Гирландао Белини тоже вышелъ на балконъ, такъ какъ онъ былъ отъ природы скромный и предпочиталъ дамское общество мужской откровенности.

Продолженіе романа въ слѣд. номерѣ. Глава XII. Боксомъ. Глава XIII. Къ Боксу! Глава XIV. Эпоха Соединенныхъ Метль. Глава XV. Опять брилліантъ.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. И. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолія Каменскаго, Тэффи, В. И. Немировича-Данченко, А. А. Измайлова, А. Н. Будичева, П. П. Гибдича, И. Н. Потапенко, В. А. Тихонова, I. I. Ясинскаго и друг. съ „необходимымъ послѣсловіемъ“ Вас. Регинина.

— Ой! — закричалъ черный, какъ уголь, высокій и стройный негръ, появившійся въ дверяхъ мастерской, въ красной ливрѣ и въ бѣломъ жабо.

ВОКРУГЪ СВѢТА НА АВТОМОБИЛѢ.

На этой недѣлѣ изъ Петербурга выѣзжаетъ въ кругосвѣтное путешествіе на автомобиль баронъ Остенъ-Сакенъ, уже пропутешествовавшій пѣшкомъ по Японіи, Сѣверной Америкѣ, Западной Европѣ и Россіи. Баронъ Остенъ-Сакенъ пошелъ на пари съ какимъ-то спортсменомъ... Согласно условію онъ не имѣетъ права брать съ собою въ далекій путь ни копѣйки денегъ, и все необходимое для дороги обязанъ заработать именно въ пути. Между тѣмъ, расходы по путешествію на автомобиль нельзя назвать незначительными: масло, бензинъ, содержаніе путешественниковъ, — (вдуть баронъ, его супруга, шофферъ и контролеръ „Синяго Журнала“ г. Полянинъ). Редакція „Синяго Журнала“ нѣсколько о легчаетъ расходы отважнаго путешественника — принимая на себя содержаніе шоффера. Баронъ Остенъ-Сакенъ обо всѣхъ происшествіяхъ, приключеніяхъ и злоключеніяхъ согласился давать подробныя корреспонденціи въ „Синій Журналъ“. Редакція „С. Ж.“ надѣется, что баронъ, человекъ американской складки, — не остановится ни передъ какими препятствіями, — и выполнитъ всѣ условія пари, т. е. пройдетъ на своей великолѣпной машинѣ назначенный маршрутъ: Петербургъ, Москва, Томскъ, Владивостокъ, Японія, Южная Америка, Африка (съ юга на сѣверъ) — Россія. Способы заработка отважнымъ барономъ Остенъ-Сакеномъ въ пути средствъ для цѣлаго осуществленія своей затѣи — редакція „Синяго Журнала“ не интересуется...

I. I. Ясинский.

Въ коллективномъ романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
I. I. Ясинский,
Анат. Каменский,
В. И. Немировичъ-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Готаленко
и др.
съ „необходимымъ послѣдствіемъ“
Вас. Регинина.

Въ этомъ № закончены главы I. I. Ясинскаго. Въ слѣдующемъ номерѣ будетъ напечатано продолженіе романа — главы Анатолия Каменскаго.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна, Тэффи и I. I. Ясинскаго.

Въ мрачныхъ трущобахъ Санъ-Франциско въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“ капитанъ русскаго судна кп. Ингушевъ проигрываетъ всѣ наличныя деньги и ставитъ вмѣсто денегъ на табло золотую серьгу съ драгоценнымъ камнемъ. Бриллиантъ приноситъ ему счастье: банкъ сорванъ. Но бриллиантъ со стола исчезъ.

Вошедшая въ это время женщина требуетъ, чтобы князь немедленно ѣхалъ съ ней изъ притона и въ автомобиль упрекаетъ спутника за то, что онъ поставилъ на карту бриллиантъ, дорогой для нея, какъ талисманъ, приносящій счастье.

Пропавшій бриллиантъ оказался у нѣкоего молодого человѣка Перси, быть можетъ, знавшаго тайну трехъ буквъ, выгравированныхъ на камнѣ. Сейчасъ же послѣ кражи, поставивъ фальшивый № на нанятый имъ уличный автомобиль, Перси пробрается на другую окраину города, гдѣ въ темномъ подвалѣ его старая нянька, негрятянка Салли, красть Перси въ черный цѣвъ, благодаря чему Перси претерпѣваетъ въ совершеннѣйшаго негра.

Подъ видомъ лакея, онъ занимается къ своей матери убирать комнаты ш-г-а Перси и „вшиваетъ“ украденный бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ. Въ этотъ же день художники, задавшіеся плью нарисовать коллективный портретъ, узнаютъ отъ репортера Спринга о пропавшъ въ „Кровавой Мышеловкѣ“ драгоценнаго камня. Живописецъ Шеррисонъ убѣждаетъ, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, давъ ему славу и счастье.

Когда онъ лежалъ еще въ люлкѣ, пришла какая-то миссъ, назвалась благотворительницей и повѣсила бриллиантъ на люльку. Впоследствии выяснилось, что миссъ была безумная дочь еврейскаго банкира Гама, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственной надписью... Было преданіе, что онъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ много рукъ герцоговъ, королей, князей и рыцарей и приносилъ всѣмъ счастье, какъ принесъ его и художнику Шеррисону. Во время разсказа художника въ комнату входитъ, ошибившись этажемъ, большой негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ. Здѣсь ему предлагаетъ помощь бывший студентъ медицины, мистеръ Краббъ.

— ...Но что у меня болитъ, я не могу сказать,—это моя тайна!...—заявляетъ Квикъ. Натурщица Ветти выходитъ на балконъ...

XIII. БОКСОМЪ.

— Ну-съ?—произнесъ Шеррисонъ.

— Напрасно вы удалили даму,—простоналъ Квикъ:— и мужчинамъ не могу я открыть своего секрета.

— Въ чемъ же дѣло?—вскричали художники и обступили его со всѣхъ сторонъ.

— Сэръ! Мнѣ нужно сильное болеутоляющее средство. Я скрежещу зубами. Въ надколѣнномъ суставѣ у меня ревматизмъ — довольно съ вастъ? Слово тысяча вперѣ вонзилась мнѣ въ колѣно. Палачъ сверлитъ мнѣ колѣно стальнымъ, раскаленнымъ до красна буравчикомъ. Блянусь—не вынесу... Пощады! Милосердія! Соотраданія! Каплю какой нибудь проклятой или святой воды! Брызните! Сходите же за Боксомъ, если не можете меня перенести къ нему. Съ каждой минутой дѣлается хуже... Черти! Хулиганы! Бокса! Бокса! Мнѣ нуженъ Боксъ, какъ глотокъ воздуха!

— Ахъ, бѣдный! — вскричалъ Шеррисонъ. — Получи, голубчикъ.

И внезапно ткнулъ кулакомъ въ колѣно, на которое негръ или, вѣрнѣе, искусственный негръ указывалъ пальцемъ, разливаясь въ жалобахъ и проклятіяхъ.

Стеклянные своды мастерской огласились душураздирающимъ воплемъ. Даже краска, которой было вымазано лицо этого загадочнаго человѣка, поблѣднѣла. Онъ весь затрепеталъ и опрокинулся навзничъ, упавъ съ табурета. Сквозь его сѣрыя панталоны, натянутыя какъ трико на стройныя ноги, заструилась кровь съ лѣваго колѣна. Маленькій, твердый предметъ, испуская въ лучѣ солнца, упавшемъ на небоскребъ со страшной высоты, ослѣпительно радужный блескъ, покотился по паркету мастерской. Сердце Шеррисона радостно запрыгало.

— Я говорилъ, говорилъ, что онъ близко!—закричалъ онъ внѣ себя отъ восторга.—Узналъ его! Мой!

Страданіе лежавшаго въ обморокѣ негра всемі были забыты—художники бросились ловить драгоценный камень, прыгавшій, какъ прыгаетъ утренняя звѣзда въ глазахъ поэта, возвращающагося навеселѣ отъ своей возлюбленной въ предрасвѣтныя часъ.

И вдругъ, о горе! о ужасъ! никто еще не наклонился къ камню, еще всѣ суетились въ разныхъ направленіяхъ, гоняясь за нимъ, еще въ глазахъ горѣлъ отблескъ роскошной звѣзды—вотъ вотъ—стоило протянуть только руку, и

драгоценность была бы поймана, какъ вдругъ бриллиантъ исчезъ. Съ такой быстротой не погасаетъ утренняя звѣзда. Рѣшительно ни одна звѣзда не гаснетъ такъ скоро. Это было нѣчто невѣроятное и странное. Бриллиантъ исчезъ, художники растерянно посмотрѣли другъ на друга и опять принялись искать его—напрасно: его не было больше.

Шеррисонъ схватился за голову.

XIV.

ЭПОХА СОЕДИНЕННЫХЪ МЕТЛЪ.

Все-же художники успокоились и прекратили поиски, а Томъ Квикъ исчезъ; онъ очнулся, освободившись отъ мучившей его боли. И возможно, что онъ какимъ-то непонятнымъ образомъ вновь завладѣлъ бриллиантомъ. Эта мысль пришла всѣмъ въ голову, и первый Шеррисонъ махнулъ рукой и вскричалъ: «Гдѣ наше не пропадало!»

Но странное возбужденіе не проходило у знаменитаго мастера. Онъ схватилъ кисть, величиною съ метлу и, какъ копьемъ, обмокнувъ ее въ горшокъ съ краской, со всей силы ударилъ въ полотно. Товарищи стали любоваться мастерствомъ Шеррисона. Стало дышать полотно. На немъ задвигались и загорѣлись колоритныя пятна, закричала живая жизнь, съ полотна начали смотрѣть настоящіе человѣчьи глаза, и сверкать великолѣпныя американскія небеса, какія можно только видѣть въ С. Франциско.

Постепенно присоединились къ работѣ другіе художники. Каждый взялъ по такой же метлѣ, какою вооруженъ былъ Шеррисонъ. Краска полилась, какъ симфонія. Ньюкомъ Друмбамбумъ бросалъ берлинскую лазурь, маленькій Краббъ лилъ крапъ-лакъ, Калина — веселую веронскую зелень, огромный Диплокъ—индійскую желтую, красивая Бетти—розовую золотистую, бывший итальянецъ Гирландао Беллини вонзалъ стиль-де-грэнъ. Пахло лакомъ, скипидаромъ, нефтью.

Къ вечеру картина была кончена.

А на другой день взлетѣлъ на лифтѣ Спрингъ взглянуть на чудное произведеніе великихъ художниковъ и въ третьемъ вечернемъ выпускѣ «Желтаго Калифорнійца» напечаталъ хвалебную рецензію.

На третій день, чуть свѣтъ, въ мастерскую вбѣжала толпа импрессарио, и среди нихъ былъ знаменитый Барнумъ. Завязался торгъ, дошедшій чуть не до драки. Барнумъ

* См. „Синій Журн.“ №№ 14, 15, 16 и 17.

Рис. Н. Н. Герардова.

(Из коллективному фантастическому роману „Синий Журнал“)

. . . Художники бросились ловить драгоценный камень. . .

побѣдилъ, и ему досталось право выставить картину. Огромные деньги заплачены были нашимъ художникамъ. Цѣлую недѣлю сходилъ съ ума великій городъ, любуясь картиной, написанной съ такой невѣроятной быстротой. Американское искусство восхвалялось и возносилось. Потомъ пріѣхалъ миллиардеръ Дульдъ и увезъ картину въ свою виллу. Золотой дождь пролился на Шеррисона и его товарищей. А Барнумъ, зашибивъ копѣйку на выставкѣ, предложилъ художникамъ, слава которыхъ достигла апогея, совершить съ нимъ еще кругосвѣтное путешествіе и публично показывать свое искусство въ циркахъ. Принципъ раздѣленія труда въ мастерствѣ живописи производилъ, вообще, потрясающее впечатлѣніе на весь міръ. Взивался занавѣсъ, художники выстраивались въ шеренгу и подъ музыку, на глазахъ у самыхъ строгихъ критиковъ, приходившихъ въ ярость и восхищеніе, въ полчаса заканчивали самую сложную картину. Историки искусства уже отмѣтили «эпоху соединенныхъ метлъ».

XV.

ОПЯТЬ БРИЛЛАНТЪ.

Счастье ни на секунду не покидало Шеррисона и его компаньоновъ. И онъ уже подумывалъ о разоблаченіи своего псевдонима. Грандіозные планы роились въ его тені-

альной головѣ, пылкая же фантазія маститаго друга его Гирландао Белини поддерживала его повышенное настроеніе.

Рѣшено было вернуться на своей собственной яхтѣ въ С. Франциско и приобрести небоскребъ въ улицѣ Гилль-Микстъ.

Оркестръ музыки гремѣлъ на пристани, когда Шеррисонъ съ товарищами возвратились изъ своего историческаго путешествія. Городъ С.—Франциско утопалъ въ лавровыхъ вѣнкахъ и гирляндахъ изъ благовонныхъ вѣтвей пихты—въ честь американскихъ гениевъ. Художники остановились въ лучшей гостиницѣ «Для холостяковъ».

Послѣ веселаго и пышнаго банкета, даннаго имъ благодарнымъ обществомъ и высшей администраціей въ Национальномъ Домѣ, художники почти уже на разсвѣтѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

Снимая съ себя ботинки, знаменитый Шеррисонъ съ прискорбіемъ замѣтилъ, что онѣ почти отказываются служить. Вообще великій человѣкъ былъ небреженъ къ своему костюму. Онъ кстати вспомнилъ, что это тѣ самыя ботинки, которыя онъ купилъ и надѣлъ еще до страннаго событія, случившагося въ его мастерской, когда внезапно ворвался къ нему загадочный Томъ Бвиеъ, и появился и исчезъ волшебный брилліантъ. Шеррисонъ посвисталъ и нажалъ кнопку.

Вошелъ слуга высокій, стройный.
— Возьмите эти ботинки, мой милый, и чтобы завтра

утромъ у меня были новыя, для чего вы должны отпра-
виться въ фирму Горфортъ и К° и выбрать мнѣ точно такія
же... Поняли?

— Слушаю, сэръ.

— Превосходно, а старыя ботинки дарю вамъ.

— Благодарю васъ, сэръ,— съ насмѣшкой въ голосѣ,
произнесъ лакей, лицо котораго показалось знакомымъ
Шеррисону.

Но когда онъ, пожелавъ Шеррисону покойной
ночи, вышелъ въ корридоръ и критически сталъ осматри-
вать ботинки, то увидѣлъ на одной изъ стоптанныхъ по-
дошвъ необычайно яркій маленькій гвоздикъ, блестящій
при свѣтѣ электричества. Удивившись, что бываютъ такіе
гвозди, лакей ковырнулъ его ногтемъ, и открылась вся
шляпка гвоздика, глубоко сидѣвшаго въ мякоти подошвы
изъ буйволовой кожи. Еще больше заинтересованный своимъ
открытіемъ, лакей досталъ перочинный ножикъ и взрѣ-
залъ подошву.

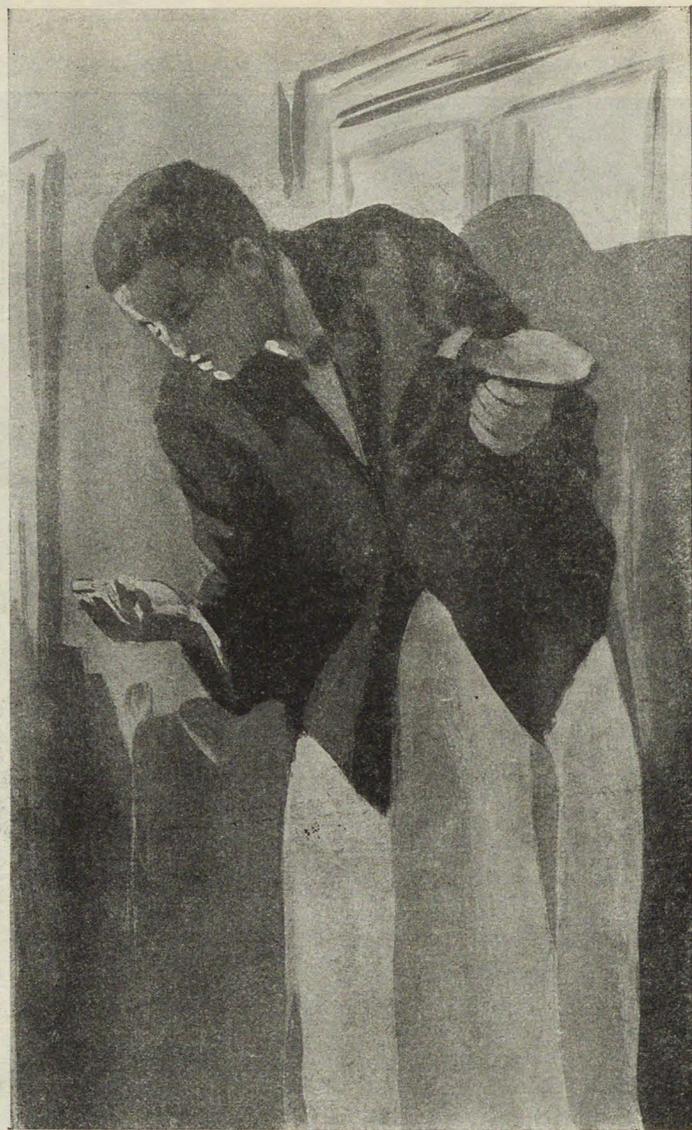
Великолѣпный, крупный брилліантъ упалъ на его
ладонь.

Но вернемся къ прерванному разсказу о русскомъ
капитанѣ князѣ Ингушевѣ, очаровательной красавицѣ въ
бальномъ платьѣ, проникшей въ «Кровавую Мышеловку», не
смотря на запретъ впускать женщинъ въ этотъ страшный
притонъ, и о дальнѣйшихъ похожденияхъ загадочнаго блон-
дина съ холодными голубыми глазами.

И. Ясинскій.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

Главы, написанныя Анат. Каменскимъ: XVI—Баронесса, XVII. За-
гадочная серъга, XVIII—Вахтенный Федоръ, XIX—Кинематографъ „Завтра-
шній день“, XX—Торжество фотографія, XXI—Неслышанный покупатель,
XXII—Братская кровь, XXIII—Микроскопъ мистера Перси, XXIV—Донесеніе
поручика Персина.

... Великолѣпный, крупный брилліантъ упалъ на его ладонь.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго
Журнала» печатается при участіи: А. П. Куприна,
Аркадія Аверченко, Анатолія Каменскаго, Тэффи, В. П.
Немировича-Данченко, А. А. Измайлова, А. Н. Буди-
щева, П. П. Гнѣдича, П. Н. Потапенко, В. А. Тихо-
нова, И. И. Ясинскаго и друг. съ „необходимымъ послѣ-
словіемъ“ Вас. Регинина.

Вокругъ свѣта на автомобилѣ.

Баронесса фонъ-дербъ Остенъ-Сакенъ. Контролеръ «Синяго Жур-
нала» г. Поляининъ. Баронъ фонъ-
Остенъ-Сакенъ.

Завтра отправляется въ кругосвѣтное путеше-
ствіе на автомобилѣ баронъ Остенъ-Сакенъ, пари котораго заинтере-
совало нашъ журналъ, отправляющаго въ путешествіе съ баро-
номъ своего контролера...

Всѣ приготовленія къ далекой и трудной дорогѣ окончены.

Автомобиль, одинъ изъ лучшихъ въ
СПБ. по своей конструкціи и размѣру, —
уже въ полной „боевой“ готовности.

Путешественникъ баронъ фонъ-дербъ
Остенъ-Сакенъ надѣется, что специально за-
казанныя шины, безъ сомнѣнія, вынесутъ и
ухабистую „Владимірку“, и сибирскія дебри,
и африканскія непроходимыя пески и топи.

Баронъ заявилъ намъ:

„Изъ моего лексикона я уже давно вы-
черпнулъ слова:

— «Могу»... «Не могу»...

Я замѣнилъ ихъ другими. «Хочу!»
«Не хочу!»

Путешествіе мое началось словомъ:
Хочу!..

И оно должно быть доведено до конца.

Слово свое я всегда сдержу“.

Баронъ выѣзжаетъ 24 апрѣля. «Стартъ» у ред. «Си-
няго Журн.» (Фонтанка, 80) въ 11 час. утра. Проводы на
Исаакіевской площади между 11 и 12 ч. дня.

?

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
Г. Г. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.

съ „необходимымъ
последствиемъ“
Вас. Регинина.

Анатолий Каменскій.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна, Тэффи и Г. Г. Ясинскаго.

Въ мрачныхъ трущобахъ Санъ-Франциско въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“ капитанъ русскаго судна кн. Енгушевъ проигрываетъ всѣ наличныя деньги и ставитъ вмѣсто денегъ на табло золотую серьгу съ драгоцѣннымъ камнемъ. Бриллиантъ приноситъ ему счастье: банкъ сорванъ. Но бриллиантъ со стола исчезъ.

Восшедшая въ это время въ вертепъ, куда женщинамъ не было доступа, красавица требуетъ, чтобы князь немедленно ѣхалъ съ ней изъ притона, и въ автомобиль упрекаетъ спутника за то, что онъ поставилъ на карту бриллиантъ, дорогой для нея, какъ талисманъ, приносящій счастье.

Прошавшій бриллиантъ оказался у нѣкоего молодого человека Перси, быть можетъ, знавшаго тайну трехъ буквъ, выгравированныхъ на камнѣ. Сейчасъ же послѣ кражи, поставивъ фальшивый № на нанятый имъличный автомобиль, Перси пробрается на другую окраину города, гдѣ въ темномъ подвалѣ его старая нянька, негритянка Салли, перекрашиваетъ Перси въ черныя цвѣты, благодаря чему Перси превращается въ совершеннѣйшаго негра.

Подъ видомъ лакея, онъ занимается къ своей-же матери убирать комнаты м-ра Перси и „вышнваетъ“ украденный бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ, въ кругу друзей, утверждаетъ, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, давъ ему славу и счастье.

Когда онъ лежалъ еще въ люлькѣ, пришла какая-то миссъ, назвалась благотворительницей и повѣсила бриллиантъ на люльку. Впоследствии выяснилось, что миссъ была безумная дочь еврейскаго банкира Гаши, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственной надписью... Было преданіе, что онъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ много рукъ герцоговъ, королей, князей и рыцарей и назвавшійся Томомъ Книгомъ и проситъ, обезсиленный мучительной болью въ колѣнѣ, помощи.

Худ. Шеррисонъ нечаянно ударяетъ негра по ногѣ, и отъ этого удара выскакиваетъ изъ колѣна пропавшій бриллиантъ, катится по полу и вновь безслѣдно исчезаетъ. Вовремя поисковъ скрывается и „мнимый“ негръ. Но съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ продаетъ картину и становится снова знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, что онъ все время носилъ бриллиантъ съ собой: камень вѣздаясь въ подошву его сапога, который художникъ, не зная того, подарилъ своему лакею.

Здѣсь авторъ послѣднихъ главъ романа опять возвращаетъ читателя къ кн. Енгушеву и его прекрасной спутницѣ, ѣдущимъ на автомобиль.
(См. главы А. И. Куприна.)

ГЛАВА XVI.

БАРОНЕССА.

— Забудь на минуту о камнѣ: это слишкомъ тебя волнуетъ,—сказалъ князь Енгушевъ,—объясни мнѣ, куда ты везешь меня и какъ ты меня разыскала? Кто впустилъ тебя въ этотъ ужасный вертепъ?

— Ахъ, это ужасно просто, — внезапно оживляясь заговорила молодая женщина.—Три дня тому назадъ въ Вашингтонѣ было получено извѣстіе о стоянкѣ твоего крейсера въ гавани Санъ-Франциско. Я случайно зашла къ мужу въ посольство, и мнѣ попалась на глаза газетная замѣтка. Въ ту же минуту у меня созрѣлъ планъ пріѣхать сюда подъ предлогомъ переговоровъ съ одной изъ здѣшнихъ бумаго-прядильныхъ фабрикъ по дѣламъ благотворительнаго общества, гдѣ я предсѣдательствую. Мужъ, конечно, согласился, — ему и въ голову ничего не пришло. Нѣсколько часовъ тому назадъ прямо съ экспресса я отправилась на твой крейсеръ и разспросила у команды, гдѣ ты можешь быть. Меня направили въ «Бристоль» къ твоему вахтенному Оедору, нашему вѣрному Оедору, и онъ привезъ меня къ тебѣ.

— Но какъ тебя впустили?

— Мнѣ Оедоръ сообщилъ твой пароль: «Сѣверный Орелъ», и всѣ двери раскрылись сами собою.

— А гдѣ Оедоръ?—съ безпокойствомъ спросилъ князь Енгушевъ.

— Онъ очень торопился куда-то и просилъ передать тебѣ, что будетъ въ назначенномъ мѣстѣ.

— Ахъ, да, да, слава Богу,—успокоенно произнесъ князь,—ну, а куда ты меня везешь теперь?

— И это очень просто: черезъ бюро на вокзалѣ я наняла по телефону небольшой особнякъ въ предмѣстьѣ Санъ-Франциско: ради нашего общаго блага я не рискнула остановиться въ отелѣ. Боже мой, черезъ какихъ-нибудь пять минутъ мы снова будемъ вмѣстѣ, совсѣмъ одни, и никто не помѣшаетъ нашему украденному у судьбы счастью. Когда же наконецъ оно будетъ неизмѣнно нашимъ, когда прекратятся наши страданія, и исполнится завѣтная мечта?... Ахъ, съ сегодняшняго дня я уже боюсь вѣрить въ это,—дovончила она съ тоскою.

И, прильнувъ къ нему на грудь, она снова безутѣшно арыдала.

ГЛАВА XVII.

ЗАГАДОЧНАЯ СЕРЬГА.

— Бѣдная моя, бѣдная!—страдая за баронессу говорилъ князь Енгушевъ, и вдругъ у него забилося сердце отъ внезапно мелькнувшей въ головѣ мысли.

Если для розысканія исчезнувшаго бриллианта князь готовъ пожертвовать жизнью, если онъ вѣритъ въ то, что камень не можетъ не найтись, то неужели всемогущій Богъ не проситъ ему временной лжи, направленной къ благу любимой женщины? Правда, онъ никогда до сихъ поръ ни въ чемъ не обманывалъ своей Маріи, и у него не было отъ нея тайнъ, кромѣ одной, единственной, величайшей тайны. Но эту тайну онъ не въ правѣ раскрыть даже духовнику. Нѣтъ, онъ долженъ успокоить Марію, и эта первая и послѣдняя ложь еще сильнѣе укрѣпитъ его въ рѣшимости во что бы то ни стало разыскать бриллиантъ.

— Успокойся, моя дорогая,—говорилъ князь, нѣжно отстраняя отъ своей шеи руки баронессы,—нашъ талисманъ не пропалъ, онъ съ нами, онъ никогда не покинетъ насъ.

Молодая женщина сразу пришла въ себя.

— Ты шутишь, Владиміръ! Какъ тебѣ не стыдно шутить этимъ!

— Посмотри,—сказалъ Енгушевъ, разтегивая одной рукою пальто и туго накрахмаленную грудь сорочки, а другою лица выключателя отъ маленькой лампочки въ потолкѣ автомобиля.

И черезъ мгновеніе вспыхнувшее электричество освѣтило вытянутую изъ-за сорочки тонкую золотую цѣпь и висящую на ней вмѣстѣ съ крестомъ золотую серьгу съ бриллиантомъ чистѣйшей воды—точь въ точь такую, какая была брошена княземъ Енгушевымъ на игорный столъ.

— А знаки, знаки?—взволнованно говорила Марія.

Бережно поддерживая за плечи молодую женщину, князь приподнялся вмѣстѣ съ ней, притянулъ камень къ самому хрустало лампочки, и, несмотря на трепетное покачиванье автомобиля, баронесса различила на одной изъ граней бриллианта знакомые потемнѣвшіе знаки.

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17 и 18.

Рисунок С. Чехонина

(Из коллективному фантастическому роману „Синий Журнал“)

Въ автомобилѣ. Князь Енгушевъ и баронесса.

— Ну, а какъ же тотъ, пропавшій брилліантъ?—все еще не вѣря своимъ глазамъ, спрашивала она.

— О, это былъ дубликатъ. Очень хорошій, дорогой брилліантъ, но съ поддѣльными бубегами. Годъ тому назадъ, послѣ одного покушенія на кражу нашего дорогого талисмана, я сталъ носить его на груди вмѣстѣ съ крестомъ, а къ браслету прищипилъ поддѣлку, чтобы ввести въ заблужденіе будущихъ воровъ.

— Милый, милый,—уже радостно щебетала баронесса,—какъ это остроумно, ты прямо воскресилъ меня. Ахъ, скоро ли мы прїѣдемъ домой...

И она впиалась въ его губы нетерпѣливо-страстнымъ поцѣлуемъ.

Автомобиль оставовился у роскошнаго одноэтажнаго особняка въ одномъ изъ фешенебельныхъ предмѣстій Санъ-Франциско.

ГЛАВА XVIII.

ВАХТЕННЫЙ ФЕДОРЪ.

Подъ утро, когда молодая женщина, утомленная пержитыми потрясеніями и ласками князя Енгусева, сладко спала, князь, осторожно ступая по драгоценному пушистому ковру, подошелъ къ маленькому столику изъ розваго дерева и быстро написалъ на клочкѣ бумаги нѣсколько словъ.

Потомъ онъ одѣлся, вышелъ на улицу, сѣлъ въ тотъ же шестидесятисильный автомобиль и приказалъ:

— Hôtel Bristol, какъ можно скорѣе!

И всю дорогу, пока онъ ѣхалъ, мрачная, тревожная тѣнь лежала на его смугломъ лицѣ. Въ облесоватыхъ утреннихъ сумеркахъ автомобиль домчалъ его по пустыннымъ улицамъ до отеля. Съ полдюжины швейцаровъ, бодрствовавшихъ, несмотря на столь ранній часъ, проводило его почтительными поклонами до площади бѣль-этажа.

— Васъ ждутъ!—коротко сказалъ послѣдній изъ нихъ.

— Я знаю,—отвѣчалъ князь, быстро шагая къ своему №.

Человѣкъ съ широкой бородой и типичнымъ матросскимъ лицомъ, одѣтый въ великолѣпное бѣлье и безукоризненную черную пару, открылъ ему дверь.

— Ужасный день, Федоръ!—сказалъ Енгусевъ, садясь на диванъ,—я расскажу послѣ, докладывай, что у тебя.

— Удача, ваше сіятельство,—улыбаясь и обнаруживая здоровые сплошные зубы, говорилъ вахтенный Федоръ.—Я проводилъ къ вамъ баронессу въ 12 часовъ, а въ четверть перваго я уже стоялъ на углу Догъ-Стрита и главной аллеи пихтъ. Въ половинѣ перваго изволили проѣхать съ баронессой вы, а минутъ такъ черезъ 20 промчался тотъ автомобиль. Мнѣ удалось записать №. Вотъ онъ.

— Давай сюда,—сказалъ князь,—однако довольно странный №... 1.232. 323. Б. Б. Б.—медленно прочиталъ онъ. Ты не ошибся-ли, Федоръ?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, было свѣтло, да и дощечка совсѣмъ новенькая.

— Ну, хорошо,—сказалъ Енгусевъ—телеграммъ изъ Россіи нѣтъ?.. Это меня очень удивляетъ. Я хочу спать. Подробно поговоримъ потомъ. Пока выслушай распоряженія. Прежде всего узнать, чей автомобиль. Затѣмъ усилить дежурство на улицѣ Догъ-Стритъ. Вотъ эти десять тысячъ дай Егорову, пусть всю завтрашнюю ночь будетъ въ «Мышеловкѣ» и немного играетъ для виду. Я прїѣду ровно въ 12 часовъ. Подозрителенъ субъектъ въ сѣрыхъ очкахъ. Ну, иди съ Богомъ. Вернешься черезъ 4 часа и разбудишь меня. Что ты такъ смотришь? Что съ тобой?..

— Батюшки!.. Господи!—съ ужасомъ вскричалъ матросъ.

— Что такое?—перенугался князь.

Рис. С. Чехонина.

(Изъ коллективному роману „Синяго Журнала“).

...„Ужасный день, Федоръ,—сказалъ Енгусевъ, садясь на диванъ,—я расскажу послѣ. Докладывай, что у тебя“...

— Браслетъ... браслетъ...—лепеталъ вахтенный Федоръ,—серьга баронессы... брилліантъ...

— Успокойся,—сухо произнесъ Енгусевъ,—объ этомъ поговоримъ завтра. Брилліантъ найдется... Онъ случайно затерялся въ «Мышеловкѣ». Я объявилъ въ награду 150 тысячъ. Ну, ступай.

Анатолий Каменскій.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

Главы, написанныя Анат. Каменскимъ: Кинематографъ „Завтрашній день“, XX.—Торжество фотографіи, XXI.—Неслышанный покупатель, XXII.—Братская кровь, XXIII.—Микроскопъ мистера Перси, XXIV.—Донесеніе ротмистра Персина.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. И. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолия Каменскаго, Тэффи, В. И. Немировича-Данченко, А. А. Измайлова, А. Н. Будичева, П. П. Гвѣдича, И. Н. Потапенко, В. А. Тихонова, I. I. Ясинскаго и друг. съ „необходимымъ послѣсловіемъ“ Вас. Регинина.

По окончании глав Анатолия Каменскаго, будет печататься продолжение романа Аркадія Аверченко.

В коллективном романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немирович-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.

съ „необходимымъ послѣсловіемъ“ Вас. Регинина.

Анатолій Каменскій.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна, Тэффи и И. И. Ясинскаго.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Енгусевъ, проигрываетъ всѣ наличныя деньги. Ставитъ на табло сергу съ великолѣпнымъ брилліантомъ. Банкъ сорванъ. Но брилліантъ исчезаетъ. Въ дверяхъ появляется красавица, уводитъ кн. Енгусева и на обратномъ пути, въ автомобиль, упрекаетъ его за то, что онъ поставилъ на карту брилліантъ, приносящій счастье...

Брилліантъ оказался у вѣселаго молодого человѣка — Перси. Постыднй выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, перемѣнивъ, предварительно, его №. 1.232.323. В.В.В. Другая окраина города. Въ темномъ подвалѣ негрятянка Салли перекрашиваетъ Перси въ черный цвѣтъ. Подъ видомъ лакея — негра, онъ наноситъ съѣ своей же матери. „Вшиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ въ колѣнку...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гама, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ лодку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату въбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикумъ, и умоляетъ изъять его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ, (вѣрзавшійся въ подошву сапога), съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Князь Енгусевъ, ради успокоенія красавицы Маріи, показывая ей другой брилліантъ и выдаетъ его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ въ отель князя, встрѣчаетъ его вѣрный слуга — матросъ Федоръ. Онъ замѣтилъ № автомобиля, въ которомъ мчался Перси. Енгусевъ поручаетъ ему наблюдать за посѣтителями „Кровавой Мышеловки“.

ГЛАВА XIX.

КИНЕМАТОГРАФЪ «ЗАВТРАШНІЙ ДЕНЬ».

Негръ Томъ Квикумъ, онъ же мистеръ Перси, выбѣжавъ изъ мастерской великаго художника Шеррисона, тотчасъ же разыскалъ квартиру хирурга Бокса, который промылъ ему сулемовымъ растворомъ ничтожную ранку надъ колѣномъ и забинтовалъ ее. Увидавъ на клочкѣхъ марли, и на своихъ собственныхъ пальцахъ, явные слѣды растворившейся въ сулемѣ черной краски, хирургъ весело подмигнулъ Тому Квикуму, похлопалъ его по плечу и произнесъ:

— Эге!

Но Тому Квикуму было не до шутокъ, и онъ, быстро сунувъ доктору золотой, выбѣжалъ вонъ. На душѣ у него скребли кошки. Маскарадъ оказался очень и очень ненадежнымъ, и, послѣ улыбочекъ художника Шеррисона и хирурга Бокса, сѣвалось только придумать что-нибудь поостроумнѣе. Но чтобы соскочить съ себя черноту, придется потратить массу драгоценнаго времени на путешествіе къ негрятянкѣ Салли. Между тѣмъ, черезъ какихъ-нибудь пятьдесятъ минутъ, Тому Квикуму уже надо быть въ самомъ центрѣ Санъ - Франциско, въ улицѣ Бродвей, въ ноябрьнѣйшемъ изъ кинематографовъ, подъ названіемъ «Завтрашній день», гдѣ у него назначено свиданіе съ испанцемъ-крупье изъ Кровавой Мышеловки. Хорошо бы къ тому же потереться въ толпѣ и послушать, что говорятъ послѣ утреннихъ газетъ о вчерашнемъ происшествіи съ брилліантомъ.

— Была не была, — сказалъ самому себѣ Томъ Квикумъ, — все равно 2—3 часа моему инкогнито ничто не угрожаетъ: князь Енгусевъ ищетъ днемъ съ огнемъ несуществующій автомобиль, а брилліантъ находится чортъ знаетъ гдѣ. Въ концѣ концовъ, мнѣ и не очень нуженъ самый брилліантъ.

Сегодня мягкая солнечная погода, и улицы Санъ-Франциско въ это предобѣденное время наполняли пестрая фланирующая толпа, тѣснившаяся у дверей кафе, кинематографовъ и всевозможныхъ музеевъ. Еще издали, пробираясь съ помощью локтей къ кинематографу «Завтрашній день», Томъ Квикумъ разсмотрѣлъ цѣлый рядъ кричащихъ разрисованныхъ плакатовъ, а среди нихъ одинъ, особенно заинтересовавший его. Между двумя громадными, указующими перстами было изображено:

Къ пребыванію русскаго крейсера въ гавани Санъ-Франциско.

Уходъ эскадры изъ Кронштадта.

Въ длинномъ, пропитанномъ сигарнымъ дымомъ залѣ, безостановочно шло представленіе, и публика входила и выходила, постепенно измѣняясь и пополняясь. Изрѣдка, между отдѣленіями программы, вспыхивали двѣ люстры и освѣщали сидѣвшихъ вплотную на скамейкахъ людей всѣхъ оттѣнковъ кожи — мужчинъ въ небрежно заломленныхъ котелкахъ и женщинъ съ огромными шляпами на колѣняхъ.

Войдя въ залъ, Томъ Квикумъ прежде всего поискалъ глазами испанца изъ Мышеловки и нашелъ его. Какъ разъ въ этотъ моментъ раздались аплодисменты, и на экранѣ появился Кронштадтъ. Побѣжали волны, и въ отдаленіи показалась флотилія изъ 3-хъ крейсеровъ и нѣсколькихъ миноносцевъ. Вотъ и крейсеръ князя Енгусева. Крейсеръ шель бокомъ на публику и на Тома Квика и какъ-то непомѣрно быстро роеъ. На капитанскомъ мостикѣ, вмѣстѣ съ двумя другими офицерами, опираясь рукой на тонкій барьеръ, стоялъ и не то щурилъ глаза отъ солнца, не то улыбался Енгусевъ.

Съ быющимъ сердцемъ вматривался Томъ Квикумъ, онъ же мистеръ Перси, въ столь знакомую ему высокую фигуру, и вдругъ чуть не вскрикнулъ: ему показалось, что онъ видитъ на рукѣ князя...

Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, это было бы слишкомъ счастливой случайностью... Несомнѣнно, это только показалось...

ГЛАВА XX.

ТОРЖЕСТВО ФОТОГРАФИИ.

Не успѣлъ Томъ Квикумъ напрячь свой взоръ, какъ на экранѣ мелькнула какая-то темная пелена, и крейсеръ князя Енгусева, уменьшившись разъ въ 50, уже плылъ гдѣ-то на горизонтѣ, оставляя за собой бѣлый волнистый слѣдъ.

— Чортъ побери! — вертается отъ бѣшенства на своемъ мѣстѣ, думалъ Томъ Квикумъ, — придется еще проторчать здѣсь часа полтора, пока картину покажутъ снова.

Онъ разыскалъ испанца и какъ бы мимоходомъ повелительно бросилъ ему:

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18 и 19.

Рисунок О. Чехэнина.

(Из коллективному фантастическому роману „Синяго Журнал“)

Въ кинематографѣ „Завтрашній день“.

— Въ отдаленіи показалась флотилія изъ 3-хъ крейсеровъ и миноносцевъ...

— Я здѣсь. Очень важное дѣло. Жди распоряженій.

Потомъ занялся изученіемъ публики и подслушиваньемъ разговоровъ. О пропажѣ брилліанта говорилось во всѣхъ концахъ, но ничего новаго Томъ Квикъ не услышалъ. Минуты тянулись съ ужасающей медленностью. Озарившая Тома надежда жгла и давила его мозгъ. Скорѣе, скорѣе, еще немного, и онъ сойдетъ съ ума. Только бы не показало. Онъ взялъ напрокатъ бинокль и на всякій случай узналъ въ конторѣ, здѣсь ли хозяинъ кинематографа.

Наконецъ, подошла новая очередь программы, и съ остановившимся сердцемъ, съ прильнувшими къ биноклю глазами Томъ Квикъ снова увидалъ на экранѣ тѣ же русскія суда. Опять надвигается на публику капитанскій мостикъ, а на немъ князь Енгушевъ во весь ростъ, какъ жирою.

Сомнѣній не было: чуткая целлюлоидовая лента запечатлѣла и выскользнувшій изъ-за рукавчика сорочки бра-слетъ, и подвѣшенную къ нему брилліантовую серьгу. Но вотъ опять темная пелена и крейсеръ уменьшился въ 50 разъ.

— Остановитесь, подождите!—хотѣлось крикнуть Тому Квику.

И въ ту же минуту одна удачная и до чрезвычайно-сти простая идея вернула ему обычное равновѣсіе. Онъ опустил бинокль и хотѣлъ уже двинуться съ мѣста, какъ вдругъ нѣкоторое обстоятельство заставило его настроиться: впереди, въ двухъ шагахъ отъ него, повернувъ въ его сторону широкое бородатое лицо, пристально наблюдалъ за нимъ незнакомый джентльменъ, который, встрѣтившись съ нимъ глазами, поспѣшилъ перевести ихъ на сидящую по близости красивую, но черезчуръ напудренную красавицу.

Томъ Квикъ всталъ, безопасно поглядѣлъ по сторонамъ, потомъ прошелъ мимо испанца, быстро приказалъ ему наблюдать за бородатымъ джентльменомъ и, не спѣша, направился въ контору кинематографа «Завтрашній день».

ГЛАВА XXI.

НЕСЛЫХАННЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ.

— Вы хозяинъ кинематографа?—спросилъ Томъ Квикъ указаннаго ему лысаго француза съ блѣдыми глазами и черными, какъ смоль, очевидно выкрашенными усами.

— Совершенно вѣрно, сэръ—любезно отвѣчалъ французъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ.

— Я имѣю къ вамъ нѣкоторое дѣловое предложеніе.

— Къ вашимъ услугамъ, сэръ.

— Сколько стоитъ лента картины № 6 сегодняшней программы?

— Отбытіе русской эскадры изъ Кронштадта?

— Да.

— Шестьдесятъ долларовъ, сэръ.

— Я могу вамъ предложить за нее 120 долларовъ.

— Вы очень любезны, сэръ, но я не могу вамъ ее продать.

— Почему?

— У меня нѣтъ дубликата, а между тѣмъ это самый интересный № программы, и я надѣюсь, что онъ сдѣлаетъ мнѣ полные сборы 2—3 дня. Въ особенности въ связи съ происшествіемъ въ игорномъ домѣ.

— Какой вашъ максимальный доходъ за 3 дня?—рѣшительно спросилъ Томъ Квикъ.

— Какъ вамъ сказать, сэръ... тысячи 2—3.

— Я заплачу вамъ пять.

Французъ, державшій кинематографъ въ Санъ-Франциско уже нѣсколько лѣтъ, постарался не выдать своего удивленія и спросилъ:

— Вы хотите демонстрировать картину въ вашемъ кинематографѣ, сэръ?

— Нѣтъ, я даю вамъ слово, что она не выйдетъ изъ моего письменнаго стола. Кромѣ того, я разрѣшаю вамъ написать дубликатъ.

— Я согласенъ,—сдѣла сдерживая радость, произнесъ французъ,—когда вамъ угодно получить ленту?

— Сейчасъ.

Французъ нагнулся къ окошечку кассы и сказалъ:

— Немедленно снимите плакаты о русскихъ крейсерахъ: лента испорчена и показываться больше не будетъ.

Получивъ красиво завернутый въ бумагу круглый и довольно тяжелый пакетъ, Томъ Квикъ прежней безпечной походкой вышелъ изъ конторы. Въ самыхъ дверяхъ онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ бородатымъ джентльменомъ, за спиной котораго дѣлалъ какіе-то знаки испанецъ-крупье.

Какъ разъ въ эту минуту раздались громкіе анонсы объ отбѣнѣ № 6 программы. Джентльменъ вздрогнулъ, отскочилъ отъ Тома Квика и быстро направился къ выходу.

— Возьми поскорѣй дощечку,—устремляясь за нимъ, говорилъ испанцу Томъ Квикъ и потихоньку вынулъ изъ кармана автомобильный № 1.232.323. Б. Б. Б.—Я узналъ этого человѣка: это одинъ изъ агентовъ князя Енгушева. Прицѣпи дощечку сзади на его автомобиль и сейчасъ же берись. Я буду ждать здѣсь.

Анатолій Каменскій.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

Дальнѣйшія главы, написанныя Анат. Каменскимъ: XXII—Братская кровь, XXIII—Микроскопъ мистера Перси, XXIV—Донесеніе ротмистра Персина.

Передъ кинематографомъ „Завтрашній день“.

Въ № 21 „Синяго Журнала“ будетъ печататься продолженіе романа Аркадія Аверченко.

Въ коллективномомъ романѣ участвуютъ:

- А. И. Купринъ,
- Н. А. Тэффи,
- І. І. Ясинскій,
- Анат. Каменскій,
- В. И. Немировичъ-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

- А. Измайловъ,
- А. Н. Будищевъ,
- В. А. Тихоновъ,
- А. Аверченко,
- П. П. Гнѣдичъ,
- И. Н. Потапенко и др.

съ „необходимымъ послѣсловіемъ“ Вас. Регинина.

Анатолій Каменскій.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна, Тэффи, І. І. Ясинскаго и А. Каменскаго.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Енгушевъ, проигрываетъ всѣ наличныя деньги. Ставитъ на табло сергу съ великолѣпнымъ брилліантомъ. Банкъ сорвалъ. Но брилліантъ исчезаетъ. Въ дверяхъ появляется красавица, уводитъ кн. Енгушева и на обратномъ пути, въ автомобиль, упрекаетъ его за то, что онъ поставилъ на карту брилліантъ, приносящій счастье...

Брилліантъ оказался у нѣкоего молодого человѣка — Перси. Послѣдній выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, перемѣнивъ, предварительно, его № 1.232.323. Б.Б.Б. Другая окраина города. Въ темномъ подвалѣ негрятанка Салли перекрашиваетъ Перси въ черный цвѣтъ. Подъ видомъ лака — негра, онъ наносится къ своей же матери. „Вшиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ въ колѣнку...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ убиваетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, дать ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату въбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ, (онъ вѣзлся въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Князь Енгушевъ, ради успокоенія красавицы Маріи, показываетъ ей другой брилліантъ и выдаетъ его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ въ отель князя, встрѣчаетъ его вѣрный слуга — матросъ Фодоръ. Онъ замѣтилъ № автомобиля, въ которомъ мчался Перси. Енгушевъ поручаетъ ему лакею дать за посѣтителями „Кровавой Мышеловки“.

Томъ Квикъ слышитъ въ кинематографѣ „Завтрашній день“, гдѣ онъ долженъ встрѣтиться съ испанцемъ-хрулею изъ „Кровавой Мышеловки“. Въ кинематографѣ Томъ смотритъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ гавани С.-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крѣйсера кн. Енгушева и покупаетъ ленту съ этой картиной за 500 долларовъ. При выходѣ изъ кинематографа Томъ замѣчаетъ въ толпѣ бородача джентльмена, (матросъ-Фодора) и отдаетъ крупную дощечку съ фальшивымъ номеромъ, которую необходимо прицѣпить къ автомобилю этого джентльмена.

ГЛАВА XXII.

БРАТСКАЯ КРОВЬ.

Четверо людей, закутанныхъ въ черныя плащи съ наваленными на глаза кашононами, уже съ 6 часовъ вечера смѣнили такихъ же четверыхъ людей на перекресткѣ улицы Догъ-Стритъ и главной аллеи пиктъ. Они похаживали въ разныхъ направленіяхъ и скучали. Изрѣдка вспыхивали подъ кашонономъ огонекъ папиросы да высовывалась изъ-подъ плаща вооруженная браунингомъ рука.

— Скучища, — произнесла одна изъ закутанныхъ фигуръ, перовнявшись съ другой, — кажется, стоимъ опять по-напрасну. У тебя есть водочка, Семень?

— Есть виска.

— Давай чортову виску.

— Эй вы, осторожно, — сказала третья фигура, — не толпись.

— Ничего, не бѣда, и ты выпей, Сидорычъ. Все равно не дождь мся автомобиля. Фодоръ Петровичъ справлялся по всѣмъ конторамъ: нигдѣ такого № нѣту.

— Есть онъ или нѣтъ, — не нашъ дѣло. Помни инструкцію: какъ услышишь свистокъ, значить № объявился. Тогда загораживай дорогу. Двое на шоффера, двое на съдока и безъ разговоревъ бей.

— Ладно, понимаемъ.

Еще цѣлый часъ фигуры скучали, сходились и расходились.

Ровно въ половинѣ девятаго раздался далекій, тоненькій свистокъ, похожій на крысиный пискъ, и тотчасъ же изъ-за поворота аллеи глянули два фонаря быстро несущагося автомобиля.

— Братцы, становись! — крикнула одна изъ фигуръ и, соединившись съ другими, стала посреди дороги.

Автомобиль мчался, не славляя хода.

— Стой! — энергично, но не очень громко крикнулъ человѣкъ, котораго звали Сидорычемъ.

Еще мгновеніе, задрезжали короткіе выстрѣлы изъ браунинговъ, автомобиль остановился, и столпившіеся надъ убитымъ шофферомъ и раненымъ въ голову съдокомъ люди въ плащахъ отступили, какъ пораженные громомъ.

Передъ ними лежалъ безчувственный, умирающій дневальный князя Енгушева — Фодоръ.

ГЛАВА XXIII.

МИКРОСКОПЪ МИСТЕРА ПЕРСИ.

Не подозрѣвая о болѣе чѣмъ удачномъ исходѣ коварной шутки съ автомобильной дощечкой, Томъ Квикъ сидѣлъ совершенно голый въ камерѣ старой негрятанки и нетерпѣливо кричалъ:

— Скорѣе, скорѣе, старая вѣдьма! Если черезъ четверть часа я не побѣлѣю, то я заставлю тебя выпить все это ведро уксусу съ мѣломъ.

— Напрасно изволить гнѣваться мистеръ Перси на свою преданную старую няньку. Если бы мистеръ Перси мнѣ сказалъ раньше, что чернота понадобится ему только на одинъ день, можно было бы взять растворъ въ 10 разъ слабѣе. Ужъ потерпи немножко, мой милый Перси, вспомни, какъ тебя купала маленькимъ черная Салли.

Часа черезъ два, почти совсѣмъ бѣлый и уже одѣтый въ новый костюмъ мистеръ Перси сидѣлъ въ другой, соедѣнной комнаткѣ за столомъ и внимательно, дюймъ за дюймъ, разсматривалъ сквозь увеличительное стекло длинную целлюлоидную ленту. Дойдя до крѣйсера князя Енгушева, онъ вооружился ножницами, вырѣзалъ штукъ пять маленькихъ кусочковъ съ капитанскимъ мостикомъ, занимавшимъ на снимкѣ пространство не больше маковаго зерна и отложилъ эти кусочки въ отдѣльную маленькую коробочку. Потомъ заперъ ленту и обрѣзки целлюлоида въ столъ, вынулъ изъ шкафа микроскопъ и спиртовую лампу съ сильнымъ рефлекторомъ, установилъ ихъ на столъ, приладилъ одинъ изъ вырѣзанныхъ кусочковъ, куда надо, навелъ рефлекторъ на зеркальце микроскопа, прильнулъ глазомъ къ окуляру и началъ поворачивать микрометрическія винты. Заблестѣло желтоватое освѣтительно-яркое пятно, и вдругъ съ одного края стала надвигаться черная туча. Мистеръ Перси сдѣлалъ еще нѣсколько поворотовъ винтомъ и чуть не ахнулъ отъ ослѣдительно-сильнаго вычистеннаго сапога. Быстро, опытной рукой, онъ перевелъ кусочекъ целлюлоида на другой край и снова сталъ поворачивать винтъ. Черезъ минуту прямо ему въ лицо смотрѣли пронзительныя глаза князя Енгушева и серебрились освѣщенные солнцемъ виски. Теперь надо взять какъ разъ се, едигу и немного вправо, чтобы нащупать глазомъ руку, опирающуюся на барьеръ. Вотъ такъ, вотъ рукавъ бѣлаго кителя, край манжеты. Еще

*) См. „Синій Журналь“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 20.

ЗАСАДА.

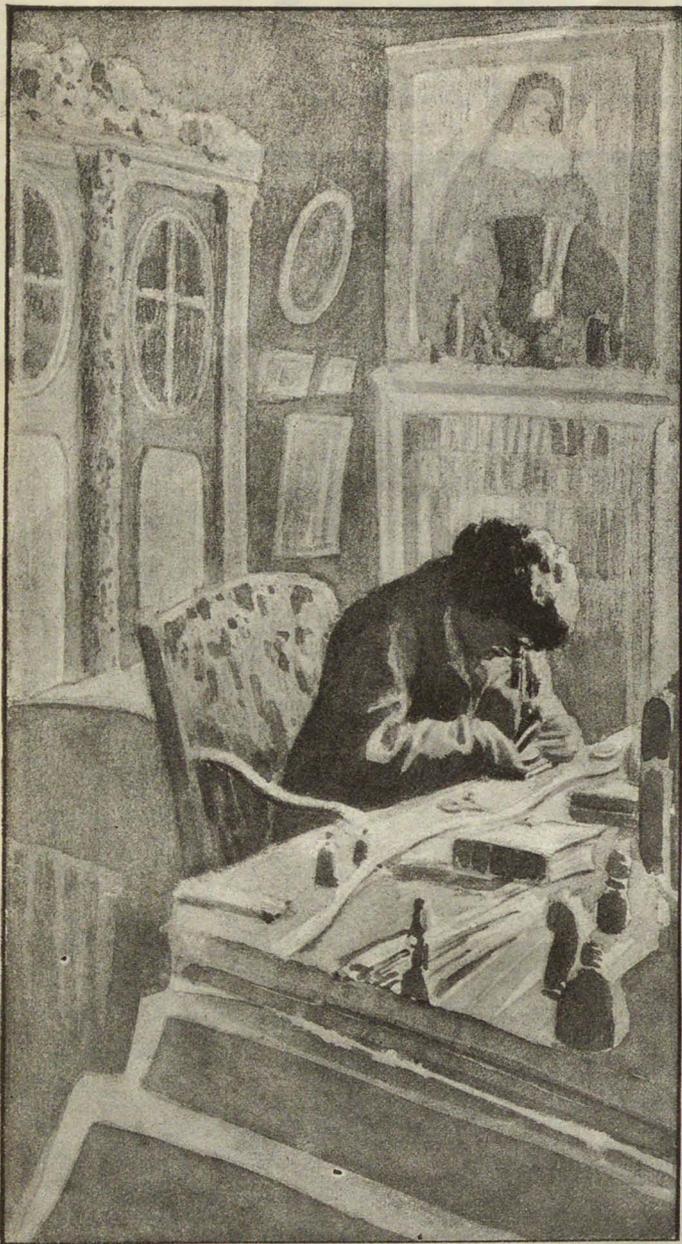
(Из коллективному фантастическому роману „Синяго Журнала“) Рисунокъ С. Чехонина.

Братцы, становись! — крикнула одна изъ фигуръ и, соединившись съ другими, стала посреди дороги.

Линия разпрямилась и стала словно в одну линию. Вдруг одна изъ фигуръ крикнула: «Внимание!» и все разом остановилось. В это время изъ-за деревьевъ появились несколько фигуръ, вооруженныхъ винтовками. Они подошли къ группе и начали осматривать ее. Один изъ нихъ шагнулъ впередъ и началъ говорить: «Вы кто? Куда идете?»

Рис. С. Чехонина.

...Навелъ рефлексоръ на зеркальце микроскопа, прильнулъ глазомъ къ окуляру и началъ поворачивать микрометрической винтъ...

мгновеніе, и мистеръ Перси оцѣнилъ: вся серьга, свисающая съ браслета, весь брилліантъ сіялъ передъ нимъ въ волшебныхъ нѣдрахъ микроскопа отъ первой до послѣдней грани, и посреди самой большой изъ нихъ—восьмиугольной—рѣзко вырисовались три глубоко вѣзанныхъ цифры.

Цифры эти были 1...7...2..

Прошло нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ мистеръ Перси слышалъ отчетливое и частое биченіе собственного сердца. Наконецъ, онъ пришелъ въ себя и изъ его груди вырвался радостный вздохъ. Да, это было открытіе, о которомъ мечталъ онъ цѣлый годъ, годъ неустанныхъ розысковъ и кропотливой работы. И если бы не потеря брилліанта, то онъ, конечно, сумѣлъ бы доказать, какъ дважды два, тождество грошенн и княземъ Енгушевымъ на игорный столъ серьги и той, которая сейчасъ сіяетъ въ солнечномъ кругу подъ микроскопомъ. Конечно, это цифры, а не буквы, и какъ смѣшны теперь всякіе слухи о какомъ-то еврейскомъ талисманѣ, такъ умѣло пущенные въ оборотъ княземъ Енгушевымъ съ цѣлью отвести кому слѣдуетъ глаза.

Только бы найти камень, эту едва-ли не величайшую въ исторіи человѣчества печать, и тогда миссія Перси за-

вершена, и онъ съ спокойной совѣстью уѣдетъ навсегда изъ Санъ-Франциско.

Однако, довольно мечтать, необходимо сейчасъ же заняться телеграммой.

ГЛАВА XXIV.

ДОНЕСЕНІЕ РОТМИСТРА ПЕРСИНА.

Мистеръ Перси взялъ пачку телеграфныхъ бланковъ и сталъ писать ровнымъ, отчетливымъ почеркомъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ:

«Честь имѣю донести Вашему Высокопревосходительству, что, по имѣющимся у меня неопровержимымъ даннымъ, принадлежность командира крейсера «Сѣверный орелъ» князя Енгушева къ верховному совѣту тайной организаци, именующей себя «Лигой ста семидесяти двухъ объединенныхъ армій и флотовъ», отнынѣ совершенно доказана. Цѣль лиги — уничтоженіе войнъ и созданіе единаго мірового государства. Хранящаяся у князя печать верховнаго совѣта нѣкоторое время находилась въ моихъ рукахъ. Донося о вышеизложенномъ, почтительнѣйше прошу дальнѣйшихъ инструкцій Вашего Высокопревосходительства немедленно и срочно.

Ротмистръ Персинъ».

Написавъ и тщательно выправивъ телеграмму, мистеръ Перси вынулъ изъ потайного отдѣленія бумажника тонкую записную книжку. На нѣсколькихъ страничкахъ книжки пестрѣли странно разбросанныя буквы русскаго алфавита въ перемежку съ трехугольниками и крѣтками.

Внимательно поглядывая на одну изъ страничекъ, мистеръ Перси постепенно перевелъ написанное донесеніе на шифръ. Получившійся текстъ удлиннилъ телеграмму разъ въ 20.

Затѣмъ онъ окончательно переписалъ весь текстъ французскими буквами и французскими же буквами вывелъ часть адреса, кромѣ двухъ словъ—Европа и Петербургъ, написанныхъ по-англійски.

«Dwortzowaia nabrejnaia 76 Ardalionou Semenovitchou Lidtke».

Онъ невольно улыбнулся, сунулъ въ карманъ телеграмму и постучалъ въ дверь.

— Я ухожу, черная Сали. Если черезъ три дня меня снова не будетъ здѣсь, то ты зажжешь фитиль, который торчатъ за спинкой этого шкафа и въ пять минутъ уберешься изъ подвала. Смотри же—онъ вынулъ часы—ровно черезъ три дня въ 11 часовъ ночи.

Анатолій Каменскій.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

Въ слѣдующемъ № „Синяго Журнала“— продолженіе коллективнаго романа Аркадія Аверченко. — Глава XXV. Особенякъ. Глава XXVI. Глазъ баронессы. Глава XXVIII. Разговоръ съ Даусономъ.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. И. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолія Каменскаго, Тэффи, В. И. Немировича-Данченко, А. А. Измайлова, А. Н. Будищева, П. П. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, В. А. Тихонова, I. I. Ясинскаго и друг. съ „необходимымъ послѣсловіемъ“ Вас. Регинина.

Аркадій Аверченко.

Въ коллективномъ романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
І. І. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Нежировичъ-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна, Тэффи, І. І. Ясинскаго и А. Каменскаго.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Енгушевъ, проигрываетъ всѣ наличныя деньги. Ставитъ на табло сергу съ великолѣпнымъ брилліантомъ. Банкъ срываетъ. Но брилліантъ исчезаетъ. Въ дверяхъ появляется красавица, уводитъ кн. Енгушева и на обратномъ пути, въ автомобиль, упрекаетъ его за то, что онъ поставилъ на карту брилліантъ, приносящій счастье...

Брилліантъ оказался у нѣкоего молодого человѣка — Перси. Последний выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, перемѣнивъ, предварительно, его № 1.232.323. Б.Б.В. Другая окраина города. Въ темномъ подвалѣ негрятянка Салли перекрашиваетъ Перси въ черный цвѣтъ. Подъ видомъ лакея — негра, онъ занимается къ своей матери. „Вшиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ въ кофѣю...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ кофѣю. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ кофѣю выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ, (онъ врезался въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Князь Енгушевъ, ради успокоенія красавицы Марин, показываетъ ей другой брилліантъ и выдаетъ его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ въ отель князя, встрѣчаетъ его вѣрный слуга — матросъ Федоръ. Онъ замѣтилъ М автомобиль, въ которомъ мчался Перси. Енгушевъ поручаетъ ему наблюдать за посятителями „Кровавой Мышеловки“.

Но люди, ожидающіе таинственный автомобиль м-ра Перси, по ошибкѣ убиваютъ вѣхшаго въ немъ Федора — „своего“.

Томъ Квикъ случайно въ кинематографъ смотритъ картину „Прельманіе русской эскадры въ гавани Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ дѣту этой карины.

Домъ черезъ микроскопъ онъ разсматриваетъ у кн. Енгушева брилліантъ и прочиталъ на немъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ ши романное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставилъ шей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дома, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли.

ГЛАВА XXV.

ОСОБНЯКЪ.

Было около пяти часовъ вечера, когда князь Енгушевъ вышелъ изъ отеля, оглядѣлся, шепнулъ что-то шофферу дождавшемуся автомобиля, однимъ прыжкомъ вскочилъ внутрь и, откинувшись на мягкую эластичную подушку, нетерпѣливо крикнулъ:

— Пошелъ!

Бѣшеный уличный шумъ гиганта-города не достигалъ его ушей. Онъ сидѣлъ съ полузакрытыми глазами, что-то напряженно обдумывая и сердито покусывая губы, какъ человѣкъ, расчеты котораго не оправдываются и планы колеблются въ самомъ основаніи, грозя обрушиться.

Изрѣдка онъ встряхивался, хваталъ нервной рукой разговорную трубку и кричалъ шофферу:

— Скорѣе! скорѣе!

Незамѣтно автомобиль миновалъ шумныя гуляющія, запруженныя тучей лошадей, экипажей и моторовъ улицы, мягко выплылъ въ пустынное предмѣстье, и, юркнувъ въ широкую, безлюдную улицу, остановился у особняка, нанятаго баронессой.

Князь прыгнулъ на деревянный тротуаръ, обернулся къ дверямъ и вдругъ увидѣлъ какого-то длиннаго сухого человѣка, который присѣвъ у дверей на корточки, съ самымъ страннымъ видомъ вертѣлъ головой налѣво и направо.

— Эй, другъ! — вскрикнулъ ему удивленный графъ. — Какая дьявольская болѣзнь приключилась съ вами? Или вы раскачиваетесь, собираясь пустьиться въ присядку?

Долговязый человѣкъ выпрямился, обернулся къ князю и пожалъ плечами.

— Это поразительно! — раздумчиво сказала онъ. — Человѣчество очень любитъ эту фразу: «я видѣлъ собственными глазами» и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

почти всегда человѣчество, вооруженное этой убѣдительноѣйшей фразой, садится въ лужу. Вы сейчасъ видѣли «собственными глазами», какъ я «раскачивался, собираясь пуститься въ присядку» вмѣсто того, чтобы увидѣть или предположить нѣчто болѣе вѣроятное, что и было на самомъ дѣлѣ: я заглядывалъ въ замочную скважину!

— Гм... Да вы, философъ, — пробормоталъ, сбитый съ толку напыщенными словами князь.

— Это вы для того и заглядывали въ замочную скважину, чтобы дать себѣ «ясный отчетъ въ окружающемъ?» — насмѣшливо спросилъ князь.

— Нѣтъ сэръ. А просто я пришелъ къ баронессѣ, которая искала секретаря, владѣющаго двумя языками. И вотъ ни одинъ изъ этихъ языковъ не поможетъ мнѣ войти въ этотъ домъ! Я звоню уже около двадцати минутъ — въ домѣ все тихо, какъ будто тутъ живетъ мертвецъ, которому лѣнь пошевелиться.

— О, чертъ! — вздрогнулъ князь. — Вы шутите не лучше любого сторожа анатомическаго покоя. Вѣроятно, горничная куда-нибудь ушла, а баронесса еще не выходила изъ спальни.

Князь подошелъ къ дверямъ, позвонилъ, дождался минуты три и, наконецъ, въ нетерпѣніи, ударилъ въ дверь носкомъ сапога... — Дверь тихо взвизгнула и распахнулась.

— Она не заперта! — вскричалъ изумленный князь.

— Въ такомъ случаѣ вы правы, — сказала секретарь, входя за княземъ въ обширную переднюю. — Горничная просто куда-нибудь ушла.

Князь снялъ пальто и шляпу, а долговязый секретарь заглянулъ въ полукруглую дверь слѣдующей комнаты, оперся плечемъ о притолокъ и, кратко свистнувъ, повторилъ страннымъ тономъ:

— А горничная куда-то ушла... И знаете что, сэръ? Она ужъ больше не придетъ оттуда, куда ушла.

— Почему?

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19 20, и 21.

— Потому что она, если я не ошибаюсь, убила.

Съ бѣшенымъ крикомъ, бросился князь къ дверямъ, отшвырнулъ секретаря, какъ котенка, и вбѣжалъ въ комнату, которая, вѣроятно, служила приемной.

Женщина, лица которой нельзя было разглядѣть, лежала грудью на столѣ, раскинувъ руки и уткнувшись лицомъ въ залитую кровью ска-терть... Въ затылкѣ, — какъ разъ въ томъ мѣ-стѣ, гдѣ кончались нѣж-ные завитки волосъ — торчалъ небольшой ножъ, наполовину скрытый въ тѣлѣ убитой. Судя по кокетливому бѣлоснѣж-ному чепцу и переднику — это была горничная.

Широко открытыми глазами смотрѣлъ на нее князь; тѣло его дрожало мелкой дрожью.

— О! — сказалъ фи-лософъ-секретарь, беря его за плечо. — Неужели, вы не интересуетесь взглянуть дальше... Баронесса...

— Баронесса! — пронзительно вскричалъ князь и бросился впередъ, хватаясь за голову. — Баронесса!! Ради Бога!!

Оба подбѣжали къ дверямъ спальни и при-слушались на мгновение: въ спальнѣ было тихо... Мертвое безмолвіе при-таилось за дверьми. Князь толкнулъ одну по-ловинку дверей — она распахнулась. Въ спаль-нѣ царилъ полумракъ.

— Маруся! — гром-ко, дрогнувшимъ голо-сомъ позвалъ князь. — Маруся! Слышишь ли ты меня?

— Боюсь, что съ баронессой... — началъ секретарь, еле шевеля побѣлѣвшими губами.

— Молчите!! О, е-сли съ ней что-нибудь случилось...

Оба вошли въ ком-нату и остановились...

На кровати лежала навзничъ баронесса въ одной сорочкѣ, край которой откинулея и обнажилъ прекрасную бѣлую ногу; другая нога была прикрыта шелковымъ одѣяломъ. Руки раскинуты, будто призывая любовника къ горячему тѣсному объятію, а голова склонена на бокъ — прекрасная голова, вся въ сіяніи разметанныхъ золотистыхъ кудрей. Около кровати на стулѣ висѣло въ беспорядкѣ брошенное платье — трогательная поспѣш-ность любящей женщины, — и пара крошечныхъ лакированныхъ туфельекъ... Одинъ чулокъ лежалъ

на полу, другой въ ногахъ кровати. Князь вгля-дѣлся острымъ взглядомъ въ царившій въ спаль-нѣ полумракъ: лѣвая рука баронессы судорожно вцепилась въ край простыни, въ правой рукѣ была зажата обрывокъ шнура отъ сонетки.

— Маруся! — простоналъ, схватившись за грудь, князь. — Что съ тобой? Ты меня слышишь? Маруся...

— Посмотрите, — ска-залъ, опустивъ руку на его плечо, секретарь: — У нея перерѣзано горло. То, что такъ похоже на тѣнь отъ головы — это кровь.

Онъ поднялъ свѣ-сившуюся руку.

— Она холодна. Убита нѣсколько часовъ тому назадъ.

Молча, безъ звука рухнулъ князь на коверъ и, припавъ головой къ прекраснымъ холоднымъ ногамъ, вдругъ завылъ, какъ звѣрь въ смертель-ной тоскѣ.

— Бѣдный, — ска-залъ странный секретарь, потирая нервно заты-локъ. — Пять минутъ то-му назадъ онъ предпо-лагалъ, что человѣкъ безъ всякой причины можетъ пуститься въ присядку, а теперь... По-слушайте! Пойдемъ от-сюда на воздухъ. Здѣсь страшно, и запахъ крови начинаетъ кружить го-лову. Пойдемъ, и самое будетъ лучшее, если мы позовемъ полицію.

Князь молчалъ, при-павъ къ ногамъ трупа.

— Вы не хотите? Ну, ладно... Если вамъ не страшно, я оставлю васъ тутъ. Вы разрѣшите воспользоваться вашимъ автомобилемъ? Послу-шайте! Почему же вы молчите... Эй! Что съ ва-ми? Вы меня не слыши-те? Не нуженъ ли вамъ стаканъ воды?

Князь молчалъ. Онъ былъ въ глубокомъ об-морокѣ.

ГЛАВА XXVI.

ГЛАЗЪ БАРОНЕССЫ.

Томъ Спрингъ имѣлъ въ своей натурѣ много собачьяго... По крайней мѣрѣ, чутье у него было настоящее собачье.

Это видно изъ слѣдующаго: когда онъ, ша-таясь безцѣльно по одной изъ боковыхъ улицъ Фриско, увидѣлъ проѣзжавшій мимо автомобиль, въ которомъ мелькнулъ, рядомъ съ незнакомцемъ,

... Онъ увидѣлъ какого-то длиннаго, сухого человѣка, который, приставъ у дверей на корточки, съ самымъ страннымъ видомъ вертѣлъ головой налѣво и на-право.

Из коллективному фантастическому роману „Синяго Журнала“ Рисунки Н. Н. Герардова.

...Молча, безъ звука рухнулъ князь на коверъ и, прижавъ головой къ прекраснымъ холоднымъ ногамъ, вдругъ завылъ, какъ звѣрь, въ смертельной тоскѣ.

хорошо знакомый Спрингу профиль инспектора полиціи Дью Аткинса — знаменитый репортеръ «Желтаго Калифорнійца» сдѣлалъ, не раздумывая, великолѣпный прыжокъ и, очутившись на подножкѣ автомобиля, выставилъ свою умную голову передъ изумленнымъ Аткинсомъ.

— Дью!—фамиллярно сказалъ онъ,—конечно, работа?

— Два трупа,—кивнулъ головой Аткинсъ.— А вы—ловкая бестія, Спрингъ. Это называется поймать дичь на лету. Только боюсь—не помѣшаете ли вы намъ?

— Молчите, старый гениальный Дью,—раз-

смѣялся Спрингъ.—Я сдѣлаю вамъ карьеру. Напишу про васъ такое, что всѣ ахнутъ.

Автомобиль подкатилъ къ особняку, который, храня въ своихъ комнатахъ два трупа, принялъ какой-то серьезный, торжественно-зловѣщій видъ.

Аркад'й Аверченко.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

Въ слѣдующемъ № „Синяго Журнала“—продолженіе коллект. внаго ром на—Аркадія Аверченко.— Глава XXVI. Глазъ баронессы. Глава XXVII. Арестъ. XXVIII. Разгов о съ Даусономъ.

Аркадій Аверченко.

Въ коллективномомъ романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.

Въ ближайшихъ номерахъ журнала будутъ печататься продолженіе коллективнаго романа—П. П. Гнѣдича.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго и А. Аверченко.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Енгусевъ, проигрываетъ все наличныя деньги. Ставить на табло серку съ великолѣпнымъ брилліантомъ. Банкъ сорванъ. Но брилліантъ исчезаетъ. Въ дверяхъ появляется красавица, уводитъ кн. Енгусева и на обратномъ пути, въ автомобиль, упркаетъ его за то, что онъ поставилъ на карту брилліантъ, приносящій счастье...

Брилліантъ оказался у нѣкоего молодого человѣка — Перси. Последний выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, перемѣнивъ, предвзрительно, его №. 1.232.323. Б.Б.Б. Другая окраина города. Въ темномъ подвалѣ негрятка Салли перекрашиваетъ Перси въ черный цвѣтъ. Подъ видомъ лакея — негра, онъ занимается къ своей матери. „Вшиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ въ колынку...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ рингелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь бавкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которой вскопи хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ изъяснить его отъ мучительной боли въ колынкѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колынки выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ, (онъ вѣздаль въ подолку сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подолки камень...

Князь Енгусевъ, ради успокоенія красавицы Марин, показываетъ ей другой брилліантъ и выдаетъ его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ въ отель князя, встрѣчаетъ его вѣрный слуга — матросъ Федоръ. Онъ замѣтилъ № автомобиля, въ которомъ мчался Перси. Енгусевъ поручаетъ ему наблюдать за посетителями „Кровавой Мышеловки“.

Но люди, ожидающіе таинственный автомобиль м-ра Перси, по ошибкѣ убиваютъ вѣрнаго въ немъ Федора—„своего“.

Томъ Квикъ случайно въ кинема ографъ смотритъ картину „Превращеніе русскаго въ гавана Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ деду эту картину.

Дома черезъ микроскопъ онъ разсматриваетъ кн. Енгусева брилліантъ и прочиталъ на немъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ ши романное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію П. П. Ясинскаго, важный участникъ тайной о ганизации, поставилъ задачей уничтоженіе (е оинъ и созданіе единого государства).

Получившиши „ротмистъ Персина“, онъ уходитъ изъ дома, о тавивъ тамъ ядскую машину и предупредивъ о томъ свою старую нянюшку Салли. Князь Енгусевъ вѣдетъ къ баронессѣ и встрѣчаетъ у ея дверей незнакомца, ш шедшаго сюда поступить въ секретари. Въмѣстѣ они входятъ въ домъ и видятъ, что баронесса и горничная въ зѣрски убиты. Незнакомецъ быстро мчится за инспекторомъ полиціи м-ромъ Дью и привозитъ его вмѣстѣ съ пристававшимъ по доро въ репорте о м-рѣ Спрингомъ. Кн. Енгусевъ, припавъ къ ногамъ баронессы, рыдаетъ.

ГЛАВА XXVI.

ГЛАЗЪ БАРОНЕССЫ.

Всѣ трое на цыпочкахъ вошли въ переднюю и, бросивъ быстрый взглядъ на распростертое на столѣ тѣло, оставшееся въ томъ же положеніи, прислушались. Все было тихо.

Но потомъ изъ комнаты баронессы до нихъ ясно донеслись слова:

— Я не буду видѣть солнечнаго свѣта, не буду дышать свѣжимъ воздухомъ, не буду спать, любить, забросу то великое дѣло, которому рѣшилъ посвятить жизнь—до тѣхъ поръ, пока не найду твоего убійцы... Клянусь тебѣ! Я сгоню улыбку съ моего лица, рука моя сожмется разв навсегда для страшнаго удара, и сердце окаменеетъ, какъ тотъ брилліантъ, котораго мы лишились... Клянусь тебѣ! Не буду знать ни дня, ни часа покоя, отдыха, пока не пролью за твою святую кровь цѣлый потокъ черной злодѣйской крови... Клянусь въ этомъ, клянусь, клянусь тебѣ!..

Когда Аткинсъ, Дью и секретарь вошли въ спальню, ихъ встрѣтилъ спокойный человѣкъ съ рѣшительнымъ непоколебимымъ лицомъ.

— Дѣлайте ваше дѣло!—сказалъ онъ.

— Кто вы такой?—спросилъ Аткинсъ, зажигая электричество. Надѣюсь, здѣсь послѣ убійства ничего не измѣнилось?

Отвѣтилъ секретарь.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я его оставилъ? Измѣнилось.

— О?! Что-же?

— Волосы,—сказалъ секретарь.—Его волосы. Когда мы съ нимъ часъ тому назадъ входили сюда, они были черныя.

Князь провелъ равнодушной рукой по своимъ волосамъ, пряди которыхъ побѣлѣли, и повстрѣтилъ:

— Дѣлайте свое дѣло.

— Кто вы такой?—переспросилъ Дью.

— Князь Енгусевъ. Командиръ русскаго крейсера.

— А!—вздрыгнулъ Дью.—Тотъ самый, у котораго пропалъ брилліантъ... Странно!.. Странное совпаденіе. А вы кто, сэръ?

— Я былъ приглашенъ въ качествѣ секретаря для баронессы, но, какъ видите — ей теперь нужнѣ хорошій священникъ, упокой Господи ея душу.

И одобавилъ, обращаясь къ самому себѣ.

— Такъ все на свѣтѣ—пригласала секретаря, а гдѣ-то въ Великой Книгѣ уже было написано, что секретаремъ у нея я не буду. Что-жъ, поголодаемъ еще разъ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Бобъ. Бобъ Даусонъ.

— А меня зовутъ Спрингъ!—ревниво сказалъ репортеръ, обиженный тѣмъ, что о немъ забыли.

— Америка одинъ разъ уже открыта, —сердито сказалъ Дью.— Не открывайте ея вторично. И главное—помолчите, Спрингъ.

Инспекторъ подошелъ къ постели и внимательно осмотрѣлъ тѣло убитой.

— Я полагаю,—сказалъ онъ послѣ одной минуты задумчивости, — что здѣсь имѣло мѣсто убійство.

— Неужели?—удивился Спрингъ.—Я всегда и всѣмъ говорилъ, что старичина Дью самый проницательный изъ всѣхъ полицейскихъ Фриско.

— Какъ совершено убійство?—размышлялъ вслухъ Дью.—Посредствомъ остраго предмета, которымъ перерѣзано горло.

— А я думалъ, она—утопленница,—шепнулъ долговязому Даусону неугомонный Томъ Спрингъ.

— Спрашивается: гдѣ же орудіе преступленія? Да ясно: убійца унесъ его съ собой.

Глазъ баронессы.

(Из коллективному фантастическому роману „Синяго Журнала“). Рисунокъ Н. Н. Герардова.

Рука его потянулась къ лицу баронессы и пріоткрыла окровавленный глазъ...

— И такого человѣка не сдѣлаютъ начальникомъ нью-йоркской полиціи!—фамиллярно воскликнулъ Дью.—Гдѣ же справедливость?!

— Помолчите,—сказала Дью, отмахиваясь отъ репортера, какъ отъ надоѣдливой мухи. — Но... что у нея сдѣлалось съ глазомъ? Странно, стра...

— Боже мой!!

Въ это время подавленный крикъ хладнокровнаго доселѣ Даусона привлекъ общее вниманіе. Всѣ обернулись къ нему.

Онъ держалъ въ рукѣ какой-то небольшой предметъ, отъ котораго всѣ отпрянули, послѣ перваго же взгляда, въ невыразимомъ ужасѣ: то было человѣческое глазное яблоко, окровавленное, съ перерѣзаннымъ нервомъ, уже потерявшее блескъ...

— Это лежало на туалетномъ столикѣ за

флакономъ Oeillet. Я полагаю, что это ея глазъ.

Князь вцѣпилъ блѣдными руками въ свои сѣдые кудри и отошелъ въ уголъ.

— Вотъ почему,—глубокомысленно сказала Дью Аткинсъ,—у нея одинъ глазъ открытъ, а другой закрытъ и окровавленъ.

Онъ нагнулся къ лицу покойницы и внимательно осмотрѣлъ его.

— Еще болѣе странно... гм...

Рука его потянулась къ лицу баронессы и пріоткрыла окровавленный лѣвый глазъ... У его плеча слышно было дыханіе Спринга и Даусона, и всѣ трое съ ужаснымъ воплемъ отшатнулись отъ прекраснаго блѣднаго лица.

— Съ ума сойти можно!—вскричалъ трепетно Даусонъ.

Изъ орбиты вынутаго глаза на нихъ смотрѣлъ другой глазъ, сверкающій невыносимымъ

блескомъ; свѣтъ электрической лампочки дробился о его грани, и сине-красные и фиолетовые лучи ослѣпительно струились изъ подъ полуопущеннаго вѣка, давая иллюзію пронзительнаго, сверкающаго взгляда и дѣлая все лицо дикимъ и нечеловѣчески страшнымъ.

— Негодяй! — сказала Дью. — Вы знаете, что убійца не только убилъ, но и надругался надъ трупомъ. Онъ вынулъ глазъ убитой и вставилъ на его мѣсто брилліантъ. Впрочемъ, это показываетъ, что мотивъ убійства—не грабежъ.

ГЛАВА XXVII.

АРЕСТЪ.

— Мой брилліантъ! — вскричалъ неподвижный доселѣ князь. — Такъ вотъ какимъ путемъ нахожу я его!! Впрочемъ, этого не могло быть... Позвольте!.. Ну, конечно, конечно!

Князь засунулъ руку за пазуху и сейчасъ же отдернулъ ее: дубликата брилліанта, которымъ онъ вчера успокоилъ волненіе баронессы, на груди не было.

— Это тотъ брилліантъ, который потеряны вами въ «Кровавой Мышеловкѣ?» — спросилъ Спрингъ.

— О, нѣтъ, Боже ты мой, конечно, нѣтъ! Тотъ не принесъ бы намъ такого несчастья. Это дубликатный. Еще вчера онъ висѣлъ у меня на груди на золотой цѣпочкѣ, а сегодня... О, негодяй, негодяй!!!

— Позвольте,—спросилъ Дью—какъ же это такъ: вчера онъ былъ у васъ на груди, а сегодня онъ вставленъ въ такую ужасную оправу?..

— Я его, вѣроятно, обронилъ тутъ, во время сна. Цѣпочка лопнула, и брилліантъ очутился въ кровати.

— Какъ?—вскричалъ Дью...—Значить, вы...

— Да!—высокомѣрно сказалъ князь.—Я провелъ эту ночь съ баронессой. Что же изъ этого? Я не хочу скрывать, бѣдняжка, вѣдь, мертва.

Онъ яростно закусилъ губу.

— Все это такъ странно,—сказалъ сухо Дью,—что я принужденъ буду... задержать васъ...

— Вы меня арестовываете? — вскричалъ князь.—Но почему? По какому поводу?

— Согласитесь сами: вы провели всю ночь съ покойницей, и вы же находите ее утромъ злодѣйски умерщвленной.

— Старый оселъ!—въ невыразимомъ бѣшенствѣ вскричалъ князь.—Я вѣдь любилъ ее! Зачѣмъ же мнѣ... убивать ее...

— Кромѣ убійства,—хладнокровно сказалъ Дью,—вы также отвѣтите и за оскорбленіе инспектора при исполненіи имъ обязанностей.

— Вотъ дуракъ!—шепнулъ Спрингъ Даусону.—Эй, Дью! неужели, вы думаете, что князь имѣетъ къ убійству какое-нибудь отношеніе? Хотите знать мнѣніе Спринга? Спрингъ этого не думаетъ!

— Мнѣ не интересно знать, что думаетъ Спрингъ, — сухо оборвалъ Дью.—Когда вы вернулись сегодня въ этотъ домъ? Въ котормъ часу?

— Около пяти, — сказалъ князь, пожимая плечами. — Я засталъ этого господина, засматривающимъ въ замочную скважину.

— А! — пробормоталъ Дью.—Значить, вы вошли вмѣстѣ?

— Да, — сказалъ Бобъ Даусонъ.—Мы вошли вмѣстѣ, обнаружили двойное убійство, и я, оставивъ князя у труповъ, поѣхалъ на автомобиль къ вамъ.

— Ага... Вы вошли вмѣстѣ, неизвѣстно что дѣлали въ домѣ, и оставивъ князя, поѣхали ко мнѣ... Знаете что, Бобъ Даусонъ...

— Смотрите!—крикнулъ шутиво Спрингъ.—Онъ и васъ арестуетъ!

— Бобъ Даусонъ! Я принужденъ задержать васъ... впредь до выясненія.

— Здравствуйте! — сказалъ обезкураженный Бобъ. — Такимъ образомъ, вы можете вывести философское заключеніе: подозрительность—это мудрость недалекихъ людей...

— Это мудрость недалекихъ людей...

Изъ коллект. фант. роману. Рис. Н. Н. Герардова.

— Кромѣ убійства, — хладнокровно сказалъ Дью—вы также отвѣтите и за оскорбленіе инспектора при исполненіи имъ обязанностей.

— Это мудрость недалекихъ людей...

Аркадій Аверченко.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

Въ слѣдующемъ № „Синяго Журнала“—продолженіе коллект. внаго ром. на—Аркадія Аверченко.— Глава XXVIII. Разговоръ съ Даусономъ. П. П. Гвѣдича. — Глава XXIX. Волненія въ С.—Франциско. Глава XXX. Въ редакціи газеты „The Rachel“ Глава XXXI. Мистеръ Тоони и мистеръ Каблеть, или новые горизонты.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. П. Гуркина, Аркадія Аверченко, Анатолія Каменскаго, Тэффи, В. П. Цемировича-Данченко, А. А. Измайлова, А. П. Будищева, П. П. Гвѣдича, П. П. Потапенко, В. А. Тихонова, І. І. Япникаго и друг. съ „необходимымъ послѣсловіемъ“ Вас. Регинина.

Аркадій Аверченко.

Въ коллективномъ романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
Г. Г. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потаненко
и др.

П. П. Гнѣдичъ.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна, Тэффи, Г. Г. Ясинскаго, А. Каменскаго и А. Аверченко.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Егущевъ, проигрываетъ всѣ наличныя деньги. Ставитъ на табло сергу съ великолѣпнымъ брилліантомъ. Банкъ сорванъ. Но брилліантъ исчезаетъ. Въ дверяхъ появляется красавица, уводитъ кн. Егущева и на обратномъ пути, въ автомобиль, упрекаетъ его за то, что онъ поставилъ на карту брилліантъ, приносящій счастье...

Брилліантъ оказался у нѣкоего молодого человѣка — Перси. Послѣдній выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, перемѣнивъ, предварительно, его № 1.232.323. В.В.В. Другая окраина города. Въ темномъ подвалѣ негрятяка Салли перекрашивается Перси въ черныя цвѣты. Подъ видомъ лакея — негра, онъ наминается къ своей же матери. „Вшиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ въ кофты...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ нескончимо хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ кофты. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ кофты выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ, (онъ вѣздаетъ въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Князь Егущевъ, ради успокоенія красавицы Маріи, показываетъ ей другой брилліантъ и выдаетъ его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ въ отелъ князя, встречаетъ его вѣрный слуга — матрость Фелдоръ. Онъ замѣтилъ № автомобиля, въ которомъ мчался Перси. Егущевъ поручаетъ ему наблюдать за поестиглими „Кровавой Мышеловки“.

Но люди, ожидающіе таинственный автомобиль м-ра Перси, по опіскѣ убиваютъ вѣхавшаго въ немъ Федора — „своего“.

Томъ Квикъ случайно въ кинематографъ смотритъ картину „Прѣзваніе русской аскрады въ гавани Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ ерсеора кн. Егущева и покупаетъ ленту этой картины.

Дома chez микроскопъ онъ разсматриваетъ и прочиталъ на немъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Егущевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства.

Подписавшій „ротаметръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ аскраду машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли.

Утромъ кн. Егущевъ вѣзается къ баронессѣ и наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты. Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортѣръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы съ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Егущева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы. Инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что подошву ноши кн. в. провѣлъ у баронессы.

ГЛАВА XXVII.

АРЕСТЪ.

— Заключение?—спросилъ, не разслышавъ Дью.—Вы не долго будете въ заключеніи, если докажете свою непричастность.

— Старина Дью!—вскричалъ Спрингъ.—Вы что-то забыли.

— Что именно?—съ безпокойствомъ спросилъ инспекторъ.

— Арестовать и меня

— Васъ нужно не арестовать, а выгнать, — грубо сказалъ Дью.—Потому что вы мнѣ смертельно надоѣли.

— Ну?—прищурился Томъ.—А кто же напишетъ вамъ очередной дивирамбъ въ моемъ «Желтомъ Калифорнійцѣ»?

— Ну, ну, Томъ... Развѣ я серьезно это сказалъ? Полно, мой миленькій... знаете что: я пока осмотру поподробнѣ спальню, а вы вызовите по телефону полицейскій автомобиль и двухъ полицменовъ.

— Вы насъ везете въ тюрьму? — вскричалъ князь.

— Я же вамъ говорилъ, господа, — подмигнулъ Спрингъ, — что старичокъ Дью покажетъ себя.

И шепнулъ на ухо князю:

— Не унывайте. Я понимаю, что вамъ нужно скоро быть на свободѣ.

ГЛАВА XXVIII.

РАЗГОВОРЪ СЪ ДАУСОНОМЪ.

Два полицейскихъ открыли дверцу мрачнаго полицейскаго автомобиля, вѣжливо помогли князю и Даусону войти внутрь, захлопнули дверцу, и автомобиль помчался...

Даусонъ вздохнулъ.

— Утромъ я не такъ понималъ свои секретарскія обязанности... Человѣчество открыло электричество, завоевало воздухъ, а заглянуть въ свою жизнь на два часа впередъ—не можетъ.

— Ваша философія самаго дешеваго сорта, — мрачно сказалъ князь.—Вы бы лучше придумали, что намъ дѣлать...

— Что?—прищурился Даусонъ.—Да ничего. Подождемъ... Если удастся вырваться отсюда — найдемъ убійцу.

— Вы не вѣрите, конечно, что это дѣло моихъ рукъ?—спросилъ князь, пожимая ему руку.

— Ни капельки. Скажу болѣе; у меня есть объ убійцѣ нѣкоторыя данныя.

— О, Боже! Вы его знаете?..

— Нѣтъ, я замѣтилъ кое-что въ спальнѣ, въ то время, когда этотъ осель Дью препирался съ вами.

— Ради Бога...

— Извольте: прежде всего насъ скоро освободятъ. Дью будетъ искать убійцу женщину.

— Почему?..

— Женская перчатка. Она лежитъ въ углу на полу около ножки круглаго столика. Это не перчатка баронессы... Пара ея перчатокъ лежитъ свернутая на туалетномъ столикѣ. Дью будетъ думать, что женщина, убивъ баронессу, впопыхахъ обронила перчатку, и это наведетъ его на глупѣйшій слѣдъ.

— Значить, вы думаете, что убійца...

— Мужчина! Конечно. Вы вчера, пріѣхавъ съ баронессой, курили?

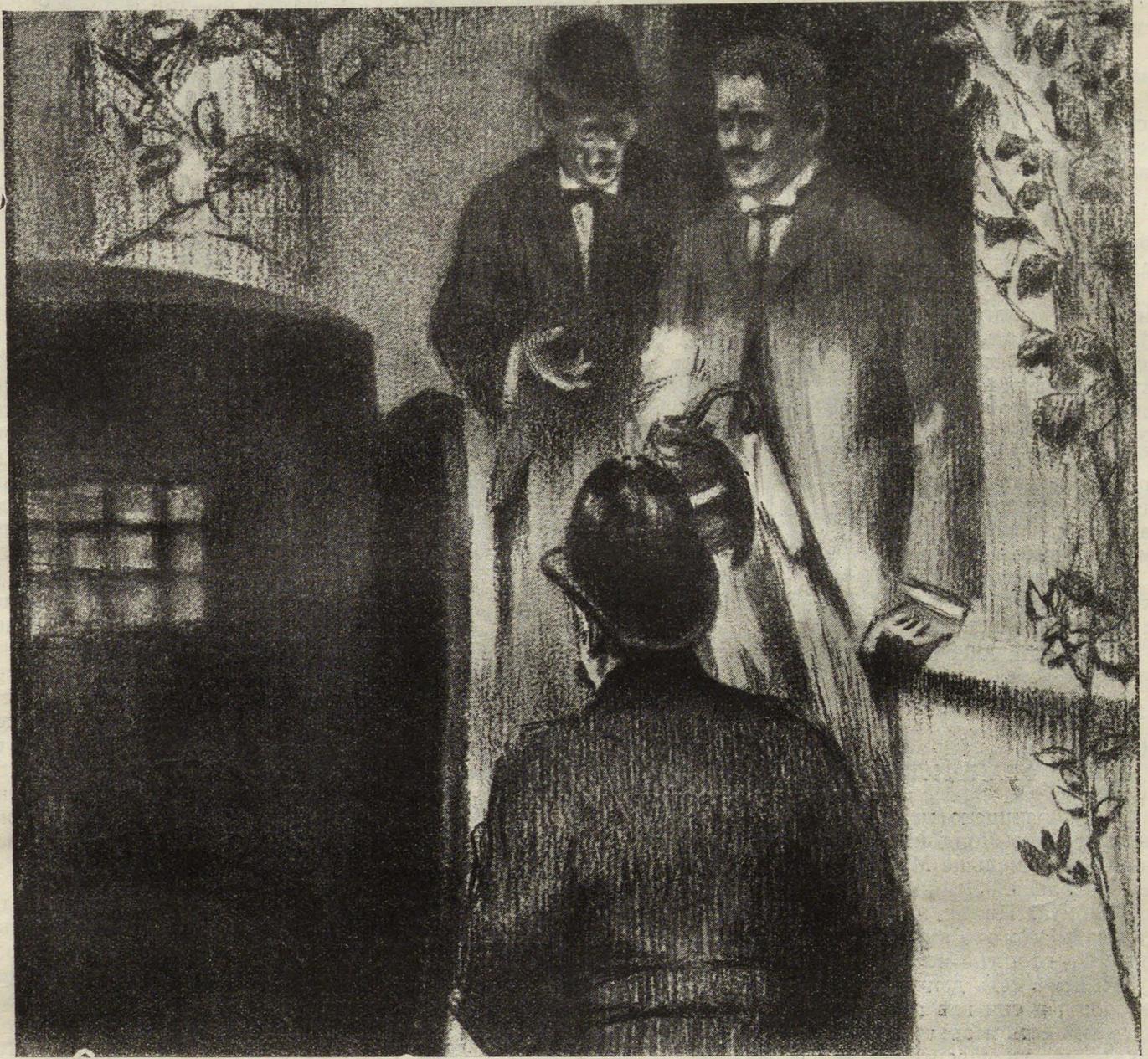
— Нѣтъ. Я не курю.

— Гм... Такъ. У баронессы былъ человѣкъ, котораго она хорошо знала, и котораго знала горничная. Горничная впустила его безъ всякой тревоги и удивленія.

* См. „Синій Журналь“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22 и 23.

Въ тюрьму...

(Из коллективному фантастическому роману „Синяго Журнала“). Рисунокъ Н. Н. Геордоза.

Два полицейскихъ открыли дверцу мрачнаго автомобиля и вѣжливо помогли князю и Даусону войти внутрь...

— А почему вы думаете, что убійца, расправившись съ горничной, открывшей дверь по легкомыслию, не вошелъ къ баронессѣ...

— Вздоръ! Баронесса убита послѣ долгаго разговора съ незнакомцемъ, а Горничная уже послѣ, когда онъ уходилъ. Сначала онъ былъ спокоенъ и говорилъ съ баронессой хладнокровно, а потомъ что-то привело его въ ярость...

— Возможно, что онъ замѣтилъ у нея на постели оброненный мною брилліантъ...

— Возможно. Можно предположить, что онъ искалъ вашъ подлинный брилліантъ и, найдя поддѣльный, пришелъ въ ярость. Отсюда можно вывести заключеніе, что брилліантъ уже однажды побывалъ въ рукахъ этого человѣка, и, что этотъ человѣкъ только что пріѣхалъ въ Санъ-Франциско.

— Почему вы думаете? — изумленно спросилъ князь.

— А вы назвали мою философію дешевой, — засмѣялся Даусонъ. — Хорошо онъ знаетъ брилліантъ, потому что сразу обнаружилъ его поддѣльность, а что онъ пріѣзжій — это ясно: онъ не успѣлъ даже узнать изъ газетъ или разговоровъ, что настоящій брилліантъ потерянь вами въ «Кровавой Мышеловкѣ», и искать его нужно не здѣсь.

— Почему вы думаете, что онъ сначала былъ спокоенъ, а потомъ заволновался?

— По окуркамъ папиросъ. Въ каминѣ ихъ лежало четыре. Я, признаться, стянулъ ихъ, когда простофиля Дью осматривалъ покойницу. Окурки таковы: два короткихъ, мундштуки не измяты, свѣжіе; третій окурочекъ измятъ нервными губами, и объ него машинально закурена четвертая папироса. Она, эта послѣдняя, не выкурена даже наполовину и мундштукъ ея въ ужасномъ видѣ: прокушенъ зубами, измятъ, исковерканъ и заброшенъ въ каминъ съ такой силой, что наполовину зарылся въ пепель.

— Милый Даусонъ!—сказаль князь.—Я беру васъ къ себѣ секретаремъ.

— Вотъ!—сказаль долговязый секретарь.— Наука учить насъ: ничто въ мірѣ не исчезаетъ. Быль человекъ секретаремъ и будетъ секретаремъ!

Автомобиль остано-
вился.

— Приѣхали. Надѣюсь, что Дью не окажется глупѣе, чѣмъ думаль о немъ убійца...

— Почему?

— Потому что одинокая женская перчатка разсчитана на Дью.

Но, если убійца не шель съ опредѣленной цѣлью убивать, откуда же онъ могъ взять женскую перчатку? Откуда такая предусмотрительность?

— О, Боже! Да предположимъ просто, что любовница или жена его наканунѣ сунула ему въ карманъ перчатки и забыла взять—вотъ и все. Приѣхали. Пожалуйте впередъ, князь.

Аркадій Аверченко.

ГЛАВА XXIX.

ВОЛНЕНИЯ

ВЪ С. ФРАНЦИСКО.

С. Франциско меньше не только Лондона и Парижа, но меньше Марселя, Сиднея, Лейпцига и Мадрита. Но не надо забывать, что это американскій городъ—поэтому въ немъ есть дюжина театровъ, и они всѣ полны; тамъ есть и академія наукъ и университетъ. Тамъ издается нѣсколько сотенъ газетъ. Онѣ вздуваются и лопаются, какъ мыльные пузыри. Издатели кончаютъ или миллионами или петлей — середины не бываетъ. Поэтому самое выгодное—быть репортеромъ: сенсационныя новости оплачиваются на всѣхъ золотомъ, благо золото въ Калифорніи гораздо дешевле, чѣмъ въ Европѣ.

Неудивительно поэтому и то, что въ послѣдніе дни С. Франциско жилъ повышенной жизнью. Случай въ игорномъ притонѣ и внезапное убійство, тотчасъ же во всѣхъ подробностяхъ разсказанные въ газетахъ, подняли и безъ того приподнятую температуру.

— Жить съ одной прислужкой—это чудовищно! — говорила лэди Покъ, супруга помощника лордъ-мэра. Лэди сама держала цѣлый взводъ лакеевъ, такъ какъ отъ отца миллионера унаслѣдова-

ла широкой размахъ жить. Благодаря ея состоянію, ея мужъ и получилъ свое солидное положеніе.

— Пфа!—говориль банкиръ Зонненбергъ.— Такъ небрежно съ цѣнными вещами могутъ обращаться только русскіе.—И можно-ли вообще носить на себѣ настоящіе брилліанты? Что? Мнѣ въ Парижѣ, одинъ ювелиръ на улицѣ de la Paix сказалъ: «monsieur Зонненбергъ — я думаль, что вы болѣе практичный человекъ». Это было пятнадцать лѣтъ назадъ. И знаете, почему онъ это сказалъ? Онъ сказалъ, потому что я хотѣлъ купить женѣ кольцо въ сто тысячъ франковъ. Онъ сказалъ, что въдъ сто тысячъ франковъ — это капиталъ, который приноситъ проценты. Бриллианты-же — лежать въ ящикѣ, или болтаются на женской шеѣ и процентовъ не даютъ. Настоящіе банкиры заказываютъ своимъ женамъ кольцо въ магазинѣ наискосокъ отъ меня, такъ какъ никто не подумаетъ, что жена банкира носитъ фальшивые камни. Пхе! Этотъ ювелиръ не зналъ, что если черезъ пять лѣтъ я продамъ купленное кольцо съ выгодой для себя, то это принесетъ тѣ-же проценты...

— Зачѣмъ играть въ какихъ-то вертепахъ? —сказаль шуллеръ Посполитакі.—Я скорѣе доверюсь не только желтому или черному человеку, но даже краснокожему, чѣмъ тому лицу, которое мечетъ въ такомъ притонѣ. И давать этому прохвосту камень, стоящій деньги — значитъ позволить оскорбить благородный алмазь однимъ прикосновениемъ подлой руки.

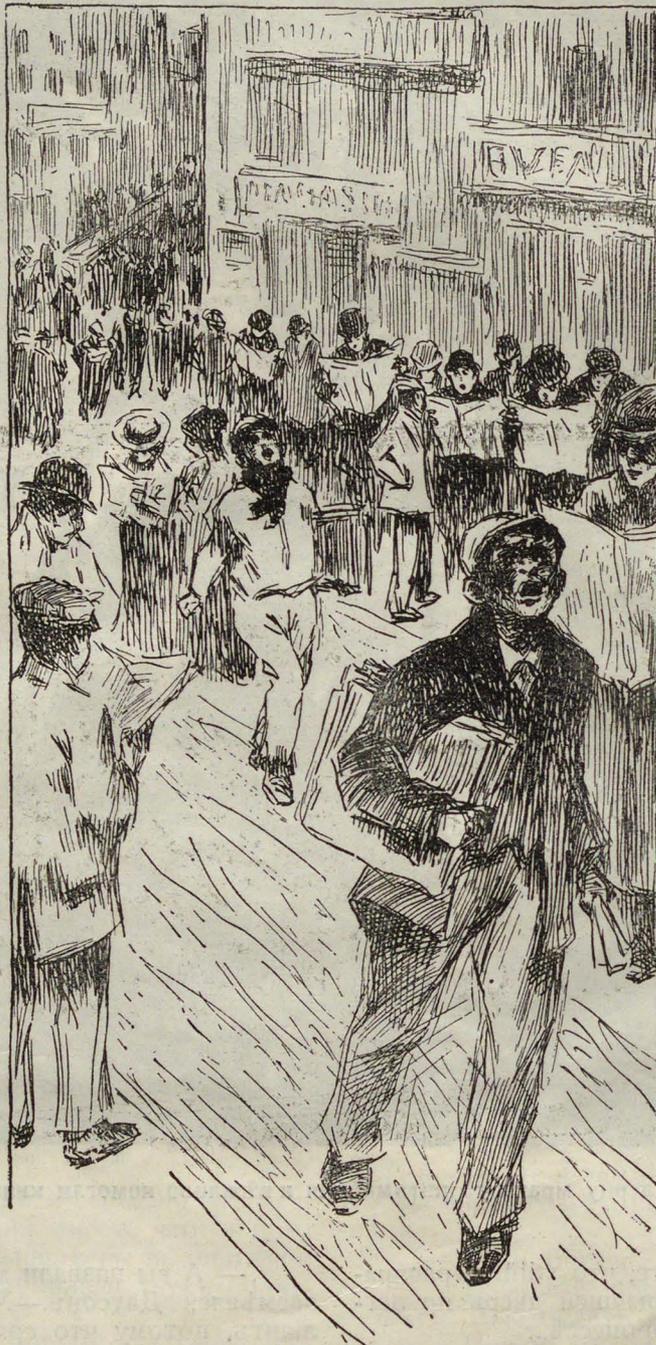
Но газеты ликовали. Вагоновожатые, посыльные, полисмэны, извозчики, торговцы — всѣ зачитывались газетами, брали ихъ съ бою.

П. П. Гнѣдичъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

П. П. Гнѣдича. — Глава XXIX. Волнения въ С. — Франциско. Глава XXX. Въ редакціи газеты „The Rachel“ Глава XXXI. Мистеръ Тоони и мистеръ Каблесъ, или новые горизонты.

Изъ коллект. фант. роману. Рис. Н. Н. Герардова.

Вагоновожатые, посыльные, полисмэны, извозчики, торговцы — всѣ зачитывались газетами, брали ихъ съ бою...

П. П. Гнѣдичъ.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потаненко
и др.
Сънеобходимымъ по-
слѣсловіемъ Вас. Ре-
гннина.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко и П. П. Гнѣдича.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Енгусевъ въ игрѣ теряетъ великолѣпный брил-
ліантъ. Явившаяся въ притонъ красавица уводитъ князя съ собой и дорогой, въ автомобиль, упрекаетъ его за потерю брилліанта, приносящаго счастье.
Брилліантъ оказался у нѣкоего молодого человека — Перси. Постыдѣнный выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, перемѣнивъ, предва-
рительно, его №. 1232.323. В.В.В. Другая окрестность города. Въ темномъ подвалѣ негритянка Салли перекрашиваетъ Перси въ черный цвѣтъ. Подъ видомъ
лакея — негра, онъ нанимается къ своей же матери. „Вшиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ въ колѣнку...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ убиваетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, дать ему славу и счастье.
Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ тайнственною надписью, положила его въ люльку
только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ
королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучи-
тельной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брил-
ліантъ (онъ вѣшалъ въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Князь Енгусевъ, ради успокоенія красавицы Марин, показываетъ ей другой брилліантъ и выдаетъ его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ
въ отель князя, встречаетъ его вѣрный слуга — матросъ Федоръ. Онъ замѣтилъ № автомобиля, въ которомъ мчался Перси. Енгусевъ поручаетъ ему на-
блюдать за поостытелями „Кровавой Мышеловки“.

Но люди, ожидающіе таинственный автомобиль м-ра Перси, по ошибкѣ убиваютъ вѣрнаго въ немъ Федора — „своего“.
Томъ Квикъ случайно, въ кинематографѣ, смотритъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ гавани Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ
крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины; чемъ съ микроскопомъ разсматриваетъ у кн. Енгусева брилліантъ и видитъ на немъ три цаффы:
1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ от-
крытіи. Кн. Енгусевъ, по мѣнью Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единаго государства.
Подписавшись „ротмистръ Персина“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли.
Утромъ, зайдя къ баронессѣ Марин, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣри убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ даетъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы
былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ роковаго брилліанта кн. Енгусева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью
арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Въ этотъ день газеты С.-Франциско, съ подробностями злодѣйскаго преступленія, читаются нарасхватъ и въ домахъ, и на улицѣ.

ГЛАВА XXIX.

ВОЛНЕНІЯ ВЪ С. ФРАНЦИСКО.

Газеты стали печататься на такой ломкой дре-
весной бумагѣ, что при одномъ прикосновеніи раз-
валивались, и любители должны были сразу ихъ по-
купать въ нѣсколькихъ экземплярахъ, чтобы имѣть
возможность сохранить сенсационные разсказы. Ил-
люстраціи къ статьямъ были самыя фантастиче-
скія. Особенно удивительно изображенъ былъ
будуаръ убитой злодѣями русской аристократки.
Камень, засунутый въ одну изъ глазныхъ впадинъ,
испускалъ такіе лучи, какіе рисуютъ только у
пророка Моисея, когда онъ сошелъ съ Сіона.
Многіе изъ лакеевъ вырѣзали эти рисунки и укра-
шали ими свою обитель. Въ городѣ явилось
огромное требованіе на дверные замки, цѣпочки и
болты. Начали увѣрять, что цѣлая шайка кита-
йцевъ вырѣзаетъ семьи среди бѣла дня, въ самомъ
центрѣ города. Спросъ на оружіе въ магазинахъ
усилился, особенно на карманные револьверы.
Прислуга, если въ домѣ не было огнестрѣльнаго
оружія, брала кухонные ножи, и, не иначе, какъ съ
ними отворяла двери. Спали съ заржавленными то-
магауками, такъ что если бы убійцы потеряли или
забыли оружіе смерти, то имъ было приготовлено
запасное. Нечего и говорить о тѣхъ разговорахъ,
какіе велись въ обществѣ С. Франциско. Въ рату-
шѣ, которая, какъ извѣстно, помѣщается на
островѣ Yerba Buena, чиновники не занимались те-
кущими дѣлами по вопросу новой компаніи, от-
крывающей рейсы черезъ Проливъ Золота, а го-
ворили только о пропавшемъ камнѣ и убійствѣ;
когда одно изъ начальствующихъ лицъ имъ замѣ-
тило:

— Надо, джентльмены, заниматься своимъ
дѣломъ!

То мистеръ Клякъ, бухгалтеръ, отвѣтилъ:

— Общественная безопасность города отно-
сится къ ратушѣ не менѣе, чѣмъ къ полиціи, кото-
рую тотъ же городъ обязанъ содержать для охра-
ны гражданъ.

Въ результатѣ, рѣшено было усилить посты
полисмэновъ, а потому былъ изобрѣтенъ новый
налогъ на морскихъ свинокъ, кроликовъ и попу-
гаевъ, которые имѣлись въ каждомъ домѣ.

Карточная игра отошла въ клубахъ на задній
планъ: цѣлые вечера члены ихъ проводили въ об-
сужденіи событій. Одинъ джентльменъ, съ горя
упившійся за ужиномъ сперва редереромъ, по-
томъ виски, былъ впущенный домой только при по-
мощи полиціи; прислуга оправдывалась тѣмъ, что
голосъ у господина совершенно измѣнился, и
былъ совсѣмъ, какъ у грабителя.

— Да, тяжелыя времена!— вздыхалъ джентль-
менъ, вытягиваясь подъ одѣяломъ, и чувствуя, что
кровать подъ нимъ колыхается, какъ челнъ на вол-
нахъ Тихаго океана.

— Позвольте, сэръ, хоть сапоги снять,—они
всѣ въ грязи!— умоляла толстая негритянка Тюкки,
и слезы блестѣли на ея глазахъ. Но ея господинъ
былъ непреклоненъ, боялся высунуть ногу изъ
подъ одѣяла, и такъ и заснулъ въ грязныхъ сапо-
гахъ среди чистыхъ простынь.

Даже въ китайскомъ кварталѣ города, гдѣ
помѣщается рядъ буддійскихъ кумиренъ и прию-
товъ для куренія опиума, много говорили о собы-
тійхъ дня. Такъ какъ большинство китайцевъ въ
С. Франциско понимаютъ по англійски, то жители
квартала довольствовались американскими газета-
ми, а своей, китайской, не читали, по двумъ при-
чинамъ: во-первыхъ, большинство не умѣло читать,
а во-вторыхъ, текущія событія появлялись въ ки-
тайскомъ органѣ, вслѣдствіе флегматическаго на-

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 и 24.

Въ редакціи.

(Из коллективному фантастическому роману „Синяго Журнала“). Рисунокъ Н. Н. Гердроза.

Сыщикъ опустился въ кресло и положилъ ноги на край стола.
— Вы увѣрены, что это я?..

строения племени, двумя мѣсяцами позднѣе, съ очень обстоятельнымъ описаніемъ. До появленія же на родномъ языкѣ описанія событій, китайцы пользовались англійскимъ текстомъ.

Но произошло одно событіе, которое перевернуло все общественное мнѣніе, и поворотило теченіе исторіи и камня, и убійства въ новое русло.

XXX.

ВЪ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «The Rakhell».

Мистеръ Тоони (Тоу), редакторъ расходящейся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ газеты «The Rakhell», сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, разбирая груды писемъ, прибывшихъ съ утренней почтой. Привычнымъ движеніемъ, посмотрѣвъ

только начало и конецъ каждой замѣтки, онъ бросалъ бумагу въ одну изъ четырехъ стоящихъ вокругъ его кресла корзинокъ. Передъ нимъ клубился стаканъ зеленого чая, который онъ всегда имѣлъ обыкновеніе пить при разборкѣ утренней корреспонденціи. Между его губами тлѣла великолѣпная сигара, испускавшая синеватая облака ароматического дыма, вуалью затягивавшаго обширный кабинетъ. На мистерѣ Тоони было что-то вродѣ японскаго шлафрока, сидѣнье котораго давно уже представляло сплошную дыру и было искусно задѣлано резиновой круглой заплатой, въ свой чередъ уже протершейся и получившей неестественный блескъ. Голова его была лишена волосъ, а лицо тщательно выбрито — такъ что въ общемъ, напоминала собою скорѣе бильярдный шаръ, или другую какую нибудь часть тѣла, но отнюдь не голову.

Ножницы щелкали, письма вынимались из конвертовъ, развертывались, и летѣли въ корзину. Груда уже уменьшилась на половину, когда бронзовые часы на каминѣ, съ изображеніемъ каймана, глотающего молодую негрятянку, пробили десять. Въ этотъ моментъ дверь скрипнула и мистеръ Тоони привычнымъ движеніемъ схватился за ручку револьвера, всегда лежащаго передъ нимъ на столѣ. Но это былъ лакей Рельфъ.

— Вы знаете, мистеръ,—сказала Тоони слугѣ,—что отъ половины десятаго до половины одиннадцатаго утра нельзя входить въ мой кабинетъ?

— Безъ особенно важныхъ причинъ, сэръ,—прибавилъ Рельфъ, спокойно глядя на хозяина.

— Какія-же это особенно важныя причины?—спросилъ Тоони, вертя въ рукахъ револьверъ, и вызывая на свои тонкія губы презрительную усмѣшку.

— Какой-то неизвѣстный мнѣ джентльменъ страннаго вида, вошелъ въ пріемную...

— Вы сказали ему, что онъ ошибся временемъ?—спросилъ мистеръ.

— Позвольте, сэръ, мнѣ договорить,—недовольно возразилъ Рельфъ,—потомъ вы можете меня упрекать, когда я кончу.

— Ну?—кисло сказалъ редакторъ.

— Войдя въ пріемную,—продолжалъ Рельфъ,—онъ велѣлъ передать вамъ эту карточку. Когда я сказалъ, что теперь не пріемные часы редактора, онъ отвѣтилъ, что всадить въ меня дюжину пуль изъ браунинга и при этомъ адски выругался. Въ виду того, что у меня пятеро грудныхъ дѣтей, которымъ я единственная опора, я рѣшился войти въ кабинетъ сэра Тоони.

И онъ положилъ передъ нимъ карточку.

Мистеръ Тоони небрежно взглянулъ на нее, но вдругъ лицо его покраснѣло. Потомъ онъ сразу поблѣднѣлъ.

— Не прикажете-ли, сэръ, полотенце съ укусомъ?—схидно спросилъ слуга.

— Не надо. Проси мистера скорѣ сюда!—хрипло и отрывисто сказала Тоони.

XXXI.

МИСТЕРЪ ТООНИ И МИСТЕРЪ КЕБЛЕСЪ, ИЛИ НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ.

На карточкѣ стояло имя Джона Кэблеса. Кэблесъ былъ знаменитѣйшій сыщикъ въ С.-Франциско, который, какъ говорили, обладалъ способностью видѣть на пять ярдовъ подъ поверхностью земли. Появленіе его въ редакціи предвѣщало, что должно произойти что-то новое и чудесное: даромъ онъ никогда и нигдѣ не псывлялся.

Рельфъ былъ очень удивленъ, когда воля въ пріемную, засталъ посетителя повидимому мирно спящимъ на диванѣ. Онъ сидѣлъ въ углу вслѣдственной оттоманки, подбородокъ его покосился на коленяхъ, согнутыхъ до уровня головы, а руки крѣпко охватывали сухія голени. Но едва слуга подошелъ къ нему, голова его поднялась и онъ спросилъ:

— Отвѣтъ?

Вмѣсто отвѣта Рельфъ указалъ ему на дверь, приглашая войти къ мистеру Тоони. И Кэблесъ увѣренными шагами вошелъ.

Почти у двери его встрѣтилъ редакторъ, сіяя своимъ лицомъ и лоснившейся резиновой заплатой.

Гость автоматически пожалъ сухой рукою руку хозяина, повидимому ожидая приглашенія садиться.

Мистеръ Тоони впервые видѣлъ его въ своемъ кабинетѣ. Казалось, мистера Кэблеса только что вынули изъ подъ плющильной машины, до того онъ былъ тонокъ и вытянутъ кверху. Головка у него была маленькая. Если мы скажемъ, что его ротъ доходилъ до ушей, то дадимъ только слабое представленіе объ этой части тѣла, снабженной внутри бѣлыми, крѣпкими, какъ клавиши фортепіано зубами. Носъ, едва возвышавшійся надъ ртомъ, былъ крохотный и напоминалъ средней величины бубенчикъ на собачьемъ ошейникѣ. Глазъ и бровей у него не было, т. е. первые были, но какъ у каждаго, соблюдающаго свое достоинство шпіона, скрывались за совершенно непронускающими свѣтъ очками. Это обстоятельство не помѣшало ему замѣтить жестъ, которымъ мистеръ Тоони пригласилъ его сѣсть въ кресло возлѣ стола. Онъ опустился въ него и положилъ ноги, обутыя въ желтые башмаки, на самый край стола, слегка сдвинувъ лежащую на краю кипу бумагъ.

— Вы увѣрены, что это я?—спросилъ гость,—тотъ, чье имя означено наподанной вамъ карточкѣ?!

Мистеръ Тоони посмотрѣлъ на его уши, представленныя перпендикулярно къ черепу, и сказалъ:

— Увѣрень.

— Я къ вамъ по дѣлу,—заговорилъ гость,—и сдѣлалъ маленькую паузу.—Мнѣ нужно къ вечеру,—закончилъ онъ,—пятнадцать тысячъ долларовъ.

Редакторъ нисколько не удивился, а только протянулъ ему ящикъ съ сигарами.

— Наша компанія,—заговорилъ редакторъ, когда гость отмахнулся отъ ящика, какъ отъ докучливой мухи,—конечно, съ удовольствіемъ уплатитъ вамъ эту сумму, даже вчетверо большую, но надо знать за что?

— За то, что стоитъ такой оплаты,—отвѣтилъ гость, и, переложивъ ногу, которая была внизу, наверхъ, сказалъ:

— Я могу поднять тиражъ вашей газеты на сто тысячъ экземпляровъ.

Глаза мистера Тоони вспыхнули, но тотчасъ же потухли. Онъ только вопросительно посмотрѣлъ на гостя.

— Вы, конечно, читали исторію покражи бриллианта въ картежномъ притонѣ,—проговорилъ Кэблесъ.—Объ этой кражѣ вотъ уже недѣлю вопятъ всѣ здѣшнія газеты!

— Кромѣ нашей!—поправилъ его мистеръ Тоони.

П. П. Гнѣдичъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

Въ слѣдующемъ № „Синяго Журнала“—продолженіе коллективнаго романа— П. П. Гнѣдича. Глава XXX. Въ редакціи газеты „The Ranchell“ Глава XXXI. Мистеръ Тоони и мистеръ Кэблесъ, или новые горизонты. Глава XXXII. Начало разоблаченій мистера Кэблеса.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. И. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолія Камеяскаго, Тэффи, В. И. Немировича-Данченко, А. А. Пзмайлова, А. Н. Будничева, И. П. Гнѣдича, И. П. Мотаненко, В. А. Тихонова, I. I. Яценскаго и друг. съ необходимыми послѣдствіемъ В. А. Регинина.

П. П. Гнѣдичъ.

Въ коллективномомъ романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ послѣсловиемъ Вас. Ретинина.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко и П. П. Гнѣдича.

Въ трусбахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Енгусевъ въ игрѣ теряетъ великолѣпный бриллиантъ. Явившаяся въ притонъ красавица уводитъ князя съ собой и дорогой, въ автомобиль, упрекаетъ его за потерю бриллианта, приносящаго счастье.

Бриллиантъ оказался у нѣкоего молодого человѣка — Перси. Послѣдній выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, переѣхавъ, предвзрительно, его № 1.232.323. Б.Б.В. Другая окраина города. Въ темномъ подвалѣ негрятянка Салли перекрашиваетъ Перси въ черный цвѣтъ. Подъ видомъ лакея — негра, онъ занимается къ своей же матери. „Вшиваетъ“ украденный бриллиантъ себѣ въ колѣнку...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату въбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квиномъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣвѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣвки выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказавшаяся, все время онъ носилъ бриллиантъ (онъ врылся въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Князь Енгусевъ, ради успокоенія красавицы Маріи, показываетъ ей другой бриллиантъ и выдаетъ его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ въ отель князя, встрѣчаетъ его вѣрный слуга — матросъ Федоръ. Онъ замѣтилъ № автомобиля, въ которомъ мчался Перси. Енгусевъ поручаетъ ему наблюдать за посѣтителями „Кровавой Мышеловки“.

Но люди, ожидающіе таинственный автомобиль м-ра Перси, по ошибкѣ убиваютъ фавшана въ немъ Федора — „своего“.

Томъ Квикъ случайно, въ кинематографъ, смотритъ картину „Пребываніе русской эскадры въ гавани Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ денту этой картины; чедель микроскопомъ разсматриваетъ у кн. Енгусева бриллиантъ и видитъ на немъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгусевъ, по мѣшью Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войнъ и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ алкюную машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, забывая къ баронессѣ Маріи, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная взрѣли убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгусева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Въ этотъ день газеты С.-Франциско, съ подробностями злодѣйскаго преступленія, читаются нарасхватъ и въ докахъ, и на улицахъ.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кеблесъ, является въ редакцію расходящейся въ огромномъ количествѣ газеты „The Rakshell“ и по америкаиски заявляетъ:

— Мнѣ нужно къ вечеру пятнадцать тысячъ долларовъ. Я могу подыять тиражъ Вашей газеты на сто тысячъ экземпляровъ.

Редакторъ проситъ объясненія.

ГЛАВА XXXI.

МИСТЕРЪ ТООНИ И МИСТЕРЪ КЕБЛЕСЪ, ИЛИ НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ.

— Кромѣ вашей, — подтвердилъ Кеблесъ, — поэтому я и пріѣхалъ именно къ вамъ. Не знаю, заплачено-ли за эту утку содержателями игорнаго притона, или это праздная фантазія репортеровъ, но сообщенія ошибочны въ самой основѣ: навѣрно никто не можетъ сказать, владѣтель драгоцѣннаго камня — русскій-ли аристократъ, носитель громкаго имени, или просто бѣглый преступникъ, приговоренный къ повѣшенью. Это еще неизвѣстно.

Мистеръ Тоони невольно зашаркалъ ногами по шкурѣ пумы, а гость легонько заржалъ, еще больше показавъ обѣ челюсти своихъ огромныхъ зубовъ.

— Я за нимъ, за этимъ quasi-аристократомъ, внимательно слѣдилъ, — продолжалъ онъ, — въ теченіе трехъ лѣтъ и даже нарочно ѣздилъ ради него въ Россію. Въ Петербургѣ онъ занимался сверленіемъ колодецевъ, онъ былъ высланъ изъ столицы за шантажъ секретаря китайскаго посольства Сунъ-Чай. Въ Москвѣ, куда онъ перебрался, онъ началъ издавать вечернюю газету, первый номеръ которой былъ запрещенъ полиціей за инсинуацію и диффамацию. Отправившись въ Одессу, и, экспроприровавъ по дорогѣ у двухъ артельщиковъ сумму свыше ста тысячъ долларовъ, онъ тамъ

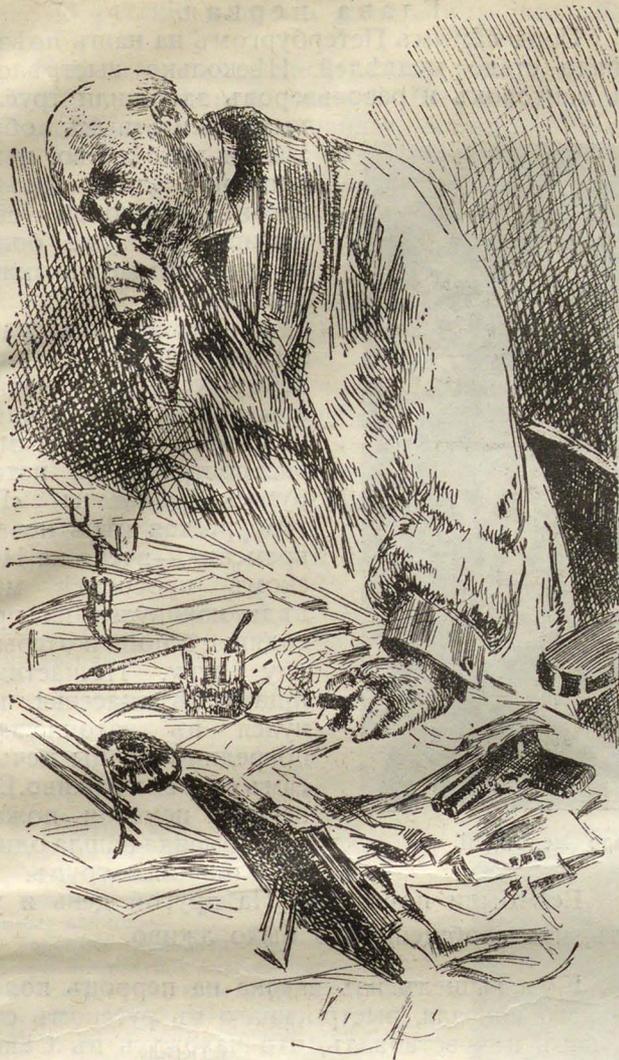
М-г Кеблесъ въ Россіи.

заялся контрабандой, открывъ на имя греческаго купца Губыпополо торговлю турецкимъ табакомъ; не довольствуясь этимъ, онъ открылъ подпольную типографію, въ которой самъ стоялъ метранпажемъ. Четыре раза, даже, кажется, болѣе, онъ ускользалъ, во время облавы, изъ рукъ полиціи и появлялся то въ Тарацахъ, то въ Лондонѣ, то въ Гомелѣ, то въ Пизѣ. Приговоренный судомъ, именно въ Пизѣ, къ смертной казни, онъ бѣжалъ въ Гренландію. Потомъ я встрѣтилъ его боцманомъ на простомъ китоловномъ суднѣ. У одного изъ предводителей американскихъ племенъ онъ обманомъ покупаетъ великолѣпный алмазъ и лучшія драгоцѣнности. Въ Парижѣ ему поддѣлываютъ купленные у индѣйца камни въ трехъ экземплярахъ и съ такимъ искусствомъ, что ни самъ онъ, ни ювелиры не могутъ отличить поддѣлки отъ оригинала. Отсюда — вся легенда о камнѣ. Впрочемъ, можетъ быть, это и не онъ, а другое лицо, — но объ этомъ послѣ... Я нарочно путаю хронологію событій...

Мистеръ Кеблесъ спустилъ ноги со стола на линолеумъ, доставленный въ редакцію фирмой Чарльзъ Вудъ и Ко. по три доллара за квадратный метръ.

— Я нарочно сообщилъ вамъ не вполне вѣрные факты, — проговорилъ, снова ослабѣвъ, гость: — я не настолько простъ, что-бы дать вамъ точный матеріалъ въ руки, пока вы мнѣ не заплатите требуемую сумму; но по моему сжатому конспекту вы можете судить

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24 и 25.

— Миссъ,—пожалуйста № 222.00.00...

о томъ интересѣ, который могутъ возбудить мои фельетоны.

— Первый изъ нихъ когда мы получимъ?—спросилъ редакторъ.

— Сегодня послѣ двухъ часовъ дня вы получите первыя девятнадцать тысячъ буквъ моихъ записокъ. Подписывать въ концѣ фамиліи я не желаю, но вы можете:

а) Напечатать въ хроникѣ вечерняго выпуска вашей газеты, что изъ банка, гдѣ лежатъ капиталы вашей компании, сегодня мною получены 15 тысячъ долларовъ, и

б) подъ заглавіемъ фельетона—„Истина объ алмазѣ“ можете напечатать въ скобкахъ: сообщено мистеромъ Кёблесомъ.

Пока Кёблесъ говорилъ, мистеръ Тоони написалъ чекъ и протянувъ ему сказалъ:

— Именной. Съ васъ возьмутъ въ банкѣ росписку.

Гость кивнулъ утвердительно головой, и сложивъ чекъ вчетверо, сунулъ его въ жилетный карманъ, какъ будто это была простая зубочистка; потомъ онъ сжалъ въ своей рукѣ руку редактора на прощанье, и вышелъ изъ кабинета, топя тройными подошвами желтыхъ башмаковъ по линолеуму фабрики Вуда и К^о.

Мистеръ Тоони, оставшись одинъ, потеръ ладони рукъ и проговорилъ:

— Кажется, дѣльце хорошее!

Онъ пустилъ облако дыма и, позвонивъ въ телефонъ, стоявшій на столѣ, сказалъ:

— Миссъ,—пожалуйста № 222.00.00.

— Я слушаю! раздался черезъ мгновеніе хриплый басъ.

— Мистеръ Каркеръ? Говорить съ вами Тоони изъ редакціи. Да, добрый день, мистеръ Каркеръ! Сегодня явится къ вамъ съ нашимъ чекомъ Кёблесъ.

— Оо! послышалось въ отвѣтъ.

— Выдайте ему деньги, но велите снять съ него фотографію въ моментъ, когда онъ будетъ расписываться. Больше ничего, мистеръ Каркеръ.

— Yes! раздалось въ отвѣтъ, и телефонъ замолкъ, вздрогнувъ звонкомъ, точно икнувъ печально.

XXXII.

НАЧАЛО РАЗОБЛАЧЕНІЙ МИСТЕРА КЕБЛЕСА.

Въ вечернемъ номерѣ этого дня газеты «The Rakhell», въ хроникѣ, появилось слѣдующее извѣщеніе: «Сегодня около полудня въ центральномъ банкѣ мистеръ Кёблесъ, получивъ по чеку редакціи нашего журнала пятнадцать тысячъ долларовъ, направился къ выходу. У самыхъ дверей, на него накинудись два неизвѣстныхъ злоумышленника, стараясь завладѣть полученной суммой. Но мистеръ Кёблесъ безъ охраны никогда не ходитъ: злоумышленники были немедленно арестованы и оказались преступниками, давно уже разыскиваемыми и хорошо извѣстными полиціи; ихъ немедля препроводили въ сыскное отдѣленіе. Къ сожалѣнію, по дорогѣ они бѣжали и погопя за ними не привела ни къ какимъ результатамъ».

„Петербургскій вокзалъ, въстроенный въ русскомъ стилѣ“...

Нѣсколько ниже, жирнымъ шрифтомъ былъ напечатанъ такой анонсъ:

«Съ завтрашняго утренняго номера начнется у насъ печатанье записокъ мистера Кёблеса, полныхъ захватывающаго интереса и богато иллюстрированныхъ».

Послѣднее привело въ нѣкоторое недоумѣние даже мистера Кёблеса: можно-ли въ теченіе нѣсколькихъ часовъ богато иллюстрировать текстъ, проникнувшись имъ, скомпановавъ, парисовавъ то, что нужно, да еще подготовивъ клише для печати?

Но номеръ вышелъ въ свое время—и съ рисунками;—правда, рисунки не имѣли прямого отношенія къ тексту. На нихъ, между прочимъ, былъ изображенъ самъ мистеръ Кёблесъ въ самоѣдской одеждѣ, — въ такомъ видѣ онъ ѣздилъ въ Россію; потомъ былъ помещенъ портретъ бабушки мистера Кёблеса— миссисъ Сусанны Кёблесъ, и его внуки — миссъ Мэри Кёблесъ. Кромѣ того, въ газетѣ былъ изображенъ фасадъ дома, гдѣ живетъ мистеръ Кёблесъ и внутренность того магазина обуви, гдѣ онъ заказываетъ себѣ башмаки. Номеръ имѣлъ успѣхъ головокружительный.

Приводимъ начало этихъ записокъ.

Подъ вышеупомянутымъ портретомъ, на которомъ авторъ болѣе походилъ на допотопное животное, чѣмъ на человѣка, значилось:

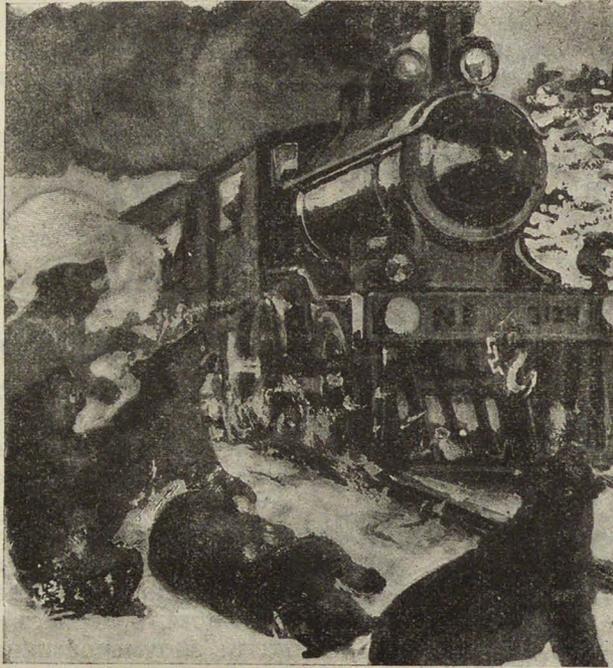
Глава первая.

Подъ самымъ Петербургомъ на нашъ поѣздъ напало стадо медвѣдей. Нѣсколько выстрѣловъ изъ винтовокъ и револьверовъ заставили трусливыхъ животныхъ обратиться въ бѣгство, и мы спокойно допивали въ вагонѣ - столовой свое шампанское, уже болѣе не тревожимые никакимъ нападеніемъ.

— А вотъ вчера,— заговорилъ блестящій лейбъ-гусарь, отрываясь отъ только что купленной въ Гатчинѣ самой распространенной петербургской газеты «Петербургская рѣчь новаго времени»,—вчера на Невскомъ проспектѣ медвѣдь накинулся на проходящаго попа и отгрызъ ему руку. Несчастный, ища себѣ спасенія, кинулся въ затопленную посрединѣ улицы печь и гамъ сгорѣлъ заживо. Вызванная немедленно пожарная команда нашла одинъ обуглившійся трупъ.

Всѣ были поражены. На другой день я узналъ, что сообщеніе это было лживо.

Едва вышелъ изъ вагона на перронъ колоссальнаго вокзала, выстроеннаго въ русскомъ стилѣ, какъ почувствовалъ, что нахожусь въ Сѣверной Пальмирѣ, съ ея знаменитыми бѣлыми ночами, воспѣтыми извѣстнымъ русскимъ поэтомъ Пушкинымъ. По свидѣтельству Пушкина, онъ могъ не только писать ночью безъ электриче-

На поѣздъ напало стадо медвѣдей.

Рис. худ. В. Лебедева.

...Вчера на Невскомъ проспектѣ медвѣдь накинулся на проходящаго попа и отгрызъ ему руку...

ства, но русские матросы даже могли шить без свѣта *).

Все, что пишутъ иностранные писатели о Петербургѣ, чистѣйшій вздоръ. Въ «Европейской гостиницѣ», гдѣ я остановился, платя 75 долларовъ за помѣщеніе въ сутки, говорили на всѣхъ языкахъ, кромѣ русскаго. Гостинница стоитъ на самомъ берегу Невы, но клюквенныхъ деревьевъ вокругъ ея не растутъ—это нѣсколько дальше, въ самоѣдскихъ тундрахъ.

Только что я успѣлъ разложить свои вещи, мнѣ подали карточку съ княжеской короной. Подъ короной значилось:

Prince Ingouche-Sandanouhta.

Я сказалъ, что принимаю.

Вошелъ красивый брюнетъ, отзывавшій Кавказомъ, въ морской формѣ, съ браслетомъ на одной изъ рукъ. Подъ обручемъ браслета болталась ка-

*) Въ поэмѣ „Мѣдный всадникъ“ прямо сказано: „Пишу, читаю безъ лампы и ясно видна игла, принадлежащая морскому вѣдомству“.

кая-то булька. Борода у него была черная, носъ орлиный.

Потомъ онъ посмотрѣлъ на двери и спросилъ на чистомъ англійскомъ языкѣ:

— Кто живетъ возлѣ васъ, сэръ?

П. П. Гнѣдичъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

Въ слѣдующемъ № „Синяго Журнала“—продолженіе коллективнаго романа—П. П. Гнѣдича: Глава XXXII. Начало разоблаченій мистера Кеблеса, А. А. Измайлова:—Глава XXXIII. Счастливые дни „Крзавой мышеловки“. Глава XXXIV. Такъ кто же убійца? Глава XXXV. Эврика! Глава XXXVI. Геніальность или помѣшательство.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. И. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолія Каменскаго, Тэффи, В. П. Немировича-Данченко, А. А. Измайлова, А. Н. Будишева, П. П. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, В. А. Тихонова, Г. Г. Ясинскаго и друг. съ необходимымъ послѣсловіемъ Вас. Регинина.

ВЪ АЛБАНИИ.

Свободные, какъ горные орлы, засѣли въ скалахъ, притаились въ ущельяхъ, выслѣживаютъ изъ-за каждаго куста ненавистнаго турка—гордые, независимые албанцы.

Турецкое правительство прощаетъ имъ всѣ предыдущія стычки съ войсками, султанъ объявляетъ амнистію плѣннымъ албанцамъ, дипломаты успокаиваютъ всѣхъ, говоря, что возстаніе кончилось, столкновений нѣтъ...

А на самомъ дѣлѣ, обозленные горцы до сихъ поръ рѣжутъ мусульманъ, атакуютъ турецкія позиціи.

Растерявшіяся правительственные войска ждуть удара со всѣхъ сторонъ; ежедневно изъ ихъ рядовъ отвозятся въ Скутари партіи раненыхъ..

Но «мирадигы», «клементи», «шаша», «шоша» и др. не вѣрятъ ни обѣщаніямъ, ни амнистіямъ.

Пока въ ихъ странѣ, въ ихъ свободной Албаніи находится хоть одинъ мусульманскій солдатъ—албанцы будутъ до послѣдняго издыханія защищать свою цыкую, горную свободу.

Они знаютъ всѣ пропасти, всѣ неприступныя скалы... Маленькими кучками разсѣялись они въ горахъ и готовятъ ударъ за ударомъ...

Въ совершенствѣ владѣя огнестрѣльнымъ оружіемъ, они не останавливаются и передъ другими способами уничтоженія врага.

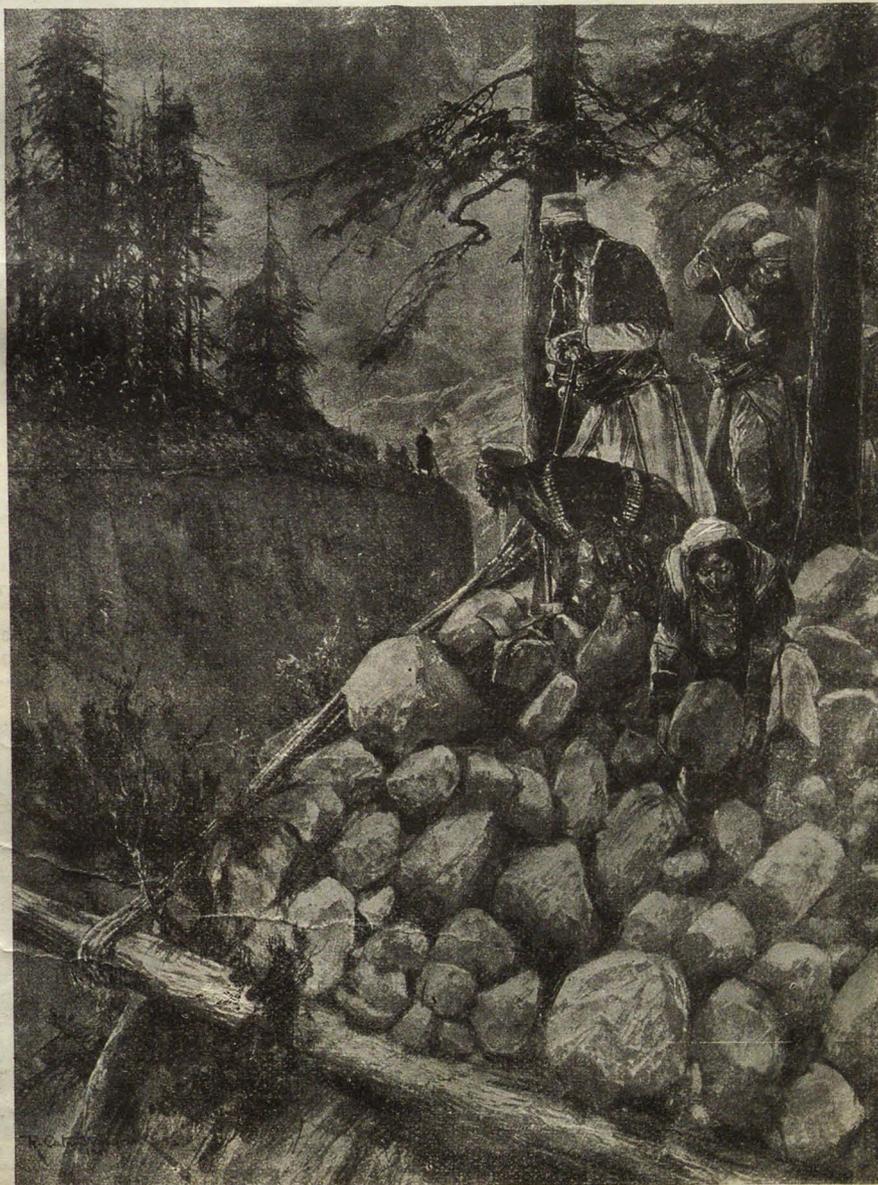
На нашемъ рисункѣ изображена страшная, разрушительная праца: бревно, сдерживающее груды камней.

Стоитъ перерубить канатъ и каменный дождь обрушивается на неприятеля, проходящаго по ущелью.

Такой способъ нападенія-защиты практикуется албанскими повстанцами преимущественно въ центральной Албаніи.

Главный укрѣпленный пунктъ въ этой части Албаніи—Кройя (Сгоуа)—находится на столь неприступной скалѣ, что для сообщенія крѣпости съ остальнымъ міромъ служатъ лишь канаты съ подвѣшенными на нихъ корзинками.

Лишь одинъ воздушный корабль способенъ атаковать такое орлиное гнѣздо..

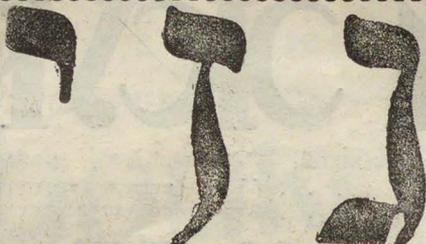
Гр. да камней, готовая свалиться на головы турецкимъ солдатамъ..

П. П. Губичъ.

Въ коллектив-
номъ романъ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
Г. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(Т Р И Б У К В Ы)

А. Измайловъ,
А. Н. Буцищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Губичъ,
И. Н. Потаненко
и др.
Съ необходимыми по-
слѣдователями Вас. Ре-
гинина.

А. А. Измайловъ.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, Г. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко и П. П. Губича.

Въ трубахъ Санъ-Франциско, въ притонъ „Кровавая Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Егущевъ въ игръ теряетъ волшебный брилліантъ. Брилліантъ оказался у нѣкоего молодого человека — Перси. Последний выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, перемѣнивъ, предва- рительно, его №. 1.232.323. Б.Б.В. Другая окраина города. Въ темномъ подвалѣ негрятинка Салли перекрашиваетъ Перси въ черный цвѣтъ. Подъ видомъ негра, онъ нанимается къ своей матери. „Вшиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ въ кофты...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившаго Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ кофты. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ кофты выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова беззвѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ (онъ вѣзалъ въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Князь Егущевъ, ради успокоенія красавицы Маріи, показываеъ ей другой брилліантъ и выдаетъ его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ въ отель князя, встрѣчаетъ его вѣрный слуга — матрость Федоръ. Онъ замѣтилъ № автомобиля, въ которомъ мчался Перси. Егущевъ поручаетъ ему наблюдать за посѣтителями „Кровавой Мышеловки“.

Но люди, обладающие таинственнымъ автомобилемъ м-ра Перси, по опискѣ убиваютъ бѣжавшаго въ немъ Белора „своего“... Томъ Квикъ случайно, въ кинематографѣ, смотритъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ гавани Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Егущева и покупаетъ ленту этой картины; черезъ микроскопъ разсматриваетъ у кн. Егущева брилліантъ и видитъ на немъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ от- крытіи. Кн. Егущевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Персень“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Маріи, кн. Егущевъ натакивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы (сынъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ роковаго брилліанта кн. Егущева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Въ этотъ день газеты С.-Франциско, съ подробностями злодѣйскаго преступленія, читаются парасхватъ и въ домахъ, и на улицѣ.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кэблесъ, начинаетъ печатать въ распространѣнной газетѣ „The Raskell“ сенсаціонныя разоблаченія прошлаго кн. Егущева. Въ погонѣ за посягавшимъ на Кэблесъ яко-бы вздѣлъ въ Россію (печатаетъ) и его впечатлѣніи объ этой „варварской“ странѣ) столкнулся тамъ съ княземъ лицомъ къ лицу въ гостиницѣ. Prince Jngouhe-Sendapouhta пришелъ къ сыщику и спросилъ:

— Кто и вѣтъ возлѣ васъ, сэръ?

ГЛАВА XXXII.

НАЧАЛО РАЗОБЛАЧЕНІЙ МИСТЕРА КЭБЛЕСА.

«Баронесса Либъ-фрау-Мильхъ изъ Ревеля. Ея нѣтъ дома.

Онъ придвинулъ свои губы къ моему уху:

— Я принадлежу къ лигѣ... началъ онъ.

Пока я не передамъ нашего разговора, онъ найдетъ мѣсто въ моихъ запискахъ нѣсколько позднѣе. Скажу только, что черезъ четырнадцать минутъ князь всталъ и проговорилъ:

— Сэръ!

Я ему отвѣтилъ тѣмъ-же. Онъ вышелъ. Вслѣдъ за нимъ вышелъ и я. Каково-же было мое изумленіе, когда я увидѣлъ его у подвѣзда, садящимся на тройку, запряженную цугомъ двумя лошадьми à la Домонъ. Но онъ былъ въ статскомъ и борода у него была огненнаго цвѣта. При видѣ меня онъ насмѣшливо улыбнулся, но не приподнялъ своего цилиндра. Кучеръ свистнулъ, и тройка, гремя колокольчиками, вскачь тронулась съ мѣста.

Какъ онъ успѣлъ такъ быстро переодѣться и перекрасить бороду? Или то былъ сверхъ-человѣкъ?

Уже въ послѣдствіи я узналъ, что это было совсѣмъ другое лицо, мѣнявшее каждый день цвѣтъ своихъ волосъ. Но черты ихъ были также похожи другъ на друга, какъ тотъ алмазь, что пропалъ на-дняхъ въ игорномъ вертепѣ, на настоящей камень»...

***

Въ этомъ мѣстѣ, текстъ перерывался сѣрой лепешкой, подпись подъ которой гласила:

«Попытка ограбить мистера Кэблеса въ Центральномъ банкѣ С.-Франциско».

При нѣкоторыхъ по- тугахъ, можно было на этой лепешкѣ разобрать, какъ два какихъ-то хулигана въ клѣтчатыхъ пиджакахъ и короткихъ брюкахъ кидаются на сыщика. На выручку ему спѣшатъ съ револьверами, повидимому, такіе же хулиганы. Сэръ Кэблесъ

на лицѣ своемъ ничего не выражаетъ, но остается равнодушнымъ, какъ то надлежитъ каждому порядочному англичанину, а тѣмъ паче—сыщику.

Попытка ограбить мистера Кэблеса въ центральномъ банкѣ С.-Франциско.

* См. „Синій Журналь“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25 и 26.

„Русская тройка“.

Рис. худ. В. Лебедяга.

«...У подъезда я увидѣлъ князя Енгушева, сѣдѣщаго на тройку, запряженную цугѣмъ двумя лошадьми à la Домсигъ...»

Далѣе—опять слѣдовалъ текстъ Кёблеса...

«Передъ обѣдомъ въ тотъ-же день,—продолжалъ онъ свое повѣствованіе,—я прилежъ отдохнуть. Образы только что минувшаго начали рѣять передо мной. Между прочимъ, вдругъ выплылъ образъ князя Енгушева. У меня есть странная особенность, совершенно необъяснимая даже лучшими врачами. Въ моей памяти, какъ на чувствительной пленкѣ фотографическаго аппарата, механически запечатлѣвается данный образъ со всѣми его деталями. Теперь, когда лежалъ я на широкой постели гостиницы, въ полудремотѣ, вдругъ какая-то невѣдомая сила сорвала меня съ этого ложа.

Князь всплылъ, какъ я уже сказалъ предомною, и булька, болтавшаяся у его браслета, затмила его образъ. Я давно ищу этотъ таинственный камень. Еслибъ я зналъ, что я его встрѣчу здѣсь, я бы пріѣхалъ не только въ Россію, но въ самый центръ Африки. На этомъ камнѣ есть цифры—или—если хотите, буквы...

Мнѣ во что бы то ни стало надо знать, тотъ ли это алмазъ, который купленъ у предводителя Не-шо-ра-ре-раги-кутса въ 1899 году однимъ аферистомъ? Я знаю, что съ этого камня въ Парижѣ сдѣлана превосходная копія, даже не одна, а цѣлыхъ три. Но это единственный случай, когда копія по цѣнности равна оригиналу. Дѣло не въ алмазѣ и не въ его водѣ, а въ тѣхъ знакахъ, что на нихъ начертаны. Если знаки на копіяхъ тѣ-же,—копіямъ нѣтъ цѣны, какъ и оригиналу...

Я позвонилъ слугу.

— Вы знаете князя Енгушева?—спросилъ я.

— Нѣтъ сэръ.

— Который утормъ былъ у меня?

— Нѣтъ сэръ.

Я бросилъ ему на столъ золотой и сказалъ:

— Черезъ полчаса я долженъ знать, гдѣ онъ.

Слуга поклонился и вышелъ. Черезъ четверть часа онъ сказалъ мнѣ:

— Отсюда князь прямо направился въ Кронштадтъ на судно, стоящее на рейдѣ и готовое къ отплытію.

— Далеко отсюда Кронштадтъ?

— Два часа ѣзды, сэръ.

— Я немедля ѣду.

Покойный автомобиль катилъ меня къ Балтійскому дебаркадеру. Черезъ два часа я уже былъ въ Кронштадтѣ. Но тутъ меня ждало разочарованіе...

Опять таки въ этомъ мѣстѣ рассказъ прерывался прямымъ четырехугольникомъ, подъ которымъ была подпись:

«Видъ города Иркутска съ балкона колокольни Ивана Великаго».

П. П. Гидичъ.

ГЛАВА XXXIII.

СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ «КРОВАВОЙ МЫШЕЛОВКИ».

«Кровавая Мышеловка» работала на славу. Въ нѣкоторомъ родѣ, она чувствовала себя именинницей.

Газеты Санъ-Франциско, жившія всѣ эти дни исторіей невѣроятнаго убійства баронессы, въ

глазъ которой найденъ былъ драгоценный камень, начинали свой разсказъ неизбежно съ загадочной пропажи брилліанта въ мрачной тавернѣ. Была, очевидно, какая-то таинственная и до сихъ поръ неуловимая связь между убійствомъ и «Кровавой Мышеловкой».

Любительницы сильныхъ ощущений, изящныя лэди, въ сопровожденіи одѣтыхъ по послѣдней модѣ джентельменовъ, задолго до наступленія сумерекъ, подъѣзжали въ автомобиляхъ и легкихъ кабриолетахъ къ опасной улицѣ Догъ-Стригъ.

Какую искреннюю печаль можно было прочесть въ прелестныхъ глазахъ, сквозь лорнеты смотрѣвшихъ въ глубокой дворъ на загадочный кабачекъ, о которомъ такія жуткія подробности разсказывались и въ салонахъ, и въ мансардахъ. Увы—доступъ въ таинственный нѣдра опаснаго кабачка былъ закрытъ для женщинъ—теперь, ничуть не менѣе, чѣмъ раньше...

«Кровавая мышеловка» работала на славу. Всѣ эти дни съѣздъ начинался на нѣсколько часовъ раньше. Хозяину уже не было нужды прибѣгать къ прямымъ развѣщеніямъ—къ травлямъ крысъ собаками или пѣтушинымъ боямъ. Публика валла вадемъ.

Многие приходили только взглянуть на этотъ странный уголокъ, прославленный газетами. Давно не бывшіе посетители вдругъ заявили пожаръ руку хозяину. «Послѣ часу ночи встрѣчи съ художниками и писателями»—эту публикацію—владелецъ снялъ со страницъ газетъ вотъ уже нѣсколько дней. Въ этомъ больше не было надобности. Дома, стуча счетами, онъ говорилъ своей женѣ:

— Этотъ брилліантъ въ самомъ дѣлѣ, должно быть, волшебный. Онъ принесъ намъ доходъ. Завтра возьми съ собой Мориса и свезешь въ купеческій банкъ еще 2.000 долларовъ. Это, другъ мой, не котъ заплакалъ!..

... Спускались сумерки. Группа гениальныхъ «богемцевъ», во главѣ съ Шеррисономъ, занимала особый кабинетъ, рядомъ съ комнатой «для курильщиковъ гашиша».

Здѣсь были они всѣ налицо — огромный Диплокъ, крохотный Краббъ, черный, какъ жукъ Друмбамбумъ, веселый русскій эмигрантъ Калина и гений репортажа горбоносый Спрингъ.

Только бѣдной Бетти, прекрасной рыжеволосой Бетти, пришлось, вотъ уже который разъ, вернуться домой отъ порога «Мышеловки».

— Не огорчайтесь, дорогая миссъ,—шепнуть

ей Спрингъ, таявшій передъ каждой юбкой. — Женщина не одна страдаетъ отъ черты осѣдлости. Когда я жилъ въ Россіи—впрочемъ, не станемъ будить тяжелыхъ воспоминаній... Но женщина рано или поздно добьется эмансипаціи! Это обещаю вамъ я, Джонъ Спрингъ! Пока вы выигрываете только 10 фунтовъ, которые каждый изъ насъ заплатитъ за входъ...

Онъ разсказалъ ей по этому случаю анекдотъ. Анекдотъ былъ смѣшнень, но Бетти не повела хорошенькими губками и не улыбнулась. Она считала себя обиженной.

ГЛАВА XXXIV.

ТАКЪ КТО ЖЕ УБИЙЦА?

... Сегодня угощали Шеррисонъ. Онъ сразу спросилъ двѣ бутылки виски.

Если читатель вспомнитъ, что цѣны въ «Кровавой Мышеловкѣ» были адскія, онъ не долженъ удивиться, что предусмотрительный Спрингъ вытащилъ изъ двухъ кармановъ брюкъ двѣ бутылки того же благороднаго напитка, приобретенные имъ по дорогѣ по цѣнѣ ренсковыхъ погребовъ. Онъ съэкономилъ ровно 12 долларовъ.

— Вчера, въ 3 часа 8 минутъ ночи,—началъ Шеррисонъ,—мы прервали нашъ разговоръ о загадочной исторіи съ баронессой съ брилліантовымъ глазомъ. Сегодняшній фельетонъ сыщика Кѣблеса мы всѣ читали. Нашъ другъ Спрингъ уже доложилъ намъ о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ на мѣстѣ происшествія. Слово принадле-

жить огромному Диплоку!

А. А. Измайловъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

Въ слѣдующемъ № „Синяго Журнала“—продолженіе коллективнаго романа А. А. Измайлова:—Глава XXXIV. Такъ кто же убійца? Глава XXXV. Эврика! Глава XXXVI. Гениальность или помѣшательство. Глава XXXVII. У короля сыска. Глава XXXVIII. Неожиданная улика.

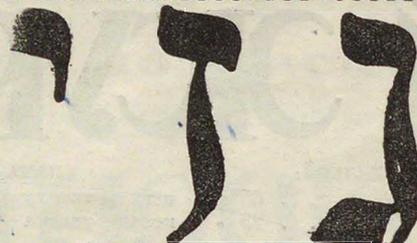
Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. П. Буприна, Аркадія Аверченко, Анатолия Каменскаго, Тэффи, В. Ш. Немровича-Данченко, А. А. Измайлова, А. Н. Будничева, П. П. Губдича, П. Н. Потапенко, В. А. Тихонова, Г. Г. Яценскаго и друг. съ необходимыми послѣдствіемъ Ваг. Регинина.

А. А. Измайловъ.

Въ коллективномъ романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ
и А. Тэффи,
Г. Г. Ясинскій,
Анат. Каменскій
В. И. Немировичъ-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ по-
слѣдствіемъ Вас. Ре-
гинина.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, Г. Г. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко и П. П. Гнѣдича.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Енгушевъ въ ирѣ теряетъ великолѣпный бриллиантъ. Явившаяся въ притонъ красавица уведитъ князя съ собой и дорогой, въ автомобиль, упрекаетъ его за потерю бриллианта, приносящаго счастье. Бриллиантъ оказался у нѣкоего молодого человѣка — Перси. Послѣдній выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, перемѣнивъ, предвѣлакая — негра, оны занимается къ своей матери. „Вшиваетъ“ украденный бриллиантъ себѣ въ кофлякъ...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ убѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственною надписью, положила его въ лодку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и царей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ кофлякъ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ кофляка выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время оны носилъ бриллиантъ (онъ вѣзвался въ подолу сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Князь Енгушевъ, ради успокоенія красавицы Маріи, показываетъ ей другой бриллиантъ и выдаетъ его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ въ отель князя, встрѣчаетъ его вѣрный слуга — матросъ Федоръ. Онъ замѣтилъ М автомобиль, въ которомъ мчался Перси. Енгушевъ поручаетъ ему наблюдать за посылителями „Кровавой Мышеловки“.

Но люди, ожидающіе таинственный автомобиль м-ра Перси, по ошибкѣ убиваютъ ѣхавшаго въ пемъ Федора — „своего“.

Томъ Квикъ случайно, въ кинематографъ, смотритъ картину „Пребываніе русской эскадры въ гавани Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ ленту этой картины; че еъ микроскопъ разсматриваетъ у кн. Енгушева бриллиантъ и видитъ на немъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организации, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войнъ и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, оны уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захавъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгушевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная зверски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгушева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Въ этотъ день газеты С.-Франциско, съ подробностями злодѣйскаго преступленія, читаются нарахваты и въ докахъ, и на улицѣ.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблесъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakehell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгушева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кѣблесъ яко-бы ѣздилъ въ Россію (передаются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ выдался съ кн. Jngouche-Sandanoutha. Князь обрисовываетъ, какъ личность таинственная и неуловима. Разоблаченія кончатся разсказомъ о побѣдкѣ сыщика въ Крошитадѣ, влогонку за исчезающимъ княземъ.

Между тѣмъ жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стритъ, толпами валяютъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и геніальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ. Каждый изъ нихъ старается найти разгадку къ загадочной исторіи съ бриллиантомъ...

ГЛАВА XXXIV.

ТАКЪ КТО-ЖЕ УБИЙЦА?

Огромный Диплокъ поперхнулся отъ неожиданности, кашлянулъ въ волосатую руку и сказалъ, какъ въ бочку:

— Милэди и джентельмэны! Я не имѣю своего мнѣнія насчетъ этого чрезвычайнаго происшествія. Сколько я знаю, самый мрачный юморъ въ мірѣ—юморъ Россіи. Надо быть поистинѣ русскимъ юмористомъ, чтобы придумать такую комбинацію—убить прелестную женщину въ самой соблазнительной обстановкѣ и въ заключеніе удивить міръ невѣроятною щедростью, вставивъ ей въ глазъ бриллиантъ, которому могъ бы позавидовать тибетскій далай-лама...

— Это са...са...са...дизмъ! Извѣстный ро...ро...родъ садизма! — началъ, заикаясь, крохотный Краббъ. Но одинъ изъ джентельмэновъ осторожнымъ движеніемъ по его затылку намекнулъ ему, что оны нарушаетъ очередь.

— Возможно, что это садизмъ,—невозмутимо согласился огромный Диплокъ,—но я въ этихъ вещахъ понимаю очень немного. На моемъ вѣку я бралъ женщинъ больше, чѣмъ вы, джентельмэны, зубочистокъ послѣ ѣды, но мнѣ никогда не хотѣлось послѣ этого ни убивать ихъ, ни вставлять имъ въ глаза не только что бриллиантъ, но даже пробку отъ пустой бутылки. Это удовольствіе совершенно не щекочетъ моей нервной системы. Вотъ, джентельмэны, все, что ямогу сказать.

Очередь была за чернымъ, какъ жукъ, Друмбамбумомъ. Изящнымъ жестомъ оны сплюнулъ

окурочъ папиросы на полъ, притиснулъ его ногой и сказалъ:

— Тамъ, гдѣ замѣшана женщина, я всегда, джентельмэны, говорю себѣ «cherchez la femme». Въ данномъ случаѣ, романъ несомнѣненъ какъ то, что у меня на носу бородавка. Князь Енгушевъ, или чортъ его знаетъ, кѣмъ ему угодно будетъ оказаться, самъ объявилъ себя любовникомъ великолѣпной баронессы. Прощаясь съ нею до завтра или, можетъ быть, до той же ночи, въ чаду любви, оны оставилъ ей свой бриллиантъ, какъ залогъ своего возвращенія. Можетъ быть, оны условился съ ней, что постучится ей въ дверь условленнымъ стукомъ: ну, напримѣръ, два раза раздѣльно и третій разъ—дважды сразу. Такой способъ примѣнялъ между прочимъ я самъ въ моей ранней молодости въ отношеніи одной модистки съ улицы Стрижъ-Бритъ. Баронесса ждала своего любовника въ поэтическомъ настроеніи, отершись одеколономъ, разметавъ волосы... точно мраморная, въ слабомъ свѣтѣ электричества...

— Об...об...оботри слюну, старый мандрилль! — вставилъ маленький Краббъ.

Друмбамбумъ послѣдовалъ не лишнему замѣчанію друга, выпилъ восьмую рюмку виски, отеръ губы и продолжалъ:

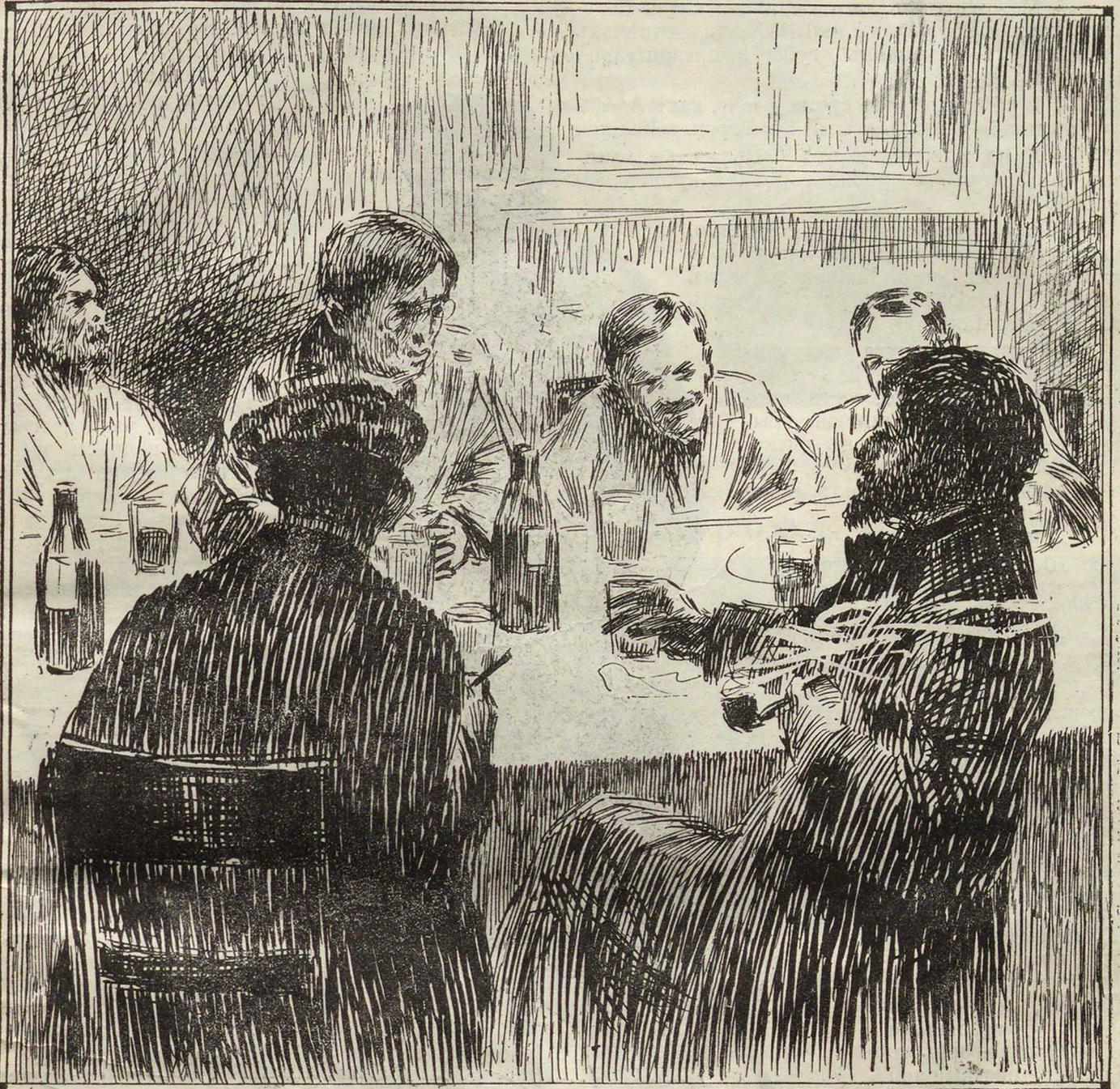
— Ночью она услышала условный стукъ. Можетъ быть, просто стукъ, но сквозь дрему оны могъ показаться ей условленнымъ. Она спрыгнула съ постели, легкая и воздушная, какъ гарпія.

— Ты хочешь сказать, какъ грація,—поправилъ Диплокъ.—Ты готовъ спутать Марафонъ съ Мильтиадомъ.

* См. „Синій Журналь“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26 и 27.

Въ «Кровавой Мышеловкѣ».

(Из коллективному фантастическому роману „Синяго Журнала“). Гипнотизи. Н. Н. Герардова

— Об... оботри слюну, старый мандрилль! — вставилъ маленькій Краббъ...

— Я хотѣлъ сказать, какъ грація,—согласился художникъ.—Увы—это былъ ея мужъ! Онъ давно подозрѣвалъ ее. Онъ выслѣживалъ ее и этого счастливаго любовника. Онъ бросился на нее, какъ Гераклитъ.

— Ты хочешь сказать—Геркулесъ,—поправилъ Диплокъ.

— Къ чорту миѳологию, или я разможду твой пустой чердакъ!—закричалъ Шеррисонъ, замахиваясь бутылкою. Но въ ней еще было слишкомъ за половину, и благоразуміе взяло верхъ въ геніальномъ художникѣ.

ГЛАВА XXXV.

ЭВРИКА!

— Во время борьбы съ несчастной женщиной,—продолжалъ Друмбамбумъ,—злѣдѣй увидѣлъ, что въ ея рукѣ что-то зажато. Наглымъ

движеніемъ онъ разжалъ ея маленькій, изящный кулачекъ и вырвалъ изъ него камень. Онъ узналъ, кто его счастливый соперникъ. И онъ хотѣлъ показать ему, что узналъ его. Вырвать у мертвой глазъ было для него дѣломъ одной минуты, какъ пишутъ геніальные романисты и репортеры. Дѣломъ второй минуты было — его вставить. Вы спросите, почему онъ рѣшилъ оставить такую колоссальную цѣнность въ рукахъ своего злѣйшаго врага? Ахъ, джентельмэны, потому что въ аффектѣ человекъ не разсуждаетъ о томъ, что ему выгодно или невыгодно. Нѣкогда, въ одномъ художественномъ кабачкѣ въ Мюнхенѣ, я учинилъ скандалъ. Меня выводили. Что же? Я совершенно забылъ, что я не уплатилъ фрейленъ полторы марки. Клянусь Веласкецемъ, только придя домой, я сообразилъ это. Въ аффектѣ ничего не помнишь. Въ аффектѣ можно не замѣтить, что у тебя стало однимъ ребромъ меньше...

— Но кто же, по твоему, тотъ человекъ, который выдаетъ себя за русскаго князя Енгушева? —спросилъ Шеррисонъ.

— Можетъ быть, онъ такой же князь Енгушевъ, какъ я Ротшильдъ или Рафаэль,—отвѣчалъ Друмбамбумъ, скрививъ губы и презрительно силюнувъ.

— Я убѣжденъ, что это не иначе, какъ Азефъ или Дегаевъ!—сказалъ веселый эмигрантъ Калина.

— А не можетъ-ли это быть ка...ка...капитанъ Копфйкинъ? — робко спросилъ крошечный Краббъ.

Но ему не отвѣтили. Вѣроятно, никто изъ американцевъ не слышалъ о капитанѣ Копфйкинѣ. Калина же, какъ истинный социаль-демократъ, читалъ только Плеханова.

Наступила минута задумчиваго молчанія. Пролетѣлъ тихій ангелъ. Было слышно, какъ прожужжала муха, прилипшая крыломъ къ стакану изъ-подъ виски. Изъ коридора донесся шумъ. Кто-то въ аффектъ кого-то билъ, кого-то выводили...

— Да-съ, исторія!—сказалъ Шеррисонъ, задумчиво пустивъ нѣсколько облачковъ сигарнаго дыма.—Что вы на это скажете, всевѣдущій Спрингъ?

— Ничего не понимаю! —сознался даже хвастливый репортеръ.

— Однако, это фактъ, а не реклама!—подзадорилъ его гениальный художникъ.

Дѣйствіе этихъ словъ на талантливаго репортера было болѣе магическимъ, чѣмъ если бы надъ «Кровавой Мышеловкой» разразился ударъ грома и кабачекъ, со всѣми своими отдѣльными кабинетами, игорнымъ заломъ, комнатами для курильщиковъ и западнями для крысиныхъ травль, провалился въ преисподнюю.

Спрингъ вдругъ вскопчилъ, какъ облитый сѣрной кислотой, шлепнулъ на голову свою спортсменскую шапочку и, пугаясь въ собственныхъ ногахъ, стремглавъ выбѣжалъ изъ кабинета. Это было совершенно похоже на молниеносное помѣшательство, какъ его описываетъ Крафтъ Эбингъ.

— Маленькій Краббъ, взгляни, что такое онъ пилъ,—спросилъ даже невозмутимый Диплокъ.

— Нѣ...нѣ...нѣтъ, ты...ты...тышибаешься, огромный Диплокъ!—отвѣтилъ Краббъ,—на бутылкѣ ярлыкъ виски. И я...я самъ пилъ изъ той же бутылки!..

ГЛАВА XXXVI.

ГЕНИАЛЬНОСТЬ ИЛИ ПОМѢШАТЕЛЬНОСТЬ?

... Спрингъ несся по узкой и мрачной улицѣ Догъ-Стритъ, точно имъ выстрѣлили изъ 12-тидюймаго орудія.

Подметки его ритмически стучали по гладкимъ плитамъ, какъ двѣ камышевки по выколачиваемому ковру. Если бы дѣло происходило въ Россіи, гениальный репортеръ не избѣжалъ бы объятій дворника и гордого.

Но дѣло было въ свободолюбивой Америкѣ. Объ этомъ свидѣтельствовали и небоскребы, стоявшіе по обѣимъ сторонамъ улицы, и англійскія надписи вывѣсокъ, и огненные буквы небесныхъ рекламъ «Какао Ванъ - Гоутенъ» и «Пилули Ара», и американская луна, и американскій полисменъ, спокойно прикладывавшій руку къ козырьку, когда мимо него пробѣгалъ свободный гражданинъ свободной страны.

— Фактъ, а не реклама!—звенѣли въ его мозгу слова гениальнаго Шеррисона. — А почему не реклама?—въ сотый разъ задавалъ себѣ вопросъ не менѣе гениальный репортеръ, испытывавшій когда-то на себѣ всю тяжесть русскихъ законовъ объ американцахъ. —Почему никому не могло придти въ голову создать рекламу какой-нибудь фирмѣ искусственныхъ камней такимъ сногшибательнымъ способомъ? Развѣ когда-нибудь, за всю мировую исторію, какая-нибудь фирма использовала въ дѣляхъ рекламы преступленіе, всколыхнувшее весь городъ. Дѣло ясно, какъ Божій день!

— Бриллиантъ прехвосходной игры, вставленный въ глазъ убитой баронессы Иксъ, по признанію экспертовъ, оказался искусственнымъ бриллиантомъ всемірно известной фирмы «Теть-а-Теть»... Лэди и джентельмены, покупайте бриллианты только фирмы «Теть-а-Теть»!.. Нѣтъ большаго различія между настоящимъ драгоценнымъ камнемъ и искусственными бриллиантами «Теть-а-Теть»!..

А. А. Измайлѣвъ.

...Спрингъ несся, точно имъ выстрѣлили изъ 12-тидюймаго орудія.

признанію экспертовъ, оказался искусственнымъ бриллиантомъ всемірно известной фирмы «Теть-а-Теть»... Лэди и джентельмены, покупайте бриллианты только фирмы «Теть-а-Теть»!.. Нѣтъ большаго различія между настоящимъ драгоценнымъ камнемъ и искусственными бриллиантами «Теть-а-Теть»!..

А. А. Измайловъ.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Съеобходимымъ по-
слѣсловіемъ Вас. Ре-
гинина.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича и А. А. Измайлова.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгушева, за игрой попадаетъ великолѣпный брилліантъ. Для ус. окоенія явившейся въ притонѣ красавицы баронессы Марин, гн. показываеъ оставшіяся у него „дубликатъ“ брилліанта, но принимаетъ мѣ.ы къ сысканію настоящаго. Ночью онъ дѣлаетъ отъ баронессы въ себя въ отель и дѣ.тъ распоряженіе своему вѣстному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1.232.323. Б.Б.Е, на которомъ уѣхъ.ъ изъ притона въ отъ украинскимъ брилліантомъ.

Всюомъ о азалеі нѣк. о Педсѣ. Гѣ т.омомъ подв.лъ негрятка Салли онъ перекрашивае.ся въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеземъ—негрѣмъ къ своей матери, и в.и.аетъ брилліантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ ископа хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ (который вѣзлася въ пошлосу сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгушева, сторжившіеся проѣздъ Перса, нечаянно убиваютъ Федора. Не си (онъ-же Томъ Квикъ) смотреть въ кинематографъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, че.е.ъ микроскопъ онъ, разсматривае.тъ у кн. Енгушева брилліантъ, а въ послѣд.емъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгушевъ, по мѣ.внью Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли.

Утромъ, заѣхвъ къ баронессѣ Марин, кн. Енгушевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты. Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгушева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Въ этотъ день газеты С.-Франциско, съ подробностями злодѣйскаго преступленія, читаются нарасхватъ и въ домахъ, и на улицѣ. Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблесъ, начинае.тъ печатать въ газетѣ „The Kackhell“ сенсационная разоблаченія прошлаго кн. Енгушева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кѣблесъ яко-бы вѣдиль въ Россію (пердаются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Ingouche-Sandanoutha. Князь обрисовалъ, какъ личность таинственная и неуловима. Разоблаченія кончаются разсказомъ о побѣдѣ сыщика въ Крошштадтѣ, вдогонку за исчезнувшимъ княземъ.

Между тѣмъ жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стритъ, толпами валить въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и геніальные „богемы“ съ Шеррисономъ во главѣ. Каждый изъ нихъ старается найти загадку таинственной исторіи съ брилліантомъ...

Фраза худ. Дружбамбу — „фактъ, а не реклама“ — надѣ.тъ (спр.и.а. на мысль, не г.е.лама ли все прошедшее съ брилліантомъ, не сдѣланы ли все это знам.п.т.а. фирма поддѣльныхъ брилліантъ въ Теть-а-Теть? Обсуждая на всѣ лады „загадку“, Спрингъ мчится куда-то по улицамъ города...

ГЛАВА XXXVI.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ ИЛИ ПОМѢШАТЕЛЬНОСТЬ?..

Онъ вспомнилъ свое первое впечатлѣніе отъ этого камня въ спальной несчастной баронессы. Вспомнилъ бѣлый лунный блескъ камня, зловѣще засіявшаго въ глазѣ мертвой красавицы подъ лучемъ электрической лампочки.

Красные и фиолетовые лучи его были слышкомъ красны и фиолетовы для настоящаго брилліанта. Кто хоть разъ видѣлъ настоящій солитеръ, тому знакомъ этотъ глубокой, густой свѣтъ, эти лучи сокровеннаго, таинственнаго, какъ бы мистическаго, огня, идущаго изнутри камня.

Никакой ювелиръ не поддѣлаетъ ихъ, этихъ кристалльных слезъ горнаго духа! «Сапогъ!»—мысленно послалъ онъ по адресу инспектора полиціи, знаменитаго Дью.—«Онъ привикъ имѣть дѣло съ мелкими жуликами и отличать фальшивыя кредитки отъ подлинныхъ, а изъ камней ему знакомъ только булыжникъ!»..

Спрингу уже грезилась его большая сенсационная статья въ «Желтомъ Калифорнійцѣ», строкъ на сто пятьдесятъ, нѣтъ—на всѣ двѣсти! Онъ подпишетъ ее полнымъ именемъ, и завтра весь Санъ-Франциско будетъ полонъ его славы!

Его процитируютъ даже враждебныя газеты, потому что такихъ вещей нельзя не цитировать. Его статью по телеграфу передадутъ въ «Московскія Вѣдомости» и, можетъ быть, ее прочтутъ даже въ родномъ Бердичевѣ...

Онъ былъ уже у цѣли. Передъ нимъ высилъ

ся одиннадцати-этажный небоскребъ инспектора тайной полиціи Дью Аткинса.

Въ крайнемъ правомъ окнѣ нижняго этажа былъ свѣтъ. Когда спалъ инспекторъ тайной полиціи Санъ-Франциско? Это было тайной его и Господа Бога.

Не разсчитавъ силы бѣга, геніальный репортеръ, какъ мячикъ, ударился о дверь инспекторскаго дома, распахнулъ ее своей благодарной спиной и черезъ минуту влетѣлъ въ кабинетъ челоувѣка, отъ котораго у огромнаго города не было ни одной тайны,—ни одной тайны!..

ГЛАВА XXXVII.

У КОРОЛЯ СЫСКА.

Спрингъ долженъ былъ выпить стаканъ воды, прежде чѣмъ отвѣтить на совершенно резонный вопросъ инспектора полиціи, чѣмъ тотъ ему можетъ служить.

Геніальный Дью видѣлъ, что положеніе исключительное, и репортера, какъ онъ ни былъ явно глупъ, судя по впечатлѣніямъ, оставленнымъ въ спальной несчастной жертвы, надо выслушать.

Собственной рукою онъ налилъ ему стаканъ воды и придвинулъ къ его дрожащей отъ волненія рукъ.

— Кипяченая? — могъ только спросить Спрингъ.

— О, yes! — съ достоинствомъ отвѣчала инспекторъ.—И попрошу васъ имѣть въ виду, что

* См. „Синій Журналь“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27 и 28.

У короля сыска.

(Из коллективному фантастическому роману „Синий Журналъ“. Гипнотизи Н. Н. Герардова.)

— Убийство совершено съ цѣлью рекламы!—увѣрено сказалъ Спрингъ.

въ моемъ распоряженіи только восемь съ половиной минутъ.

Дью вынулъ и положилъ передъ собою золотой хронометръ. Какъ свѣтскій человѣкъ, репортеръ сразу понялъ его тонкій намекъ.

— Репортеръ и сыскной инспекторъ умѣютъ цѣнить время и понимать другъ друга съ полуслова,—съ достоинствомъ сказалъ Спрингъ.—Это такія же условія хорошаго тона, какъ то, что палачъ не долженъ острить во время казни. Итакъ, я буду кратокъ. Могу-ли я видѣть брилліантъ, злодѣйски вставленный въ глазъ баронессы?

Не теряя времени на ненужныя слова, инспекторъ потянулъ къ себѣ лѣвый ящикъ своего письменнаго стола, вынулъ оттуда упругій конвертъ съ бланкомъ полицейскаго участка, запечатанный большою печатью, и положилъ его передъ собою.

— Когда запечатано?

— Черезъ 21 минуту по обнаруженіи преступленія.

— Значитъ, камень не былъ на экспертизѣ ювелировъ?

— Нѣтъ.

— Клянусь прабабушкой—брилліантъ фальшивый!—громко закричалъ Спрингъ, звучно хлопнувъ себя ладонью по лбу.—Могу я его посмотреть?

Спрингъ увидѣлъ, какъ правая нога инспектора вытянулась подъ столомъ и нажала электрическую кнопку. Не болѣе, какъ черезъ минуту, дверь открылась и около кресла инспектора оказался молодой джентельмэнъ въ синихъ очкахъ заслуживающей полного довѣрія внѣшности.

— Мистеръ Догъ,—сказалъ Дью,—будьте свидѣтелемъ, что я не подмѣниваю брилліантъ князя Енгушева. Мистеръ Спрингъ, вы можете говорить при мистерѣ Догѣ, какъ если бы здѣсь насъ было только двое. У Санъ-Франциско нѣтъ ни одной тайны отъ него, какъ и отъ меня.

Спокойнымъ движеніемъ длинныхъ ножицъ

инспекторъ скользнулъ по конверту. Еще мгновенье—и камень, скрывавшій тайну преступленія, выкатился на его ладонь. Слѣдъ запекшейся крови еще сохранялся на его остроконечной нижней части.

— Могу я его посмотреть?—съ волненіемъ спросилъ Спрингъ.

— Прошу васъ,—строго сказала Дью.—Мистеръ Догъ, смотрите въ оба! Можетъ быть, мистеръ Спрингъ, вамъ нужна лупа?

И инспекторъ полиціи подвинулъ репортеру лупу. Это было излишне. Подклейка фальшиваго камня на нижнихъ граняхъ стекла была теперь несомнѣнна, когда кровь стекла съ него. Это былъ въ лучшемъ случаѣ дешевый аквамаринъ. Три загадочныхъ знака стояли на верхней грани. Въ одномъ изъ нихъ въ лупу можно было усмотрѣть остатокъ сургуча, подкрашеннаго кровью.

ГЛАВА XXXVIII.

НЕОЖИДАННАЯ УЛИКА.

Спрингъ повертѣлъ камень въ своихъ пальцахъ, подводя его подъ огонь электрической лампочки. Блескъ былъ въ самомъ дѣлѣ холодный и поверхностный.

— Вы можете идти, мистеръ Догъ,—сказалъ инспекторъ Дью.— А что вы скажете еще, мистеръ Спрингъ?

Инспекторъ ждалъ съ нетерпѣніемъ. Слѣдствіе получало совершенно другое направленіе. Значить, это не былъ безцѣнный бриллиантъ Енгушева! Князя можно было хоть сейчасъ освободить отъ ареста.

Фальшивое стекло должно было просто запутать слѣдствіе. Правосудіе имѣло дѣло не съ титаническимъ аффектомъ гордаго человѣка, а съ хитростью мелкаго жулика.

— Ваше мнѣніе, мистеръ Спрингъ?

— Убийство совершено съ цѣлью рекламы,—увѣренно сказалъ Спрингъ.— Объ этомъ я напишу завтра 150 строкъ. Можетъ быть, впрочемъ, и всѣ двѣсти. Важно только выяснить, за свой страхъ дѣйствовалъ убійца, или онъ былъ нанятъ фирмою, и установить, на чьемъ верстацѣ гранился этотъ аквамаринъ.

Дью взглянулъ на часы. Восемь минутъ уже ушли въ вѣчность. Полъ минуты досуга онъ могъ употребить на выводы изъ этой плодотворной бесѣды, и онъ готовъ былъ использовать ихъ.

Стукъ въ дверь прервалъ его соображенія.

— Войдите!—бросилъ Дью сквозь зубы.

На порогѣ стоялъ мистеръ Догъ и рядомъ съ нимъ страннаго вида старикъ, съ длинной шевелюрой сѣдыхъ, рѣдѣющихъ волосъ.

Вмѣсто орбитъ были настоящія ямы, и въ этихъ ямахъ глубоко сѣдѣли погасшіе, мертвые, старческіе глаза. Горбатый носъ казался костью

Полусѣдой, неровно растущій волосъ покрывалъ ввалившіяся щеки. Повидимому, старикъ долженъ былъ умереть въ эту субботу. Это былъ типъ, точно сейчасъ выскочившій изъ самаго страшнаго разсказа Гофмана.

— Чѣмъ могу служить? — спросилъ Дью, повертываясь въ креслѣ по направленію этого четверодневнаго Лазаря.

— Меня зовутъ Джонъ Неври,—глухо прохрипѣлъ старикъ.— Джонъ Неври! Я по ремеслу ювелирь. Имѣю честь сдѣлать господину инспектору заявленіе въ нѣсколько словъ. Могу-ли я видѣть бриллиантъ, вставленный въ глазъ преступно убитой баронессы?

Не привыкшій терять времени инспекторъ молча протянулъ къ старику лежавшій на столѣ аквамаринъ.

Старикъ схватилъ его своими руками, какъ клещами. Нѣсколько секундъ онъ почти сладострастно всматривался въ него, поднеся его близко-близко къ правому глазу и беззвучно перебирая безкровными тонкими губами.

Потомъ онъ вдругъ вытянулся, рѣшительно положилъ мнимый бриллиантъ на столъ передъ Дью и отчетливо прошамкалъ:

— Я показываю, что этотъ фальшивый камень сработанъ въ моей мастерской, мною, мистеромъ Джономъ Неври, за 4 дня до убійства баронессы, по заказу князя Енгушева!

ГЛАВА XXXIX.

НЕОЖИДАННЫЙ СВИДѢТЕЛЬ.

— Я могу уходить? — спросилъ Джонъ Неври и откланялся.

— О, нѣтъ! Исторія только начинается,—сказалъ Дью.— Вамъ придется разсказать все, что вы знаете по данному дѣлу, когда мы останемся безъ постороннихъ.

Онъ подчеркнул «постороннихъ». Но Спрингъ нахально кивнулъ м-ру Догу головой на дверь и уронилъ:

— Мистеръ Догъ, оставьте насъ однихъ. Понизимъ голосъ, инспекторъ — въ такихъ случаяхъ и стѣны имѣютъ уши!

Наглость репортера была великолѣпна! Даже видавшій виды инспекторъ точно растерялся. Въ сущности, было уже поздно удалять репортера. Онъ и безъ того зналъ, чего не слѣдовало знать никому. Не арестовать-ли и его? — мелькнула мысль у Дью.

А. Измайловъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №

Въ слѣдующемъ № „Синяго Журнала“—продолженіе коллективнаго романа А. А. Измайлова: — Глава XXXIX. Неожиданный свидѣтель. Глава XL. Три древне-еврейскія буквы. Глава XLI. Потерянный день репортера. Глава XLII. Адская машина въ улицѣ Носигиль.

А. А. Измайловъ.

Въ коллективномъ романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-Данченко,

(Т Р И Б У К В Ы)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ полъсловиемъ Вас. Ретинина.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича и А. А. Измайлова.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрою пропадаетъ великолѣпный брилліантъ. Для успокоенія движется въ притонъ красавица баронесса Марія, кн. показывая оставшію у него „дубликатъ“ брилліанта, но принимаетъ за автомобиль № 1.232.323. Б.Б.В., на которомъ уѣхъ изъ притона возъ съ украденнымъ брилліантомъ.

Возомъ о азалеи нѣкъ о Гесет. Въ тѣмномъ подвѣзѣ чертижки Салли онъ перекраивается въ черной цвѣтъ и поступаетъ лакеземъ—негрѣмъ къ своей матери, и влиааетъ брилліантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ (который вѣзался въ گوشу ерпога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Кн. Енгусева, старожилеи проваздъ Перел, нечаянно убиваютъ Федора. Люди кн. Енгусева, сторжские проваздъ Перел, нечаянно убиваютъ Федора. Пе си (онъ-же Томъ Квилъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Прываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, че ель микроскопъ онъ, разсматриваетъ у кн. Енгусева брилліантъ, а въ полѣдлемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перел)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгусевъ, по мѣшню Перел, важный участникъ тайной организации, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Перелъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адекую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, заѣхъ къ баронессѣ Марія, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загаочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгусева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Въ этотъ день газетъ С.-Франциско, съ подробностями злодѣйскаго преступленія, читаются нарасхватъ и въ домахъ, и на улицѣ. Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблесъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakchell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, п-г Кѣблесъ яко-бы ѣздитъ въ Россію (передаютъ его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jigonche-Sandanoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая. Разоблаченія кончатся разсказомъ о побѣдѣ сына кн. Кронштадтъ, вдовонку за исчезнувшимъ княземъ.

Между тѣмъ жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Доугъ-Стритъ, толпами валятъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газеткахъ. Появились въ притонѣ и гениальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ. Каждый изъ нихъ старается найти разгадку таинственной исторіи съ брилліантомъ...

Фраза художника Друмбамума—„фактъ, а не реклама“—назидитъ Спринга на мысль, не реклама ли все происшедшее съ брилліантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Неври и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы. Дью хочетъ арестовать Спринга, какъ лишняго свидѣтеля...

ГЛАВА XXXIX.

НЕОЖИДАННЫЙ СВИДѢТЕЛЬ.

Но ему вспомнился генераль изъ какой-то оперетки, арестовывавшій всѣхъ направо и налево. Ему не хотѣлось быть опереточнымъ инспекторомъ полиціи. И мысленно махнувъ рукой, онъ продолжалъ, обратясь къ старому ювелиру:

— Прошу васъ сѣсть и отвѣчать на мои вопросы, коротко и ясно. Ваши года, мистеръ Джонъ Неври?

— Въ субботу мнѣ 78 лѣтъ.

— Давно-ли вы занимаетесь ремесломъ ювелира?

— 58 лѣтъ.

— Князь Енгусевъ дѣлалъ вамъ заказъ лично?

— Да.

— Потрудитесь разсказать, какъ это было.

— Какъ было, г. инспекторъ? Пришелъ и заказалъ. На бумажкѣ онъ начертилъ желательный размѣръ и форму камня. Самъ онъ выбралъ этотъ аквамаринъ. Его facetsки приблизительно были подходящими. Но надъ его окончательной огранкой мнѣ пришлось-таки поработать—пришлось-таки, г. инспекторъ! Я обдѣлалъ это дѣльце въ два дня, мистеръ Дью.

— Заказчикъ рѣшительно не посвящалъ васъ въ свои цѣли?

— Старикъ сощурилъ правый глазъ и куда-то вправо стянулъ всю физиономію. Это должно было

означать улыбку человѣка, котораго не проведешь.

— Я держу больштихель въ своей рукѣ 58 лѣтъ, г. инспекторъ! О, преступленіе ходить кругомъ и около ювелира! На нашемъ дѣлѣ—держи ухо востро! Ювелиръ чуетъ носомъ, когда у его заказчика на душѣ неладно. И ювелиръ долженъ работать въ спокойномъ состояніи духа, г. инспекторъ, иначе онъ скривитъ facetsъ и испортитъ драгоценность. Я, Джонъ Неври, отказывался отъ всѣхъ тѣхъ работъ, гдѣ чуялъ носомъ что-нибудь этакое...

И ювелиръ повелъ носомъ, какъ мышь, нюхающая воздухъ.—Здѣсь дѣло было нечисто. Такой брилліантъ... такой брилліантъ стоилъ бы нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ, а моему аквамарину была цѣна грошъ. Я далъ понять моему заказчику, что мой носъ что-то чуетъ...

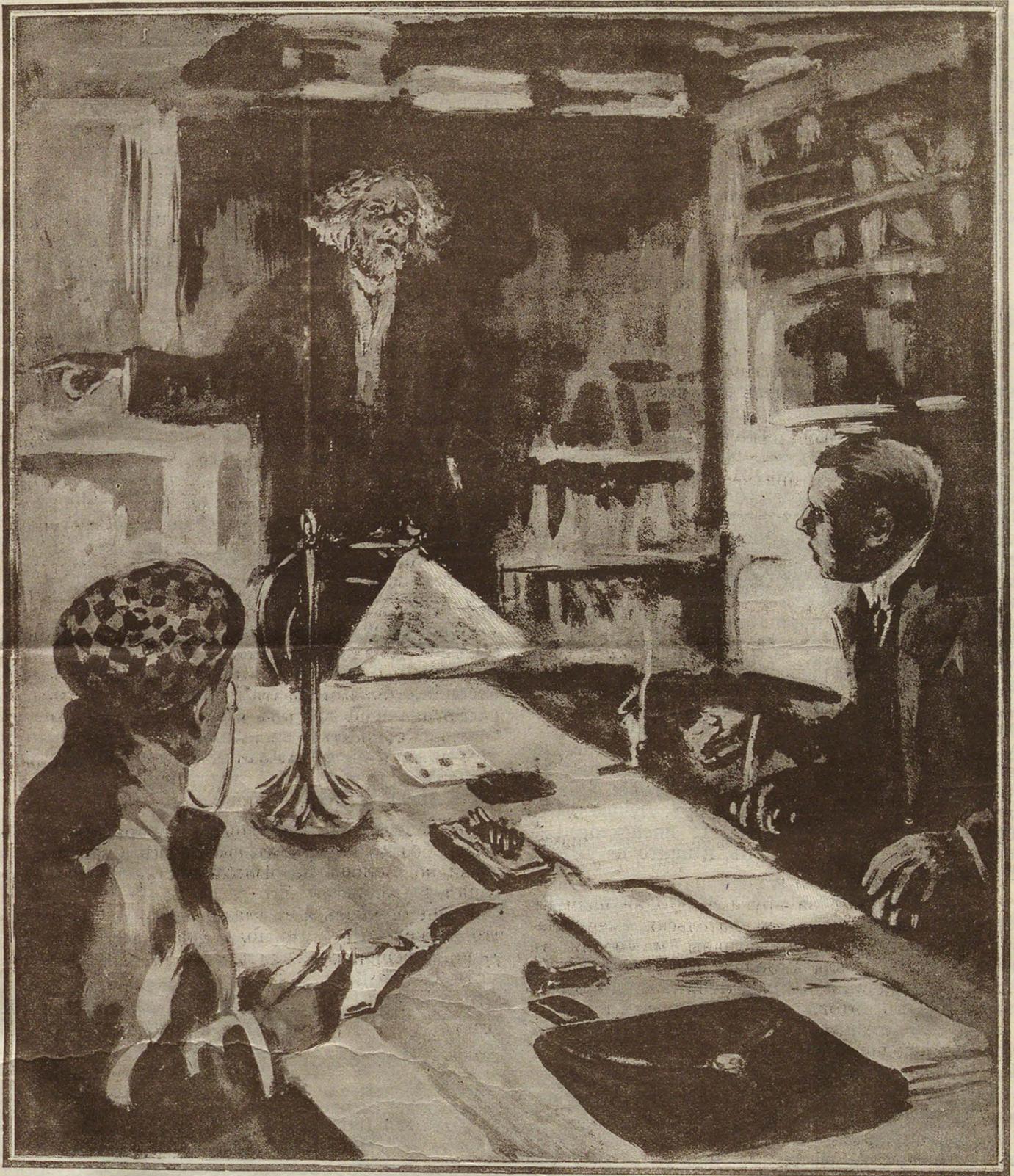
— И что же онъ?

— Тогда онъ разсказалъ мнѣ, можетъ быть вымышленную, можетъ быть, правдивую исторію сэръ: «Вы слышали,—спросилъ онъ меня,—о пропажѣ въ игорномъ притонѣ знаменитаго брилліанта?—Мистеръ, объ этомъ говоритъ весь городъ!—отвѣчалъ ему я. «Вы умѣете держать секреты за зубами?»—спросилъ онъ меня дальше.—Я—могила!—сказалъ я, и я, дѣйствительно, могила, г. инспекторъ! Тогда онъ сказалъ: «Ну, слушайте, потерялъ этотъ брилліантъ я. Это бы пустыя, но милая, славная, хоть и глупенькая, женщина вѣрить въ этотъ камень, какъ въ талисманъ».

— Это онъ о баронессѣ, непременно о баро-

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28 и 29.

Допросъ ювелира Неври.

(Из коллективному фантастическому роману „Синяго Журнала“). Рисунки Н. Н. Герардова.

— ...Что не удалось алхимикамъ — удастся химику и ювелиру Джону Неври!!.

нессъ! — догадливо подсказалъ Спрингъ, запрыгавъ на стулъ. Дью отмахнулся отъ него, какъ отъ прилипчивой мухи.

— Да, вѣрить въ него, какъ въ талисманъ. Она будетъ убита этой потерей. Я долженъ увѣрить ее, что потерянь дублетъ, а подлинный камень, талисманъ, го мной, и счастье наше съ нами. Вы понимаете, что это съ моей стороны совершенно невинный обманъ?

— И тогда вы согласились принять заказъ, мистеръ Неври?

ГЛАВА XL.

ТРИ ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКІЯ БУКВЫ.

— Да, мистеръ Дью. Мнѣ 78 лѣтъ, г. инспекторъ, и на своемъ вѣку я слышалъ много сказокъ, слишкомъ много, чтобы повѣрить этой. Но развѣ фабричный мастеровой, выдѣлывающій ножъ, ви-

новень въ томъ, что этимъ ножемъ кому-нибудь перерѣжутъ горло? Вотъ почему я согласился, мистеръ Дью. Потому что, мистеръ Дью, не я, такъ другой исполнилъ бы его заказъ, не правда-ли? И, наконецъ, можетъ быть, это была и правда. Женщина—ребенокъ, и чего не дѣлаешь для нея мужчина! И я спросилъ, какую закрѣпку онъ хочетъ—въ абдекъ, фаденъ, милльгрифъ, английскую, въ дихтъ или сплошную...

— Виновать, это къ дѣлу не относится,—остановилъ инспекторъ.—И что же, онъ бывалъ у васъ во время работы?

— Однажды былъ его слуга, котораго онъ называлъ Федоромъ. Бездѣлушка тогда еще не была готова. На другой день онъ заѣхалъ за нею самъ.

— Поддѣлка была готова?

— Нѣтъ, мистеръ. Знаки еще не были вырѣзаны. Я это дѣлалъ при немъ.

— Не припомните-ли вы вашего разговора при этомъ?

— Я ему рассказывалъ о камняхъ. Александритъ и изумрудъ ненавидятъ одинъ другого, и тамъ, гдѣ найденъ александритъ, надо брать кирку на плечо, потому что тутъ ужъ не попадется изумрудъ никоимъ образомъ — никоимъ образомъ, г. инспекторъ. Я ношу гиацинтъ, и гѣмъ не менѣ страдаю безсонницей. Но въ 78 лѣтъ всѣ спятъ плохо, мистеръ Дью, и тутъ нѣльзя винить гиацинтъ! Сапфиръ исцѣляетъ отъ меланхолии. Бирюза выцвѣтаетъ, если ее носить челоуѣкъ больной смертельной болѣзью. Если паука очертить алмазомъ, онъ помретъ, а если алмазъ истолочъ въ порошокъ, то не то, что челоуѣкъ, а лошадь издохнетъ, когда дадутъ ей въ питьѣ. Бриллиантъ есть камень несчастія. Знаменитый «Койнуръ» извѣстенъ своею дурной славой. Восемнадцать государей Индѣстана владѣли этимъ бриллиантомъ одинъ за другимъ и одни пали въ сраженіяхъ, другіе были предательски умерщвлены, третьи низвергнуты, изгнаны, и умерли въ нищетѣ. Имъ владѣла королева Викторія. Она не была очень счастлива, г. инспекторъ. Лучше бы ей отказать отъ этого камня, г. инспекторъ! У камней есть болѣзни, мистеръ, и никто не умѣетъ лѣчить ихъ лучше меня...

— Но это тоже къ дѣлу не относится, перебилъ Дью.

Съ утренняго кофе у него не было ничего врту, кромѣ папиросъ. Когда успѣвалъ питаться инспекторъ полиціи Санъ-Франциско! Но долгъ для него былъ выше какого-то завтрака и обѣда.

— Еще одинъ вопросъ, и вы можете идти. Что за знаки вы должны были вырѣзать на камнѣ? Не правда-ли, это было число 172?

— Что это было число—это такъ же вѣрно, какъ то, что я Эдиссонъ, а вы Чэмберленъ. Нѣтъ, г. инспекторъ, это было не 172. Князь Енгушевъ въ увеличенномъ масштабѣ написалъ мнѣ эти знаки на бумагѣ. Это—три еврейскія буквы. Я женатъ на еврейкѣ—русской еврейкѣ, эмигранткѣ, мистеръ Дью. Это буквы—Гимель, Заинъ и Иотъ.

— Что вамъ извѣстно о значеніи этихъ буквъ?

Ювелиръ растопырилъ руки, недоумѣнно подернулъ плечами и сталъ похожъ на старую, облѣзлую обезьяну.

— Это талисманъ, г. инспекторъ. Просто талисманъ. Какъ, вѣроятно, вамъ извѣстно, евреи

пишутъ безъ гласныхъ буквъ. Гласныя подразумеваются. Ужъ если экономить, то надо экономить во всемъ, г. инспекторъ, и если бы они не были такъ расчетливы, ихъ библия была бы толще вдвое, и тряпокъ на бумагу пошло бы вдвое больше. Подъ эти буквы, конечно, можно подставить какое-нибудь слово, но это не имѣетъ смысла. Вѣрнѣе, это начало трехъ словъ, составляющихъ извѣстную фразу, какое-нибудь изреченіе, заклинаніе, пожеланіе. Это было въ древне-еврейскомъ обычаѣ.

— Послѣдній вопросъ. Вы говорили о мистическомъ значеніи камней. Вы сами раздѣляете эту вѣру?

— Я 58 лѣтъ вожусь съ этими блестящими пуговками, мистеръ Дью. Я кой-что узналъ отъ нихъ. Никто лучше меня не вылѣчитъ выцвѣтшій топазъ или умершую бирюзу. Моя мечта найти жидкое золото, г. инспекторъ, тинктуру золота! Это будетъ между прочимъ и всеобщее лѣкарство, а нынѣшнія аптеки не стоятъ и тѣхъ угольевъ, на которыхъ ихъ тогда спалятъ. Что не удалось алхимикамъ, удастся химику и ювелиру Джону Неври...

Безумные огоньки блеснули въ глазахъ стараго маньяка, и инспекторъ, и Спрингъ одновременно подумали: «старикъ-то съ максимцемъ!» Великіе умы сходятся. Спрингъ уже рѣшилъ въ умѣ проинтервьюировать любопытнаго старикашку. Когда жизнь войдетъ въ колею, о немъ можно будетъ набросать строкъ 70 подъ заглавіемъ: «Современный Парацельсъ изъ улицы Стрижъ-Бритъ».

Въ желудкѣ инспектора шло недовольное ворчанье. Его ротъ наполнялся слюной при одной мысли объ ожидающемъ его обѣдѣ. Старикашкѣ, очевидно, больше не было извѣстно ничего. Объ убійствѣ баронессы онъ самъ узналъ изъ газетъ. Описание бриллианта въ глазѣ навело его на мысль, что, можетъ быть, эта поддѣлка его работы. Онъ рѣшилъ исполнить свой долгъ гражданина и пошелъ къ инспектору полиціи.

Инспекторъ довольно вздохнулъ. «Несутъ, несутъ, несутъ!»—мысленно процитировалъ онъ слова Хлестакова. Нога его снова потянулась подъ столъ къ кнопкѣ.

Но въ этотъ несчастный день—увы!—инспектору полиціи, не суждено было не только пообѣдать, а даже и поужинать.

А. А. Измайловъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №

Въ слѣдующемъ № „Синяго Журнала“—продолженіе коллективнаго романа А. А. Измайлова: — Глава XXI. Потерянный день репортера. Глава XXII. Адская машина въ улицѣ Носигиль.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. П. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолія Гаманскаго, Тэффи, В. П. Немировича-Данченка, А. А. Измайлова, А. П. Будищева, П. П. Грѣдича, П. Н. Потапенко, В. А. Тихогова, І. І. Яценскаго и друг. съ необходимымъ послѣсловіемъ Вас. Регинина.

А. А. Измайловъ.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
Г. Г. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ по-
слѣсловіемъ Вас, Ре-
дактора.

Въ слѣдующемъ №
продолженіе романа
В. А. Тихонова.
Часть вторая:
«Въ Россіи».

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, Г. Г. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича и А. А. Измайлова.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для усложненія явизшей въ притонѣ красавицы баронессы Маріи, кн. показываеъ оставшейся у него „дубликатъ“ бриллианта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ уѣзжаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и дѣлаетъ распоряженіе своему вѣрному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1.232.323. Б.Б.В. на которомъ уѣхъ изъ притона воѣ съ украденнымъ бриллиантомъ.

Воюмомъ о азалося нѣкоѣ Челси. Въ тѣломъ полѣ изъ негрятки Салли онъ не скрываетъ себя въ черной цвѣтъ и поступаеъ такъ же, какъ негрѣмъ къ своей матери, и вѣчаетъ бриллиантъ себѣ подъ кожу на голѣнѣ.

Въ этотъ же день живонисецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, даеъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ исконы хранился бриллиантъ съ таинственнымъ надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаеъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ бриллиантъ (который вѣзался въ голову сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгусева, сторжжившіе проѣздъ Перла, печально убиваютъ Федора. Пе си (онъ же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, че еъ микроскопъ онъ, разсматриваетъ у кн. Енгусева бриллиантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себя задачей уничтоженіе войнъ и созданіе единого государства. Подписавшись „ромисстеръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, заѣхавъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Смотри убитыхъ даеъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгусева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Въ этотъ день газеты С.-Франциско, съ подробностями злодѣйскаго преступленія, читаются на расхватъ и въ домахъ, и на улицѣ. Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблесъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Kackhell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, ш-г Кѣблесъ яко-бы ѣздитъ въ Россію (передаютъ его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandapouha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая. Разоблаченія кончатся разсказомъ о поѣздѣ сыщика въ Кронштадтъ, вдогонку за исчезнувшимъ княземъ.

Между тѣмъ жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стритъ, толпами валяютъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и гениальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ. Каждый изъ нихъ старается найти разгадку таинственной истории съ бриллиантомъ...

Фраза художника Друмбамбуа—„фактъ, а не реклама“—наводитъ Спринга на мысль, не гетлама ли все происшедшее съ бриллиантомъ. Онъ мнитса къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Нери и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгусева. Нери и долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантѣ князя Енгусева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Заннъ, Йотъ.

ГЛАВА XII.

ПОТЕРЯННЫЙ ДЕНЬ РЕПОРТЕРА.

Носокъ штиблета Дью еще не коснулся кнопки, когда появившійся въ дверяхъ мистеръ Догъ сообщилъ ему, что автомобильъ только что примчалъ къ нему короля сыщиковъ Санъ-Франциско, мистера Кѣблеса, имѣющаго сообщить ему о страшномъ взрывѣ адской машины, только что происшедшемъ въ кварталѣ Неси-Гиль, на окраинѣ города, за старымъ рынкомъ.

— Это надо сдѣлать тоже совершенно безъ постороннихъ!—таковы были первыя слова нахальнаго репортера, когда Догъ повернулся къ нему спиной и вышелъ пригласить знаменитаго сыщика. Но въ голосѣ его уже не было прежняго нахальства, наоборотъ, звучала явная боязнь, что на этотъ разъ его попросятъ о выходѣ.

— Вы совершенно правы, мистеръ Спрингъ, —сказалъ Дью.—Жму вашу благородную руку. Надѣюсь, мнѣ не нужно предупреждать васъ, что данныя судебного слѣдствія не подлежатъ оглашенію въ печати до гласнаго судебного разбирательства. Я вѣрю, что джентельмэнъ будетъ молчаливымъ, какъ сардинка.

— Ка-какъ, г. инспекторъ! Но репортера кормятъ ноги и уши! Мистеръ Дью пойметъ, что если такъ, то я потерялъ цѣлый день. Г. инспекторъ полиціи не накормитъ мою жену и дѣтей.

— Не говорите, голубчикъ, глупостей,—сказалъ Дью.—Выбора жены вы еще не сдѣлали, а до вашихъ дѣтей, торгующихъ спичками на ули-

цахъ Санъ-Франциско, вамъ никогда не было никакого дѣла. Отправляйтесь домой и, если завтра хоть одна строчка появится въ вашемъ «Калифорнійцѣ», я васъ вышлю въ 24 часа изъ города.

Спрингъ былъ убитъ. Какъ онъ завидовалъ мухѣ, бившейся о стекло, которая могла остаться здѣсь и слушать докладъ Кѣблеса, въ то время, какъ онъ, слугитель пера, царь природы, долженъ былъ обидно уходить за двери!

И нельзя было юркнуть ни за дверь, ни въ какую нишу, ни въ какую щель! Шесть глазъ — инспектора, короля сыщиковъ и исполнительнаго мистера Дога—провожали его, когда онъ вышелъ въ коридоръ.

— Эй, вы, слушайте-ка, кликнула ему вдогонку Дью.—О томъ, что это реклама какой-то ювелирной фирмы, вы можете сообщить. Это такъ глупо, что не повредитъ слѣдствію, а только успокоитъ преступника. Прошу васъ, г. Кѣблесъ.

Инспекторъ Дью могъ быть живымъ подтвержденіемъ извѣстнаго ученія психологовъ объ узости сознанія, когда Кѣблесъ усѣлся противъ него въ креслѣ, еще тепломъ послѣ Спринга. Онъ уже не помнилъ о голодѣ. Онъ весь былъ вниманіе.

И надо сказать правду, случай, о которомъ ему докладывали, стоилъ этого.

ГЛАВА XIII.

АДСКАЯ МАШИНА ВЪ УЛИЦѢ НЕСИ-ГИЛЬ.

Полчаса назадъ, приблизительно въ половинѣ десятаго, кварталъ Неси-Гиль сотрясся отъ

*) См. „Синій Журналь“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29 и 30.

страшнаго взрыва въ небольшомъ, грязномъ домѣ, внесенномъ въ списки домовъ, подлежащихъ сносу въ текущемъ году. Онъ стоялъ наполовину заколоченный, наполовину обитаемый жильцами самаго низкаго разбора.

Черезъ какія-нибудь 5 минутъ глава сыщиковъ былъ уже на мѣстѣ катастрофы. Руины жалкаго домика догорали. Опасность совершенно миновала. Вытребованныя пожарныя команды разъѣзжались домой, предоставляя справиться съ тлѣющими бревнами мѣстной части.

Опасность явно миновала. Сгорѣлъ жалкій скарбъ десятка хулигановъ, ютившихся въ подвалѣ въ углахъ черной, какъ жареная кофе, жбщанки Салли. Нѣсколько репортеровъ разочарованно заносили въ свои записныя книжки, что человѣческихъ жертвъ нѣтъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ катастрофы выяснилась странная подробность. Содержательница угловъ, очевидно, съ предвзятою цѣлью за нѣсколько минутъ до взрыва удалила всѣхъ жильцовъ. Полунищая негритянка, по общему отзыву, была добрѣйшая и очень религіозная женщина.

Совершенно растерявшаяся и потрясенная, она повинилась сразу и во всемъ.

Въ самое послѣднее время съ нею познакомился джентельмэнъ, назвавшийся мистеромъ Перси и занявший одну из ъкомнатъ въ ея квартирѣ.

Это былъ гипъ, неимѣвший, очевидно, ничего общаго съ тѣмъ народомъ, какой обычно ютился и въ ея углахъ и, вообще, въ этомъ захудаломъ кварталѣ. На чай онъ давалъ не меньше 50-ти центовъ. Руки у него были нѣжны, какъ у женщины.

Ровно три дня назадъ онъ вызвалъ ее къ себѣ и сказалъ буквально слѣдующее:

— Я ухожу, черная Салли. Если черезъ два дня меня снова не будетъ здѣсь, ты зажжешь фитиль за этимъ шкафомъ и въ пять минутъ уберешься изъ подвала. Ровно черезъ три дня, въ 11 час. ночи!

Черная Салли поторопилась. Ея часы отставали въ сутки на четыре часа. Она подводила ихъ по догадкѣ. Въ роковой день, за часъ съ лишнимъ до назначеннаго срока, она подошла фитиль и ушла изъ дому сама, подъ разными предлогами разославъ жильцовъ.

Знала-ли что она дѣлаетъ? Никоимъ образомъ она не представляла всѣхъ размѣровъ катастрофы. Она ждала «маленькой неожиданности».

Она догадывалась, что у мистера Перси есть какія-то тайны.

Ужъ если говорить правду, то она догадывалась, что съ этимъ шкафомъ дѣло не совсѣмъ чисто. Мистеръ Перси всегда писалъ. Стоило ей войти, чтобы онъ затворялъ шкафъ, бросалъ газету на свои рукописи на столѣ и обыкновенно самъ срывался съ мѣста и разговаривалъ съ нею

рис. Н. Н. Герардоза.

Старуха клялась, божилась, плакала и готова была цѣловать руки у всѣхъ—до послѣдняго полицмана.

почти въ дверяхъ, загораживая своимъ корпусомъ и входъ, и обзоръ комнаты. Это было такъ—да, именно, такъ—и послѣ, и раньше, когда еще она не перекрашивала мистера Перси въ цвѣтъ жаренаго кофе...

Старушенка была или глупа отъ рожденія, или лишилась разсудка отъ несчастія, хотя, вѣроятно, весь ея хламъ едва-ли стоилъ полторацента.

До этого пункта она передавала все связно и толково. Здѣсь начиналась какая-то несусвѣтная чепуха.

Да, она не спитъ и не бредитъ, и не сошла съ ума. Мистеръ Перси прибѣжалъ къ ней разъ, взволнованный и самъ не свой. Онъ сказалъ ей: «Мнѣ нужна твоя кожа».

Она пришла въ ужасъ—она, черная Салли. Тогда онъ пояснилъ: «Я долженъ стать къ утру негромъ». И онъ обозвалъ ее «старой вѣдьмой» — честное слово, старой вѣдьмой, хотя обыкновенно, держалъ съ нею себя, какъ джентельмэнъ, и хорошо давалъ ей на чай, очень хорошо.

Когда она не понимала его, онъ обозвалъ ее еще старой хричевкой, хотя она вовсе ужъ не такъ стара, и въ Неси-Гильѣ, только что на-дняхъ, вышла замужъ за кондуктора подъемной дороги черная Жулли, которая всего на шесть лѣтъ ея моложе...

И она выкрасила мистера Перси всего—ну, да всего, хотя ей, какъ дѣвицѣ, и немножко неловко говорить объ этомъ.

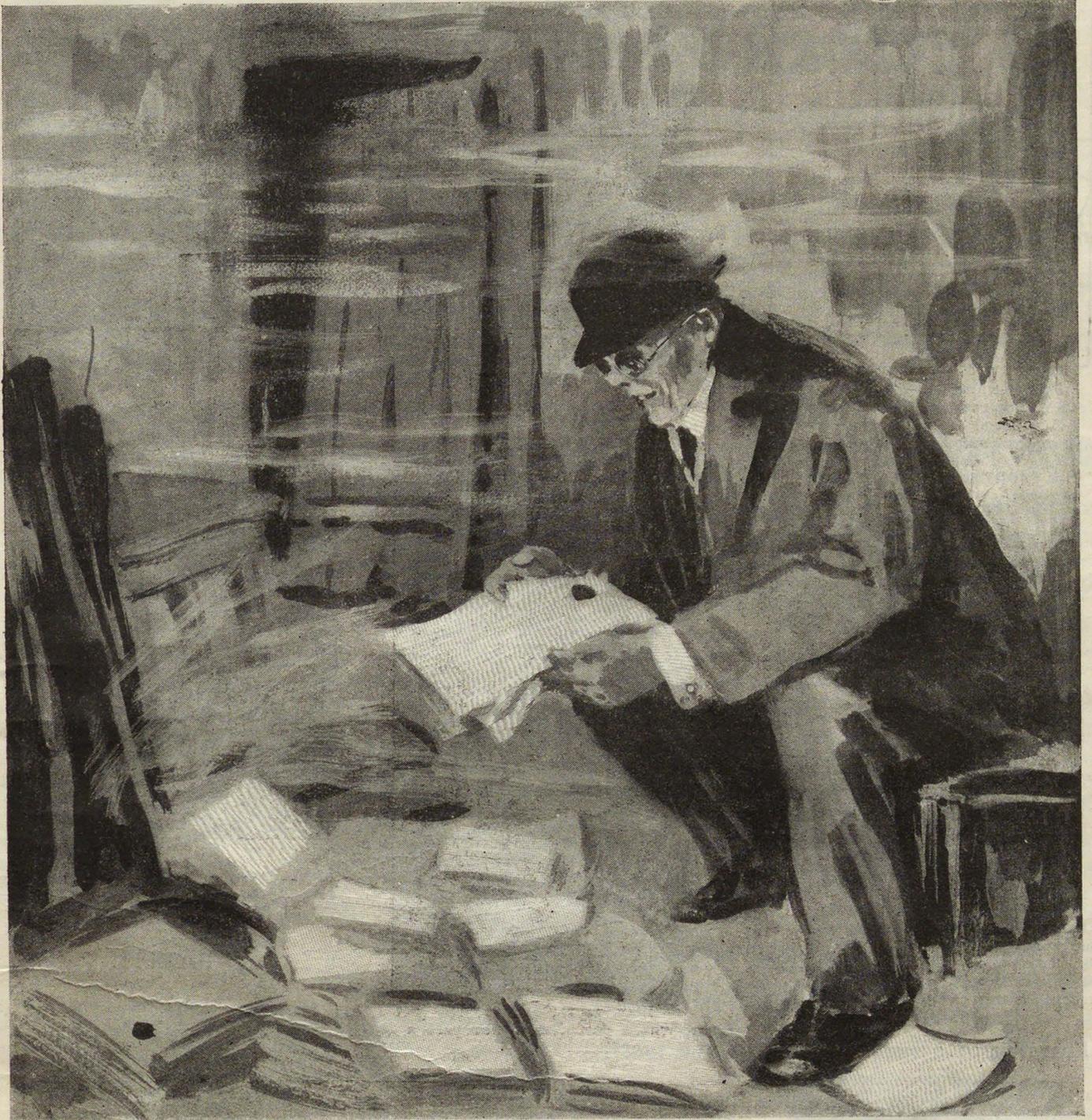
Для чего это было ему нужно, она не знаетъ. Скоро это уже не стало ему нужно, потому что на другой день онъ опять явился къ ней и потребовалъ, чтобы она вернула ему прежній христіанскій видъ. Онъ грозилъ, что заставитъ выпить ее ведро уксусу съ мѣломъ, если она не сдѣлаетъ этого въ четверть часа.

Она оттирала его, жалѣя, что онъ раньше не сказалъ ей, что чернота понадобится ему только на одинъ день. Можно было взять растворъ въ 10 разъ слабѣе.

Это была чепуха, бессмысленная, какъ бредъ. Но старуха клялась, божилась, плакала, и готова была цѣловать руки у всѣхъ до послѣдняго по-

Н а п о ж а р и щ ъ.

Из коллективному фантастическому роману «Синяго Журнала». Рисунокъ Н. Н. Герардова.

Эти-то бумаги, именно, и думалъ уничтожить загадочный человекъ...

лисмэна. Ахъ, она никогда не думала, что мистеръ Перси сшутить надъ нею нѣкогда такую злую шутку! И какъ ни безумны были ея слова, тѣнь какой-то правды чувствовалась въ нихъ, а искренность ея была несомнѣнна.

Когда опасность миновала, и стало возможнымъ войти въ комнату, такъ называсяго, мистера Перси, вошедшіе увидѣли, болѣе чѣмъ до половины разрушенный, шкафъ загадочнаго жильца. Отъ адской машины оставался только низъ.

Страшною силою удара шкафъ былъ какъ бы срѣзанъ. Нарушившая срокъ старуха-негритянка была виновницей того, что ударъ пошелъ не по

прямоу направленію. Онъ даже не достигъ цѣли. Нижнія полки шкафа были набиты бумагами. Эти-то бумаги именно и думалъ уничтожить этотъ загадочный человекъ съ дьявольскимъ безсердечіемъ.

А. Измайловъ.

Продолженіе А. Измайлова и начало «второй части»
В. А. Тихонова въ слѣд. №.

Въ слѣдующемъ № «Синяго Журнала» продолженіе коллективнаго романа—В. А. Тихонова.—
Часть вторая.—«Въ Россіи».

В. А. Тихоновъ.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
Г. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Съ необходимымъ по-
слѣствиемъ Вас. Ре-
тинина.

А. А. Измайловъ.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, Г. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича и А. А. Измайлова.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрою пропадаетъ великолѣпный брилліантъ. Для усвоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Марин, кн. показываетъ оставшіей у него „дубликатъ“ брилліанта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ уѣзжаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и даетъ распоряженіе своему вѣчному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1.232.323. В.В.В. на которомъ уѣхъ изъ притона воетъ съ укрѣпленнымъ брилліантомъ.

Войдемъ о азасі икъ о Нелод. Въ т. зномъ повл. лъ негрятя к: Салли онъ не окрашивается въ черной цвѣтъ и поступае ть лакземъ—негрѣмъ къ своей матери, и в: и аетъ брилліантъ себѣ подъ кожу на колѣнь.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ лодку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Тигру, проишедъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время рассказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнь. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ (который вѣзла въ голову сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ сапоговъ камень...

Люди кн. Енгусева, стор жившие проѣздъ П: рс:, нечаянно убиваютъ Федора. Це си (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, че. ель микроскопъ онъ, разсматриваетъ у кн. Енгусева брилліантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Полкъ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ отпрытѣ. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организации, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства. Подъневившес „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захвативъ къ Саронессѣ Марин, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горячичня звѣрегъ и убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ даетъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы съиль вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгусева. Князь клянется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Въ этотъ день газеты С.-Франциско, съ подробностями злодѣйскаго преступленія, читаются парасхватъ и въ докахъ, и на улицѣ.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблесъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Kackhell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, т-г Кѣблесъ яко-бы вадилъ въ Россію (пер дается его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandaloutha. Князь обрисовалъ, какъ личность таинственная и неуловимая. Разоблаченія кончаются разсказомъ о поѣздкѣ сыщика въ Кропштадтъ, вдоонку за исчезнувшимъ княземъ.

Между тѣмъ жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стритъ, толпами валятъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и гениальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ. Каждый изъ нихъ старается найти разгадку таинственной исторіи съ брилліантомъ...

Фраза художника Друмбуамъ—„фактъ, а не реклама“—назвать Спринъ а на нагесъ, не ге лама ли все про-шедшее съ б илліантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ (аронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Не ри и узнаетъ камень, одѣланный имъ за 4 часа до убійства Саронессы по заказу Енгусева. Неви долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о б илліантъ князя Енгусева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Зайнъ, югъ.

Во время его разсказа къ инспектору является т-г Кѣблесъ и докладываетъ, что негрятинка „Черная Салли“ в орвала подвалъ, въ рая пригизанію т-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разлѣдывать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы.

ГЛАВА XII.

ПОТЕРЯННЫЙ ДЕНЬ РЕПОРТЕРА.

Видѣвшему на три аршина подъ землею Кѣблесу достаточно было перебросить между пальцами десятокъ этихъ листковъ, чтобы увидѣть, какой огромной государственной важности дѣло вскрывается передъ нимъ.

Ему попали двѣ или три бумаги, выдававшія существованіе какой-то загадочной «лиги 172 объединенныхъ армій и флотовъ». Бумаги были скрѣплены черною сургучной печатью, на которой ясно отпечатлѣвалась поверхность знакомаго и инспектору Дью, и сыщику Кѣблесу драгоценнаго камня съ тремя древне-еврейскими буквами или тремя арабскими цифрами...

Нѣсколько конвертовъ, адресованныхъ на имя «ротмистра Персина», валялись тутъ же. Ничего нельзя было понять изъ нѣсколькихъ телеграммъ, явно шифрованныхъ, но, перебравъ еще по дорогѣ къ инспектору полиціи въ автомобиль, нѣсколько писемъ, знаменитый сыщикъ Санъ-Франциско уже ясно понималъ, что дѣятельность русскаго ротмистра, скрывавшагося подъ американскимъ псевдонимомъ, была направлена къ разоблаченію грандіозно преступной роли человека, выдававшего себя за князя Енгусева и своею печатью предсѣдателя скрѣплявшаго таинственное дѣло грозной лиги ста семидесяти двухъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

А. Измайловъ.

ВЪ РОССІИ.

Часть 2-я.

КОМАНДОРЪ БОДРЯГО.

ГЛАВА I.

Жарко. Градусовъ тридцать въ тѣни. Надъ городомъ стоитъ марево. Жизнь замерла и рѣдко-рѣдко гдѣ прозвенитъ звонокъ трамвая или продребезжатъ извозчичьи дрожки по жесткому «макадаму».

Въ гавани все тихо. Часъ обѣда, работы приостановлены, все ищетъ тѣни, все изнемогаетъ отъ жары.

Въ яхтъ-клубѣ, просторно раскинувшемся на концѣ —скаго мола, почти ни души. Вахтенный Гуренко дремлетъ подъ навѣсомъ, прислонившись спиной къ деревянной стѣнкѣ «голландіи» и поклевывая носомъ. Буфетчикъ Федосѣичъ одиноко сидитъ за своей стойкой и ругается съ мухами, безцеремонно ползающими на проволочныхъ стѣнкахъ, разставленныхъ по тарелкамъ и блюдамъ, наполненнымъ бутербродами. Время отъ времени онъ яростно хлопаетъ себя ладонью по мокрой, покрытой крупными каплями пота, лысинѣ, стараясь согнать жужжащихъ надъ его головой и щекокащихъ темя нахальныхъ летуновъ.

Взглянувъ на замокшую ладонь, онъ безсильно опускаетъ руку на прилавокъ, вытирая потъ объ покрывающій его бѣлый холстъ и заводитъ глаза, смариваемый зноемъ.

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30 и 31.

Из коллективному фантастическому рома у «Синяго Журнала». Рисунка Н. Н. Герардоза.

...Командоръ клуба, Матвѣй Ивановичъ Бодряго, былъ погруженъ въ чтеніе объемистой не-русской газеты...

Серебряно-бѣлые, подъ лучами солнца, камни мола ослѣпительно сверкають и пышатъ жаромъ. Море лучится, переливается свѣтомъ, и лѣниво катитъ синія, тяжелыя волны до камней, глубоко, какъ бы въ истомѣ, ухаецъ, и съ усиленіемъ поднимаясь у подножія, тяжело шлепаецъ о набережную. И на море, и на песокъ, и на камни больно смотрѣть отъ яркаго полуденнаго солнца.

Въ каютъ-кампаніи спущены жалюзи; настежь открыты окна и двери; чуть-чуть пріятно жужжа, вертится въ углу пара большихъ электрическихъ панокъ, навѣвая легкій, нѣжный вѣтерокъ и прохладу. Прохладно и отъ свѣтящагося полумрака затемненныхъ соломенными жалюзи оконъ, и отъ японскихъ циновокъ, покрывающихъ полъ.

Командоръ клуба, Матвѣй Ивановичъ Бодряго, плотный и крѣпкій еще, какъ сталь, старикъ, сбросивъ съ себя форменный китель и скинувъ съ ногъ бѣлые башмаки, попуразвалился въ простор

номъ соломенномъ креслѣ, и положивъ ноги въ цвѣтныхъ шелковыхъ носкахъ на маленькую камышевую табуретку, погруженъ въ чтеніе объемистой не-русской газеты.

Несмотря на относительную прохладу каютъ-кампаніи, Матвѣю Ивановичу видимо жарко. Воротъ его бѣлой рубашки растегнутъ, обнажая крѣпкую, здоровую, красновато-бѣлую грудь. Черный галстукъ брошенъ возлѣ, на небольшомъ столикѣ, удобно поставленномъ подъ правый локоть. Волосы Матвѣя Ивановича, сѣдоватые, почти бѣлые и густые, сбились крупными кольцами и липнуть къ потному лбу. Глаза красные и отъ жары, и отъ вчерашняго грога, который, по его убѣжденію, лучше всего отъ жары страхуетъ, и котораго онъ, на этомъ основаніи, выпилъ вчера вечеромъ стаканчиковъ пять-шесть. Впрочемъ, сегодня онъ не рискуетъ прибѣгать къ этому универсальному средству (вчера онъ увѣрялъ доктора Ломакина, что грогъ, приготовленный по

его, Матвѣя Ивановича, рецепту, одинаково спасаетъ и отъ жары, и отъ холода), и сегодня возлѣ него на столикѣ стоитъ большая, хрустальная, «командорская» кружка съ содовой водой и глубокая вазочка со льдомъ. Тутъ же на столикѣ, находится объемистый, желтой гутаперчи, портъ-табакъ съ американскимъ табакомъ, автоматическая свѣча для закуриванія и серебряные щипчики, игла и ложечка для выбиванія и чистки трубочки.

Матвѣй Ивановичъ покуриваетъ трубочку, выколачиваетъ ее, вновь набиваетъ и—то и дѣло прихлебываетъ соду со льдомъ. Время отъ времени онъ кричитъ хриплымъ, но густымъ и сочнымъ басомъ:

— Гуренко!

Гуренко вздрагиваетъ подь своимъ навѣсомъ отъ командорскаго оклика, мигомъ вскакиваетъ на ноги и шатаясь отъ непрошедшей еще дремоты, стремглавъ бросается въ каютъ-кампанію, крикнувъ по дорогѣ:

— Есть!

— Гуренко, льду!—командуетъ Матвѣй Ивановичъ, когда вахтенный вытягивается на порогѣ.

— Есть, льду! — выкрикиваетъ Гуренко и мчится къ Федосѣичу въ буфетъ.

Толкнувъ Федосѣича локтемъ въ бокъ, отчего тотъ испуганно подпрыгиваетъ, открывая сразу посоловѣвшіе свои глаза, Гуренко гаркаетъ ему въ ухо:

— Льду командору!

И получивъ новую, полную льда, вазочку, летитъ, не обращая вниманія на воркотню Федосѣича, въ каютъ-кампанію, ставитъ передъ командоромъ ледъ, убираетъ пустую вазочку и вновь отправляется дремать въ «голландію», отдуваясь.

А Матвѣй Ивановичъ покуриваетъ трубочку, пьетъ соду со льдомъ и читаетъ не-русскую газету, на заголовкѣ которой жирными буквами значится: «Friseo Times». Чтеніе это, очевидно, его захватываетъ: онъ волнуется, пыхтитъ, грузно поворачивается въ креслѣ и поминутно бормочетъ себѣ подь носъ:

— Ну, и врутъ же! Ну, и мастера же врать господа американцы! И откуда у нихъ что берется?.. Смотрите, пожалуйста! Въ прошломъ номерѣ Марія была баронесса, а теперь вдругъ графиней стала!.. Что? Что такое?.. Въ глазъ камень вставили?! Тыфу ты пропасть!.. Измору на васъ нѣтъ!..—окончательно выходитъ изъ себя Матвѣй Ивановичъ и бросаетъ газету на полъ.

— Можно къ вамъ?—раздается за дверью глуховатый голосъ.

— Это вы, Адольфъ Карловичъ? Пожалуйста! Пожалуйста! Только ужъ извините меня за мое «безбѣлье»,—торопливо говоритъ командоръ и спускаетъ ноги съ табуретки.

— Да вы не изволите беспокоиться, Матвѣй Ивановичъ, я только на минуточку, — говоритъ входящій въ каютъ-кампанію высокой и худой Адольфъ Карловичъ Стопманъ, завѣдующій яхт-клубской «голландіей».—Я только спросить васъ, не разрѣшите-ли вы поднять «Буревѣстникъ» на шлюпъ-балки?

— А что?

— Да течь показалъ. Да еще два аутригера въ мастерскую надо сдать. Починки просятъ.

— Пожалуйста! Пожалуйста, Адольфъ Карловичъ! Дѣлайте все, что находите нужнымъ.

— Благодарю васъ, Матвѣй Ивановичъ—я такъ и сдѣлаю. А вы что, никакъ читать изволите?

— Да, батенька! Читаю вотъ «Friseo Times».

Описывается одно... преступленіе не преступленіе, происшествіе не происшествіе... не знаю ужъ и назвать какъ?.. Въ «Кровавой Мышеловкѣ»... Знаю я эту «Кровавую Мышеловку»! Но въ мое время, когда я еще въ тихоокеанской эскадрѣ служилъ, это была просто дрянненькая, маленькая харчевня, и туда, кромѣ матрозни, никто и не заглядывалъ! Да и тѣ—тайкомъ отъ начальства, потому мѣсто очень скандальное было. А теперь пишутъ, что «Мышеловка» эта разрослась чуть-ли не до размѣровъ дворца... Но не въ этомъ суть, а важно, что въ этомъ приключеніи замѣшаны русскіе. Какой-то капитанъ, командиръ русскаго крейсера, князь Енгушевъ. Я что-то такой фамилии въ русскомъ флотѣ не слыхалъ!

— Можетъ быть, Епанчинъ, Матвѣй Ивановичъ?

— Ну, вотъ выдумали! Епанчиныхъ-то кто не знаетъ? Самая морская фамилія! Нѣтъ, тутъ написано Енгушевъ. Ну, если бы еще было—Ингушевъ, ну, еще можно допустить, что какой-нибудь ингушскій князекъ, а то—нѣтъ! Ен—гушевъ! А еще—ротмистръ Персинъ.

— Персины мнѣ что-то знакомы,—проговорилъ Адльфъ Карловичъ.—Кажется, во флотѣ были такіе.

— Такъ, вѣдь я же вамъ говорю—ротмистръ! Разъ ротмистръ, такъ причемъ же тутъ флотъ?—уже начиная слегка раздражаться, заворчалъ Бодряго.

— Да въ чемъ же тутъ дѣло-то?—спросилъ Стопманъ, стараясь отвести возможную вспышку вспылчиваго командора.

— Вотъ то-то и дѣло, что я ничего понять не могу! Сначала этотъ Енгушевъ бриллиантъ проигралъ; а когда опять отыгралъ, то нигдѣ его найти не могли. Пропалъ бриллиантъ, понимаете?

— Понимаю-сь.

А потомъ явилась какая-то Марія, не то баронесса, не то графиня, однимъ словомъ, чортъ знаетъ кто! А потомъ эту Марию убили и бриллиантъ этотъ самый ей въ глазъ вставили.

— Что?—воскликнулъ Стопманъ и даже назадъ попятился.

— Вотъ то-то и дѣло!.. А потомъ оказалось, что бриллиантъ этотъ не тотъ, а какой-то фальшивый. А теперь вотъ ищутъ.

— Кого-съ?

— А кто ихъ разберетъ—кого? Не то бриллиантъ, не то убійцу.

— А бриллиантъ дорогой былъ?

— А я почему знаю? Я его не видалъ! Можетъ быть, и дорогой! Вся штука-то въ томъ, что на этомъ бриллиантѣ оказались: не то какія-то еврейскія буквы, не то арабскія цифры. Вотъ тутъ поди и разберись!

— А я такъ полагаю, Матвѣй Ивановичъ, что это не больше, какъ американская утка! Вѣдь, вы сами знаете, какой они на этотъ счетъ народъ!

Вл. Тихоновъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: „Въ Россіи“: Глава I—„Командоръ Бодряго“; глава II—„Нирвана“; глава III—Эдвинъ Тарвэ; глава IV—Русскіе американцы; глава V—Человѣкъ за бортомъ; глава VI—Тайна Нирваны. Глава VII—Иванъ Ивановичъ.

В. А. Тихоновъ.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ по-
слѣсловіемъ Вас. Ре-
гинина.

?

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова и В. А. Тихонова.

Часть I-ая.

Въ трушобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрою пропадаетъ великолѣпный брилліантъ. Для усюковія явишейся въ притонѣ красавицы баронессы Маріи, кн. показываетъ оставшіюся у него „дубликатъ“ брилліанта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ убѣждаетъ отъ баронессы кн. себя въ отель и дѣтей распорядженіе своему вѣчному Федору слѣдять за автомобилемъ № 1.232.323. В.В.В. на которомъ ухъ ль изъ притона вошь съ укрдѣннымъ брилліантомъ.

Вотомъ о азалою нѣко „еся. Въ тѣномъ полв лѣ негрятка Салли онъ не окрашивается въ чернѣ цвѣтъ и поступа ть лакеемъ—негрѣмъ къ своей матери, и влѣкаетъ брилліантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ (который възвѣзалъ въ полшвы сапога) съ собой. Художникъ даритъ своего лакею Федору. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгусева, сторожившіе провѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Пе си (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Пресыпаніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ онъ, разсматриваетъ у кн. Енгусева брилліантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаци, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войнъ и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, завѣхавъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгусева. Князь клянется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблестъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakshell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, ш-г Кѣблестъ яко-бы въздѣлъ въ Россію (передаются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandaloutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Доугъ-Стритъ, толпами валютъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и геніальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ (принѣ) наталкивается на мысль, не гѣлама ли все про шедшее съ б илліантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Не ри и узнаетъ камень, слѣданный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгусева. Не ри долно разсказывать о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о брилліантѣ князя Енгусева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Заннъ, Ютъ.

Во время его разсказа къ инспектору является ш-г Кѣблестъ и докладываетъ, что негрятка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, въ вѣя приказанію ш-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и цѣлоставляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ-скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ съ своимъ ослуживцемъ Стопманомъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ С.-Франциско.

ЧАСТЬ 2-я.

КОМАНДОРЪ БОДРЯГО.

— Еще бы мнѣ не знать! Хорошо знаю! И въ самомъ этомъ распроклятушемъ Фриско нѣсколь-ко разъ бывалъ! И даже долженъ вамъ сознаться, чуть у меня однажды тамъ романчикъ не завязался... Звали ее, видите-ли, Пахитой, и была она, собственно говоря, мексиканка...—началъ было свое повѣствованіе старый командоръ.

Но какъ разъ въ это время на порогѣ каютъ-кампаниі показался буфетчикъ Федосѣичъ и почтительнѣйше спросилъ:

— Прикажете, ваше высокородіе кушать подавать?

— А что-жь! Кушать, такъ кушать!—причмокнувъ губами, сказала командоръ, и въ сопровожденіи Стопмана, отправился въ столовую.

За обѣдомъ онъ еще подробнѣе разсказалъ своему неизмѣнному сотрапезнику, Адольфу Карловичу, приключеніе въ «Кровавой Мышеловкѣ» и обстоятельный Стопманъ уже вначалѣ укрьпился въ мысли, что вся эта исторія не болѣе, какъ американская утка.

Утвердившись въ этомъ мнѣніи, оба сотрапезника разошлись по своимъ каютамъ: Матвѣй Ивановичъ въ командорскую при каютъ-кампаниі, а Стопманъ въ свѣтелку, приспособленную имъ

для себя въ «голландіи», справедливо разсуждая, что, что бы тамъ ни было, а уснуть послѣ обѣда часика два, никогда не мѣшаетъ.

ГЛАВА II.

«НИРВАНА».

На вахтѣ яхтъ-клуба пробило шесть склянскъ. Вечерѣло. Солнце стояло уже довольно низко на горизонтѣ и въ порту лихорадочно кипѣлъ заканчивающійся трудовой день. Визжали и скрипѣли цѣпи лебедокъ, раздавались рѣзкіе, пронзительные свистки служебныхъ локомотивовъ; густо гудя въ терцію настроеннымъ гудкомъ, отваливъ отъ гавани, плавно прошелъ мимо мола, разводя широкую волну, большой пароходъ «Цесаревичъ Георгій», наполненный пассажирами, отправляясь въ крымскій рейсъ. Торопливо стуча и шлепая по водѣ плицами колесъ, прибѣжалъ изъ Аккермана старый «Тургеневъ». Медленно и безшумно, черными тѣнями скользя по водѣ, какъ фантастическія привидѣнія, тянулись въ гавань мрачныя, зловѣщія «грязнушки». Со стороны Пересыпи раздавался неумолчный скрежетъ землечерпалокъ. По переливавшимся золотомъ и перламутромъ волнамъ гавани, скользили, дѣловито посвистывая на разные тона и лады, служебные пароходики, катера, моторы.

* См. „Синій Журналь“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31 и 32.

Въ порту слышались крики рабочихъ, звонъ и лязгъ бросаемаго желѣза, ржаніе и визгъ дерущихся лошадей.

Въ воздухъ чувствовалась вечерняя прохлада. Жаръ свалилъ.

Къ яхтъ-клубскому трапу со стороны гавани, то и дѣло причаливали шлюпки, и изъ нихъ выходили, собиравшіеся въ клубъ спортсмены. Гуренко, смѣнившійся съ вахты, уже въ пятый разъ вызванный съ того берега свисткомъ, переваливалъ на яхтъ-клубскомъ ботикѣ и принималъ пассажировъ, членовъ клуба и ихъ семьи.

Однимъ изъ первыхъ явился маленькій, толстеный Оскаръ Ивановичъ Кучке со своей, такой же маленькой, толстеный дочерью Амаліей. Оба Кучке торопливо направились къ купальнѣ: отецъ въ ближайшую—мужскую; а дочь въ отдаленную—женскую. А черезъ три минуты головы ихъ—одна лысая, а другая въ зеленомъ резиновомъ чепчикѣ, болтались уже за моломъ, на поверхности моря, подпрыгивая, какъ поплавки.

Прибылъ со своей многочисленной семьей красивый и статный итальянецъ, Гораціо Феррони, инструкторъ гребного спорта въ клубѣ. Маленькія и хорошенькія итальяночки зашебетали, разсыпавшись по молу, а самъ Феррони, спустивъ на воду легкой, какъ мечта, аутригеръ-скифъ, принялся тренироваться къ предстоящей на-дняхъ гребной гонкѣ.

Пріѣхалъ со стороны мола, на извозчикѣ, веселый докторъ Ломакинъ вмѣстѣ съ секретаремъ клуба Лакриди и неизмѣнной «Грушенькой», какъ онъ называлъ свою прекрасную гитару.

На собственномъ маленькомъ электрическомъ катерѣ прибылъ и вице-командоръ клуба, баронъ фонъ-Клаусъ и дѣловито прошелъ въ каютъ-кампанію, чтобы побесѣдовать съ командоромъ Бодряго.

Прибывали дамы молодая, веселая, здоровая: итальянки, гречанки и русскія. Пріѣхалъ и дамскій кумиръ, красавецъ Филиповичъ, лихой спортсменъ и первый рулевой клуба. А вслѣдъ за нимъ явился и его соперникъ скромный и тихій фортепіанный настройщикъ Дицманъ, въ рукахъ котораго каждая яхта оживала и неслась впередъ, какъ стрѣла, нерѣдко отбивая призы даже у самага Филиповича.

Явился и самъ Ничипоренко, котораго въ шутку товарищи называли Штопаренкой, такъ какъ никто на яхтахъ не прибѣгалъ такъ часто къ штопору для откупориванія бутылокъ съ живительной влагой, какъ онъ.

И когда пробило восемь склянокъ, клубъ уже кишѣлъ молодыми, веселыми и жизнерадостными спортсменами. Матросы готовили яхты. Погода стояла чудная, и всѣ собирались на общую прогулку.

Буфетчикъ Федосѣичъ обряжалъ корзины съ фруктами, винами и легкой закуской, и разсылалъ ихъ по яхтамъ стоящимъ еще во дворикѣ клуба.

Ждали только захода солнца, а съ нимъ и вечерней бризы.

Но вотъ старый боцманъ Овчаренко явился въ дверяхъ каютъ-кампаніи и приложивъ руку къ козырьку своей боцманской фуражки, доложилъ:

— Такъ что солнце садится, ваше высоко-родіе!

— Свисти на флагъ!—скомандовалъ Матвѣй Ивановичъ, застегнулъ свой китель на всѣ пуговицы, поправилъ на головѣ флотскую фуражку и вышелъ изъ каютъ-кампаніи.

Рис. Н. Н. Герардова.

Буфетчикъ Федосѣичъ...

Заливчато свистѣлъ боцманскій свистокъ. Спортсмены, также и команда клуба быстро собирались къ высокой мачтѣ, возвышавшейся посрединѣ мола. На вершинѣ этой мачты, слабо колыхаясь, висѣлъ большой, бѣлый съ синимъ крестомъ флагъ—скаго яхтъ-клуба. Матросы выстроились въ двѣ шеренги, спортсмены—дамы и мужчины, стояли небольшими группами.

— Бриза начинается, — замѣтилъ Филиповичъ, указывая на верхъ мачты.

Командоръ Матвѣй Ивановичъ вышелъ на край мола и посмотрѣлъ куда-то влѣво, гдѣ догоралъ послѣдній бликъ заходящаго солнца. Онъ вынулъ часы—большой, старый полухронометръ, и сталъ внимательно смотрѣть то на его циферблатъ, то на догоравшую точку. Но вотъ, точка эта какъ-то вдругъ сразу померкла, Матвѣй Ивановичъ захлопнулъ крышку часовъ и быстрыми шагами подошелъ къ мачтѣ.

— На флагъ!—громко и отчетливо скомандовалъ онъ.

И всѣ мужчины сразу обнажили головы. Дамы, сидѣвшія за столиками около буфета, поднялись со своихъ мѣстъ.

— На молитву!—скомандовалъ боцманъ Овчаренко.

Из коллективному фантастическому роману «Синяго Журнала». Рисунокъ Н. Н. Герардова.

...Старый командоръ стоялъ на краю мола и ласковыми глазами провожалъ своихъ любимцевъ...

И матросы клуба стройно заплѣли «Отче нашъ». И когда они доплѣвали послѣднія слова святой молитвы, большой бѣлый флагъ съ синимъ крестомъ медленно скользилъ по мачтѣ внизъ къ протянутымъ къ нему рукамъ стараго боцмана.

— Разойдись!—скомандоваль опять командоръ.

Всѣ надѣли фуражки, и веселый шумъ, говоръ, смѣхъ, сразу вспыхнули по всему клубу.

— На яхты! На яхты!—раздавались громкіе голоса.—На яхты! Бриза начинается! На яхты!

Первой, какъ всегда, вышла изъ дворика бѣлая красавица «Джилда», гордо неся свои громадные паруса. На руль стоялъ ея владѣлецъ статный, почти величественный на своемъ посту, баронъ фонъ-Клаусъ. Затѣмъ, вытянулась голубая «Сага», подъ командой Дицмана. Стопанъ ловко повелъ свою «Китти». Красиво вышелъ «Сек-

реть» въ рукахъ лихого Филиповича. Грузный «Первенецъ», клубское общественное судно, биткомъ набитый дамами и барышнями, съ докторомъ Ломакинымъ среди нихъ, съ рулевымъ Лакриди, потянулся вслѣдъ за остальными. Ничипоренко на своей пузатой яхтѣ, носившей странное названіе «Иванъ Ивановичъ», тоже заковылялъ за другими.

Старый командоръ стоялъ на краю мола и ласковыми глазами провожалъ своихъ любимцевъ.

Вл. Тихоновъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: „Въ Россіи“: Глава II—„Нирвана“; глава III—Эдвинъ Тарвъ; глава IV—Русскіе американцы; глава V—Человѣкъ за бортомъ; глава VI—Тайна Нирваны; глава VII—Иванъ Ивановичъ.

В. А. Тихоновъ.

Въ коллективномъ романѣ участвуютъ:

- А. И. Купринъ,
- Н. А. Тэффи,
- Г. И. Ясинскій,
- Анат. Каменскій,
- В. И. Немировичъ-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

- А. Измайловъ,
- А. Н. Будищевъ,
- В. А. Тихоновъ,
- А. Аверченко,
- П. П. Гнѣдичъ,
- Н. Н. Потапенко и др.

Сънеобходимымъ послѣсловіемъ Вас. Регинина.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, Г. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова и В. А. Тихонова.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрою пропадаетъ великолѣпный брилліантъ. Для усложненія являющагося въ притонѣ красавицы баронессы Маріи, кн. показывается оставшіяся у него „дубликатъ“ брилліанта, но прини- мать мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ убѣждаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и дѣтей распоряженіе своему вѣстному Федору слѣ- дить за автомобилемъ № 1.232.323. Б.В.В. на которомъ уѣхалъ изъ притона вонъ съ украденнымъ брилліантомъ.

Вотъ онъ озадался нѣкъ о Перси. Въ темномъ подвалѣ негрятинъ Салли онъ перекрашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеземъ—негрѣмъ къ своей матери, и влизаетъ брилліантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ извинить его отъ мучи- тельной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ (который врѣзался въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгусева, послужившіе прощадъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Пе си (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Пробываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ онъ, рассматриваетъ у кн. Енгусева брилліантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ от- крытіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войнъ и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Перси“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгусева. Князь клянется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половиною ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблесъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Ruckell“ сенсаціонныя разоблаченія прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, ш-г Кѣблесъ яко-бы ѣздитъ въ Россію (передаютъ его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandanoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Доугъ-Стритъ, толпами валютъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и геніальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не реклама ли все происшедшее съ брилліантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазъ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Не ри и узнаетъ камень, сдѣлан- ный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгусева. Неври долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о брилліантѣ князя Енгусева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Заниъ, Йотъ.

Во время его разсказа къ инспектору является ш-г Кѣблесъ и докладываетъ, что негрятинка „Черная Салли“ воровала подвалъ, вѣрная приказанію ш-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ расслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и предст- авляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Ступманомъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ С.-Франциско. На морѣ происходитъ обычное ученье, маневры яхтъ-клуба...

ГЛАВА II.

„НИРВАНА“.

На «Первенцѣ» зазвенѣла гитара и докторъ Ломакинъ звучнымъ баритономъ запѣлъ клуб- скую отвалную пѣсню:

На яхтахъ намъ не братъ самъ чортъ,
Безумно любимъ мы нашъ спортъ...

И вдругъ со всѣхъ яхтъ дружно, мужскіе и женскіе голоса подхватили припѣвъ:

— Мы обожа-а-емъ!

Докторъ тряхнулъ гитарой: двѣ мандолины —одна въ рукахъ смугленькой Лакриды, другая подъ тонкими пальчиками хорошенькой Лауры Феррони, присоединились къ гитарѣ. А докторъ Ломакинъ уже пѣлъ дальше:

И лишь стемнѣютъ небеса,

Мы поднимаемъ паруса...

И со всѣхъ яхтъ дружно подхватывали:

— И уплыва-а-емъ!

— Хорошо! — проговорилъ Матвѣй Ивано- вичъ, стоя на борту мола и весело потирая руки.

И вдругъ, словно неожиданно для самого себя, круто повернулся и крикнулъ стоявшему въ дверяхъ буфета лысому Федосѣичу.

— Грогу командору, старый хрѣтъ, грогу! Флотилія —скаго клуба уже миновала маякъ

и обвѣваемая запахомъ розъ, доносившемся вмѣстѣ съ бризой съ берега изъ прекраснаго цвѣт- ника дачи Маразли, держала курсъ на Малый Фон- танъ.

И вдругъ, Филиповичъ, на своемъ «Секретѣ», приподнялся во весь ростъ и сталъ пристально всматриваться куда-то вдаль.

— Яхта!—проговорилъ наконецъ онъ.

— Наша? — спросилъ, сидѣвшій въ гокъ- питѣ, его пріятель Лебедевъ.

— Нѣтъ, не наша! У насъ такой нѣтъ. Боль- ше «Джилды».

— Куда идетъ?

— Къ гавани. Да, это не здѣшняя. Бизанъ на кормѣ. Вооруженіе—юла. Въ Черномъ морѣ такихъ яхтъ я не видалъ. И какъ идетъ хорошо! Откуда вѣтеръ беретъ?

— Къ Дофиновкѣ какъ бы не сбилась! Тамъ буруны!—проговорилъ на бакѣ матросъ Павка.

— Нѣтъ! Поворотъ сдѣлала. Легла на лѣвый галсъ. Прямо къ нашему клубу править!—отвѣ- тилъ на замѣчаніе матроса Филиповичъ и потомъ, подумавъ немного, прибавилъ:—Чтобы это за яхта такая? Изъ заграницы, должно быть!

— Ваше высокородіе, яхта!—доложилъ боц- манъ Овчаренко сидѣвшему спиной къ морю и попивавшему грогъ командору.

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32 и 33.

Появленіе «Нирваны».

Из коллективному фантастическому роману «Синяго Журнала». Рисунокъ Н. Н. Герардова

...Яркій снопъ электрическихъ лучей брызнулъ сверху каютъ-кампаніи и освѣтилъ всю яхту...

Матвѣй Ивановичъ круто повернулся. Яхта, стройная, съ высокой гротъ-мачтой и съ маленькой бизанью на кормѣ, лавируя противъ встрѣчной бризы, шла прямо къ клубу, показывая то зеленый, то красный огонь позывныхъ фонарей.

— Что за яхта?—проговорилъ Матвѣй Ивановичъ, всматриваясь своими зоркими глазами.— Приготовь прожекторъ! — крикнулъ онъ Овчаренкѣ.

— Есть!—отозвался тотъ и быстрыми шагами отправился на вышку каютъ-кампаніи.

— Вахтенный! Гаврилюкъ! Дай мой бинокль! —опять крикнулъ командоръ.

— Есть!—отозвался голосъ вахтеннаго.

А яхта подходила все ближе и ближе, и вдругъ, не доходя саженъ пятидесяти до клуба, сразу убрала паруса и вслѣдъ за этимъ было слышно, какъ загремѣла на ней якорная цѣпь.

— Наведи прожекторъ! — крикнулъ командоръ.

И яркій снопъ электрическихъ лучей брызнулъ сверху каютъ-кампаніи и освѣтилъ всю яхту.

Матвѣй Ивановичъ навелъ бинокль и подъ самымъ носомъ яхты, на черномъ борту ея, прочелъ выведенное золотыми рельефными буквами слово: «Nirvana».

ГЛАВА III.
ЭДВИНЪ ТЕРВЕ.

Минуты черезъ три отъ яхты отвалили маленькій черный «тузикъ» и въ нѣсколько ударовъ весель подошелъ къ молу и причалилъ къ клубскому трапу.

Высокій, стройный человекъ вышелъ изъ него и поднялся на молъ. Матвѣй Ивановичъ уже шелъ къ нему навстрѣчу.

— Я желалъ бы видѣть господина командора,—чисто, по-русски, но съ какимъ-то едва уловимымъ, мягкимъ акцентомъ проговорилъ вновь прибывшій, прикладывая руку къ козырьку своей яхты-клубской фаружки.

Я командоръ—отвѣтилъ Матвѣй Ивановичъ, козыряя въ свою очередь.

— Позвольте представиться: Эдвинъ Терве, членъ клуба...

И онъ назвалъ одинъ изъ извѣстныхъ финляндскихъ яхты-клубовъ и протянулъ при этомъ свой членскій билетъ, на которомъ, на двухъ языкахъ—по-фински и по-французски—значилось, что предъявитель, дѣйствительно, членъ означеннаго клуба, Эдвинъ Терве.

— Очень радъ познакомиться; отставной капитанъ 2-го ранга Бодряго, командоръ—скаго яхты-клуба,—сказалъ Матвѣй Ивановичъ, прочитавъ карточку и протягивая руку вновь прибывшему.

И невольно подумалъ при этомъ: «Какой красавецъ! Неужто финнъ?»

А Эдвинъ Терве, пожавъ руку командора, вѣжливо спросилъ:

— Могу я поставить мою яхту въ вашемъ клубскомъ дворикѣ?

— Какъ же, какъ же, конечно! Непремѣнно! Пожалуйста!—заторопился Матвѣй Ивановичъ и громко крикнулъ: — Овчаренко! Отбуксировать сейчасъ же яхту господина Терве къ намъ во дворикъ.

А потомъ, вдругъ, спохватившись, спросилъ:

— А вы откуда изволили прибыть?

— Изъ заграницы, господинъ командоръ.

— Въ такомъ случаѣ...—началъ было Матвѣй Ивановичъ.

— Не извольте беспокоиться! Я уже заходилъ въ Θεодосію, и тамъ всѣ формальности выполнилъ, такъ что, строго говоря, я иду изъ русскаго порта. Я буду имѣть честь представить вамъ мои бумаги.

— А! Ну, очень радъ! Очень радъ!—уже совершенно искренно обрадовался Матвѣй Ивановичъ и еще разъ крѣпко пожалъ руку Эдвина Терве.—Не угодно-ли чайку? Винца? Милости просимъ къ намъ въ столовую.

И черезъ минуту они уже сидѣли за столикомъ и попивали командорскій грогъ.

Эдвинъ Терве почему-то сразу понравился Матвѣю Ивановичу. И лицо такое открытое, и глаза свѣтлые, и голосъ такой мягкой, пріятный. И видно, что настоящій морякъ, серьезный понимающій.

А Терве рассказывалъ Матвѣю Ивановичу, что вотъ уже третій годъ живетъ на своей яхтѣ, курсируя по берегамъ Европы, что «Нирвана» его хорошее крейсерское судно финляндской работы; что команда у него—три человекъ: два финна и одинъ русскій.

— По странному стеченію обстоятельствъ, бывшій матросъ вашего, господинъ командоръ, клуба,—добавилъ онъ.

— Кто таковъ?

— Тимофей Павловъ.

— Тимошка? — весело воскликнулъ Матвѣй Ивановичъ и крикнулъ буфетчику.—Слышишь, Федосѣичъ? Тимошка-то нашъ отыскался! А гдѣ же вы это его подобрали?—обратился онъ къ Терве.

— Въ Константинополь, господинъ командоръ.

— Ну, такъ и есть! Это, какъ онъ тогда спустился, въ Румынію попалъ, а тамъ, значитъ, и дальше... А бумаги-то у него въ порядкѣ?

— Въ полной исправности. Я ихъ визировалъ въ русскомъ консульствѣ въ Константинополь.

— Ну, слава Богу! Слава Богу! А славный матросъ!

— Безукоризненный,—подтвердилъ Терве.— Ловокъ, какъ кошка, находчивъ и, если хотите, даже интеллигентенъ. Здѣсь, въ Черномъ морѣ, онъ для меня настоящій кладъ.

— То-то я смотрю, вы къ клубу-то къ нашему, какъ по знакомой дорогѣ подошли.

Покаместъ они бесѣдовали, вновь прибывшая яхта была уже введена во дворикъ, и боцманъ Овчаренко явился съ докладомъ, что все готово.

— Не пожелаете-ли, господинъ командоръ, осмотрѣть мою яхту?—спросилъ Терве.

— Завтра утромъ батенька! Завтра! А теперь—что увидишь?

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ откланяться и отправиться къ себѣ!

— Куда же вы, батенька, торопитесь? Вотъ скоро наши съ прогулки вернутся. Поужинаемъ.

— Благодарю васъ, господинъ командоръ! Но я съ дороги страшно усталъ. Хотѣлось бы выспаться.

— Ну, не держу, въ такомъ случаѣ. Спокойной ночи! До свиданья. До завтра.

Терве раскланялся и пошелъ къ себѣ на яхту.

«Экій статный какой»,—думалъ Матвѣй Ивановичъ, глядя вслѣдъ удалявшемуся гостю.

Подошелъ боцманъ Овчаренко.

— Имѣю честь доложить вашему высочордню, что на яхтѣ нашъ Тимошка объявился,—отрапортовалъ онъ.

— Знаю, голубчикъ, знаю! Въ Константинополь подобрали.

— Смѣшной такой сталъ! Совсѣмъ хряпцюзъ!

Эдвинъ Терве, придя къ себѣ на яхту и спустившись въ свою элегантную каютку, крикнулъ:

— Таалу!

Босые ноги быстро замелькали по трапу и приземистый, но коренастый матросъ-финнъ, Мартинъ Таалу, спустился въ каюту.

— На вахту сегодня Эрика поставь,—началъ по-фински Терве.

— Очередь русскаго,—отозвался Таалу.

— Знаю, но онъ мнѣ нуженъ для другого дѣла. Пошли его сейчасъ ко мнѣ.

— Хорошо!—отвѣтилъ Таалу и вышелъ изъ каюты.

Вл. Тихоновъ.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: „Въ Россіи“: Глава III—Эдвинъ Терве; глава IV—„Русскіе американцы“ глава V—Человекъ за бортомъ; глава VI—Тайна Нирваны; глава VII—Иванъ Ивановичъ.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ по-
слѣствіемъ Вас. Ре-
гинина.

В. А. Тихоновъ.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова и В. А. Тихонова.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгушева, за игрой пропадаетъ великолѣпный брилліантъ. Для успокоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Маріи, кн. показывая оставшія у него „дубликаты“ брилліанта, но принимаетъ мѣры къ стысканію настоящаго. Ночью онъ убѣждаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и дѣтъ распоряженіе своему вѣстному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1.232.323. Б.В.В. на которомъ уѣхалъ изъ притона воезъ въ укромнѣйшемъ брилліантомъ.

Воезъ оказался нѣм. о Перси. Въ тѣхъ же подвѣлахъ негритяки Салли онъ не, окрашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негрѣмъ къ своей матери, и вшизаетъ брилліантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственной надписью, положила его въ любовь только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, называющійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова бесслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ (который вѣрзался въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгушева, сторжншіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Не си (онъ же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Пребываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, чезъ микроскопъ онъ, разсматриваетъ у кн. Енгушева брилліантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адекую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захѣвъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгушевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы сытъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгушева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблесъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakshell“ сенсаціонныя разоблаченія прошлаго кн. Енгушева. Въ погонѣ за послѣднимъ, ш-г Кѣблесъ яко-бы ѣздилъ въ Россію (передаются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandanoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неудовная.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Доугъ-Стритъ, толпами валытъ въ „Кровавую Мышеловку“, у которой такъ много говорилось въ газетѣ. Появились въ притонѣ и геніальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не оглаша ли все про смѣшное съ брилліантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Не ри и узнаетъ камень, сдѣланный княземъ Енгушева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Зайнъ, Йогъ.

Во время его разсказа къ инспектору является ш-г Кѣблесъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ воровала подвалъ, вѣрвая приказанію ш-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и представляли громаднй интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ послуживцемъ Стспманомъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На м. ѣ происходитъ обычное ученѣ, маневры яхтъ-клуба...

По дню вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“, и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матросъ „Нирваны“—Тимофей Павловъ, оказывается, когда-то служилъ въ яхтъ-клубѣ, и былъ извѣстенъ командору Бодряго... Капитанъ „Нирваны“, остановившись у яхтъ-клуба, требуетъ Тимофея къ себѣ...

ГЛАВА III.

ЭДВИНЪ ТЕРВЕ.

А черезъ минуту на его мѣсто появился дру-
гой матросъ, дѣйствительно, болѣе походившій
на кошку, чѣмъ на человѣка.

Съ нимъ Терве заговорилъ уже по-русски.

— Вы знаете, гдѣ здѣсь помѣщается гостин-
ница «Лондонъ»?

— Еще бы не знать! Прямо тутъ на буль-
варѣ.

— А «Европейская гостинница»?

— Тоже тутъ, въ двухъ шагахъ!—ухмыляясь,
отвѣтилъ матросъ.

— Ну, и отлично! Такъ отправляйтесь сна-
чала въ гостинницу «Лондонъ» и узнайте, не при-
ѣхала-ли сегодня туда пожилая дама со старой не-
гритянкой? И если приѣхала, пройдите къ ней и
скажите только два слова: «Нирвана — здѣсь».
Тогда она дастъ вамъ нѣсколько писемъ и вы
принесете ихъ мнѣ. Но прежде, чѣмъ возвращать-
ся, зайдите еще въ «Европейскую гостинницу» и
узнайте: не приѣхала-ли сегодня же миссъ Эвели-
на Дѣконоръ? И если приѣхала, явитесь къ ней и
скажите тоже самое: «Нирвана—здѣсь». А затѣмъ
являйтесь ко мнѣ.

— Есть!—отвѣтилъ матросъ.—Только будь-
те добры, напишите на бумажкѣ, какую фамилію
въ Европейской-то спросить?

Терве вырвалъ листокъ изъ блокъ-нота и,
написавъ крупнымъ и четкимъ почеркомъ «Эве-
лина Дѣконоръ», передалъ его матросу.

Оставшись одинъ, Терве отперъ шкафчикъ,
вдѣланный прямо въ бортъ, открылъ находившій-
ся тамъ желѣзный сундучекъ, и вынулъ небольшой
портфель, выложилъ изъ него нѣсколько бумагъ
и сталъ разбираться въ нихъ.

Знакомыя уже нашимъ читателямъ имена
замелькали передъ его глазами: князь Енгушевъ,
Перси, ротмистръ Персинъ, Спрингъ, Краббъ,
Марія...

Эдвинъ читалъ бумаги и горько улыбался.
«Работа всей жизни! Святая мечта! Всѣ упо-
ванія—едва не погибли отъ руки этого страшнаго
хищника!»—думалъ онъ, дѣлая какія-то помѣтки.
«Но нѣтъ! Мы еще поборемся! Не достигну я,
достигнуть мои преемники! Насъ много, гораздо
больше, чѣмъ думаете вы, господинъ Козельскій!
Но теперь надо держать ухо востро! Перси больше
нѣтъ! Доклады ротмистра Персина—прервались...
Это, конечно, подниметъ страшный переполохъ,
бросятся искать... А Енгушевъ знаетъ гораздо

* См. „Синій Журналь“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33 и 34.

больше, чѣмъ бы слѣдовало! Марія выдала ему все, все, что знала!.. Бѣдная женщина! Какъ страшно заплатила она за свою любовь, за проблески счастья, отдала свою жизнь!.. И какого счастья! Съ Иудой, съ предателемъ, съ врагомъ свѣта, съ фанатикомъ вѣчной тьмы!..

Просмотрѣвъ бумаги, Терве опять уложилъ ихъ въ портфель, подошелъ къ шкафчику, вынулъ изъ него желѣзный сундучокъ, осмотрѣлъ его, потомъ надавилъ какой-то гвоздикъ въ дверцѣ шкафчика, и дно шкафчика быстро и безъ шума опустилось. Внизу была вода.

«Одно прикосновение къ этому гвоздику, и сундучокъ съ дорогими бумагами безъ всплеска исчезнетъ на днѣ моря», — мысленно проговорилъ онъ. — «Да, надо быть осторожнѣе. Теперь за нами откроется страшная слѣжка!»

Затѣмъ онъ положилъ портфель обратно въ сундучокъ, сундучокъ вставилъ въ шкафчикъ и дверцѣ захлопнулось.

Въ дворикѣ слышался все болѣе и болѣе возраставшій шумъ и людскіе голоса. Это возвращались съ прогулки клубскія яхты.

Эдвинъ надавилъ кнопку звонка. Вошелъ Таалу.

— Тимофей еще не возвращался?

— Нѣтъ еще.

— Далеко-ли мы стоимъ отъ берега?

— Отъ мола—не болѣе трехъ сажень,—отвѣтилъ Таалу.

— Я спрашиваю не отъ мола, а отъ берега? Отъ пристани?

— Сажень пятьдесятъ, не больше.

Объ яхту что-то стукнуло.

— Это навѣрное русскій вернулся,—сказалъ Таалу и пошелъ наверхъ.

А на смѣну ему уже спускался кошкообразный матросъ Тимошка.

— Въ «Европейской» барышня еще не приѣзжала; а изъ «Лондона»—вотъ вамъ письмо отъ старой барыни,—доложилъ онъ.

— Хорошо, идите!

Оставшись одинъ, Терве вскрылъ небольшой конвертикъ. Онъ вынулъ изъ него листокъ почтовой бумаги, на которомъ стояло всего три слова: «Приходи скорѣе. Мать».

— Тимофей!—крикнулъ Терве, пріотворивъ дверь.

— Есть!—отозвался голосъ сверху.

— На тузикъ! Я сейчасъ ѣду на берегъ.

Тимошка сидѣлъ на веслахъ, а Терве, держа руль, спрашивалъ его:

— Вы сами видѣли старую даму?

— Никакъ нѣтъ. Письмо мнѣ подала негритянка.

— Въ которомъ номерѣ онѣ остановились?

— Въ шестнадцатомъ.

— Есть-ли на пристани извозчики?

— Есть.

А «тузикъ» быстро летѣлъ по черной глади гавани, дробя лучи отражавшихся въ водѣ огоньковъ береговыхъ фонарей.

— Вы будете ждать меня здѣсь, хотя бы я вернулся и поздно,—сказалъ Терве, выскакивая на берегъ.

И затѣмъ, замѣтивъ хорошенько мѣсто причала, онъ направился къ проѣзжавшему невдалекѣ извозчику.

— Номеръ шестнадцатый? — спрашивалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ у швейцара гостиницы «Лондонъ».

— Пожалуйста, во второй этажъ, по коридору налѣво.

Терве постучалъ въ дверь подъ номеромъ шестнадцатымъ.

— Entrez!—раздался оттуда женскій голосъ.

Терве вошелъ въ маленькую прихожую. Высокая, статная, совершенно сѣдая, но еще со свѣжимъ, хорошо сохранившимся лицомъ, женщина шла ему навстрѣчу.

— Матти!—вскрикнула она и бросилась на шею сына.

— Мама! Я здѣсь не Матти! Я здѣсь—Эдвинъ Терве,—испуганно остановилъ онъ ее, нѣжно въ то же время цѣлуя сѣдую голову, склонившуюся къ нему на грудь.

— Мистеръ Перси! — воскликнула старая негритянка, выскакивая изъ сосѣдней комнаты, и тоже бросаясь къ нему. — Мистеръ Перси! Мой маленькій Бобъ!

— Молчи, черная Салли!—съ ласковой строгостью, прошепталъ молодой человекъ.— Здѣсь нѣтъ ни Матти, ни Боба Перси, здѣсь—Эдвинъ Терве!

— Устала я!—проговорила мать, когда ее, нѣсколько уже успокоенную, сынъ усадилъ въ кресло. — Устала я отъ этихъ вѣчныхъ маскарадовъ, отъ этихъ вѣчныхъ чужихъ именъ, отъ этого вѣчнаго страха и трепета за

твою жизнь.

— Мама, ты забыла клятву, которую мы дали покойному отцу, — твердо проговорилъ Эдвинъ.

— Да! Главное, что я должна тебѣ сказать,—спохватилась мать.—Эвелина здѣсь, вотъ уже два дня, какъ живетъ въ этой же гостиницѣ.

Терве даже поднялся съ кресла, на которое только что передъ этимъ сѣлъ.

— Здѣсь?—прошепталъ онъ.—Но она должна была остановиться въ «Европейской».

— Она такъ было и сѣлала и съ вокзала наняла экипажъ въ «Hôtel d'Europe», но уже подѣзжая къ самому подѣзду, она увидела двухъ выходившихъ оттуда мужчинъ, въ которыхъ узнала подозрительныхъ личностей изъ С.-Франциско: не то шпионовъ, не то репортеровъ. Она крикнула кучеру, чтобъ онъ ѣхалъ дальше въ другой, ближайшій отель. Ближайшимъ оказался «Лондонъ»,

Рис. Н. Герардова.

...Появился матросъ, дѣйствительно, больше походившій на кошку, чѣмъ на человѣка...

Встрѣча Эдвина Терве съ матерью.

Из коллективному фантастическому роману «Синяго Журнала». Рисунки Н. Н. Герардова.

— Матти! — вскрикнула она и бросилась на шею сына...

и вот—она здѣсь. Салли встрѣтила ее въ коридорѣ и она была уже у меня.

— Шпіоны? Здѣсь? Уже пронюхали? — повторялъ про себя Терве и потомъ вдругъ громко сказалъ:—Мама! Мнѣ необходимо ее сейчасъ же видѣть!

— Дорогой мой мальчикъ! Да посиди ты хоть минутку со своей матерью! Сколько времени мы не видались!

— Мама! Каждая минута дорога и страшна въ моей жизни!—проговорилъ Терве.

— Ну, что-жъ! Тогда иди къ ней. Она оставилась въ девятомъ номерѣ, — проговорила мать, грустно опуская голову.

— Мама, я еще вернусь къ тебѣ и просижу цѣлый часъ,—сказалъ Терве и, нѣжно поцѣловавъ мать, вышелъ изъ комнаты.

Вл. Тихоновъ.

Продолженіе романа въ слѣдующемъ №

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
Г. Г. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ по-
слѣсловіемъ Вас. Рет-
гинина.

В. А. Тихоновъ.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, Г. Г. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова и В. А. Тихонова.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгушева, за игрой пропадаетъ великолѣпный брилліантъ. Для успокоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Маріи, кн. показываетъ оставшіяся у него „дубликатъ“ брилліанта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ удерживаетъ отъ баронессы кн. себѣ въ отель и дѣтей распорядителемъ своему вѣстному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1.232.823. Б.Б.В., на которомъ уѣхъ тѣ изъ притона вошь съ украденнымъ брилліантомъ.

Воромъ оказался нѣкто Перси. Въ тѣломъ ползъ лѣ негрятинка Салли онъ не окрашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакземъ—негрѣмъ къ своей матери, и визитуетъ брилліантъ себѣ подъ кожу на голѣвъ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ некто хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квинкомъ, и умоляетъ извинить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ (который вѣздаясь въ пошлову сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгушева, сторъ живіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Не си (онъ-же Томъ Квинъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Прѣвѣніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на полубѣ професора кн. Енгушева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, че еѣ мпироскопъ онъ, разсматриваетъ у кн. Енгушева брилліантъ, а въ послѣднемъ три цифр: 1... 1... 2...

Послѣ этого Томъ Квинъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войнъ и созданіе единого государства.

Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ аэрокъ машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли.

Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгушевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и еѣ горничная зѣврыги убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы съдѣланъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгушева. Князь кланяется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблесъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakshell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгушева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кѣблесъ яко-бы ѣздилъ въ Россію (передается его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandanoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стритъ, толпами валятъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и гениальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не рѣгла ли все про сшедшее съ брилліантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Не-ри и узнаетъ камень, съдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгушева. Не-ри долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о брилліантѣ князя Енгушева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Зань, Ютъ.

Во время его разсказа къ инспектору является м-г Кѣблесъ и докладываетъ, что негрятинка „Черная Салли“ вѣрѣла подвалъ, вѣрѣя приказанію м-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и представляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Степаномъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дельнѣйшихъ событій въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученіе, маневры яхтъ-клуба...

Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“, — и еѣ капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ П-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь яко-бъ.

Матросъ Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, прѣѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негрятинкой и миссъ Эвелина Деконоръ. Оставшись одинъ, Терве просмотрѣлъ нѣсколько бумагъ, касающихся авантажъ кн. Енгушева и баронессы Маріи и далъ клятву поимать авантюристу. Ночью снѣ встрѣчаетъ въ гостиницѣ свою мать и черную Салли. Мать проситъ сына кончить все маскарады и жизнь подѣ чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу, — и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

ГЛАВА III.

ЭДВИНЪ ТЕРВЕ.

Черная Салли незамѣтно шмыгнула за нимъ.

— Сэръ, — зашептала Салли, когда они очутились вдвоемъ въ корридорѣ, — взрывъ произошелъ. Онъ былъ ужасенъ, но бумаги... уцѣлѣли и... попали въ руки полиціи.

Эдвинъ пошатнулся и схватился за голову.

— Старая леди ничего не знаетъ, — шептала негрятинка. — Идите къ молодой, она вамъ все, все разскажетъ.

Эдвинъ наклонился къ старой негрятинкѣ, взялъ еѣ руками за голову и, крѣпко поцѣловавъ черный лобъ своей старой кормилицы, твердой походкой пошелъ дальше по корридору.

Остановившись передъ номеромъ девятымъ, онъ постучалъ въ дверь.

— Войдите! — по-русски раздался голосъ изъ-за нея.

ГЛАВА IV.

РУССКІЕ АМЕРИКАНЦЫ.

На Приморскомъ бульварѣ, подѣ навѣсомъ ресторана почти пусто. Занято всего два-три сто-

лика. Третій часъ пополудни. Снизу, изъ гавани, доносится обычный шумъ, пробудившагося отъ послѣобѣденнаго отдыха порта. Отъ большой каменной лѣстницы, ведущей съ бульвара внизъ, пышетъ жаромъ. Вдали, внизу, сверкаетъ раскаленное солнцемъ море. На бульварѣ душно и пыльно. Дышать нечѣмъ.

За однимъ изъ столиковъ ресторана сидитъ страннаго вида господинъ. На немъ тропическій шлемъ, клѣтчатыи сѣренькій костюмчикъ, желтая, съ очень толстой подошвой, не-русскія ботинки. Но не въ этомъ его странность. А странно растеть у него борода, изъ-подѣ низу кверху, вѣромъ; совсѣмъ не такъ, какъ бы ей слѣдовало расти, а наоборотъ. И цвѣтъ бороды какой-то странный, пепельно-сѣрый, и совсѣмъ не гармонируетъ съ цвѣтомъ блѣдно-рыжихъ волосъ, выбивающихся изъ-подѣ шлема. Усовъ нѣтъ. Губы толстыя, уши довольно большія. Но такъ какъ господинъ, только что кончившій свой завтракъ, весь закрылся громадной одесской газетой, и неизвѣстно, читаетъ-ли онъ еѣ или просто дремлетъ подѣ еѣ прикрытіемъ, то оставимъ и мы его въ покоѣ, и лучше обратимъ вниманіе на сосѣдній съ нимъ столикъ, за которымъ тихо бесѣду-

*) См. „Синій Журналь“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34 и 35.

Из коллективному фантастическому роману «Синяго Журнала». Рисункъ Н. Н. Герардова.

На Приморскомъ бульварѣ, подъ навѣсомъ ресторана почти пусто. Занято всего два-три столика...

Ютъ два молодыхъ чловѣка: одинъ высокій, статный, съ красивой, кудреватой черной бородкой и черными кудрявыми волосами. Большіе глаза его горять огнемъ. Собесѣдникъ его—прямая ему противоположность: онъ очень малъ ростомъ, хотя и не настолько, чтобы могъ считаться карликомъ; слегка кособокъ и, вообще, очень невзраченъ. При разговорѣ онъ сильно заикается и старается пояснить свою рѣчь жестами.

Оба они пьютъ пиво и курятъ сигары.

— Ка-а-лина! А т-ты не боишься?—по-английски заговариваетъ маленькій.

Брюнетъ дѣлаетъ ему предостерегающій жестъ и шепчетъ:

— Я тебя просилъ, Краббъ, не называть меня здѣсь этимъ именемъ! Здѣсь я для тебя—Максъ Флей и не больше!

— Ну, хорошо, хорошо!—успокаиваетъ его маленькій Краббъ,—но я думалъ, что здѣсь не понимаютъ по-английски.

— Здѣсь-то? Въ Одессѣ! Но здѣсь говорятъ на всѣхъ языкахъ міра!

— Ну, хорошо! Хорошо!—твердитъ Краббъ и повторяетъ свой вопросъ.—Боишься ты здѣсь или нѣтъ?

— Конечно, съ такимъ неосторожнымъ спутникомъ, какъ ты, я рискую здѣсь головой, а это—страшно!

Краббъ дѣлаетъ какой-то извинительный жестъ и продолжаетъ:

— Ну, а зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, ты сюда пріѣхалъ?

— О, Краббъ! Если бы ты зналъ, что такое тоска по родинѣ! Особенно у насъ, эмигрантовъ,

не имѣющихъ права вернуться на родную землю. Польскій поэтъ Мицкевичъ сказалъ:

О, родина! Подобна ты здоровью!
Лишь тотъ къ тебѣ проникнется любовью,
Кто потерялъ тебя!

— Какая это страшная правда! Вы тамъ, въ С.-Франциско, всѣ считали меня веселымъ человекомъ, а если бы вы знали, какъ мучительно болѣла моя душа! Какъ тянуло меня къ моему родинѣ, какъ хотѣлось мнѣ самому взглянуть на нее! Вложить персты въ ея раны и зарыдать на ея груди! О, если-бъ, Краббъ, ты зналъ это, ты не задалъ бы мнѣ вопроса, зачѣмъ я пріѣхалъ сюда.

Краббъ задумался помычалъ что-то про себя и, заикаясь, сказалъ:

— Да, вы, русскіе, любите свою родину, какъ и другіе.

— Я рисую головой,—продолжалъ Калина, —особенно, принимая во вниманіе, твою феноменальную неосторожность, Краббъ. Но безъ этого свиданія, все равно сердце мое не выдержало бы и разорвалось бы на части. Лучше ужъ умереть здѣсь, чѣмъ тамъ.

— Максъ Флей! Говорите тише! Если я могу слышать ваши слова, то могутъ услышать и другіе!—раздался голосъ изъ-за газеты.

Брюнетъ вскочилъ на ноги и, задрожавъ, спросилъ:

— Кто это сказалъ?

— Я! Робертъ Спрингъ! Корреспондентъ газеты «Желтый Калифорніецъ»!

— Ты, Спрингъ?! Ты—здѣсь?!—вскрикнули въ одинъ голосъ и Калина, и художникъ Краббъ.

— Я, самолично! — улыбаясь во весь свой широкий ротъ и приподнимая шлемъ,—отвѣтилъ Спрингъ, опуская газету.

Пріятели крѣпко пожали другъ другу руки.

— Но постой!—спохватился первымъ Краббъ. —Что у тебя это за борода и отчего она такъ странно растетъ?

— Борода? Это, голубчикъ, для того, чтобы быть инкогни...—началъ было Спрингъ, но взглянувъ на свой подбородокъ, онъ быстро сорвалъ бороду.—Goddam!—выругался онъ. — Но, я, кажется, надѣлъ ее вверхъ ногами!

— Не только кажется, но это навѣрно такъ!—подтвердилъ Краббъ.

— А, впрочемъ, на кой чортъ мнѣ эту бороду? У меня паспортъ американскаго гражданина; изъ Россіи я эмигрировалъ болѣе двѣнадцати лѣтъ тому назадъ, еще совсѣмъ мальчишкой, и кто же меня здѣсь можетъ узнать? Развѣ въ Бердичевѣ папенька съ маменькой, если они только еще живы.

И пепельно-сѣрая борода исчезла въ карманѣ Спринга.

— Ну, а теперь, дружище,—сказалъ Краббъ,—садись къ нашему столу, и расскажи, какъ и зачѣмъ ты попалъ въ Россію?

— Ахъ, все это преступленіе въ «Кровавой Мышеловкѣ», этотъ таинственный бриллиантъ, это страшное убійство прекрасной баронессы! Редакторъ «Желтаго Калифорніецъ» призвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ мнѣ: «Спрингъ! Вы извѣстный молодчина! Вы король американскихъ репортеровъ! Кромѣ того, вы имѣете какое-то отношеніе къ Россіи, а потому раскройте мнѣ это русское преступленіе, и «Желтый Калифорніецъ», помимо оплаты всѣхъ вашихъ расходовъ, теле-

граммъ и корреспонденцій, еще будетъ имѣть честь преподнести вамъ чекъ на двадцать пять тысячъ долларовъ». Вы сами понимаете, что раздумывать было некогда. Я сильно потянулъ носомъ и сразу почувствовалъ, что преступники скрылись въ Россію, впрочемъ, кромѣ одного—такъ называемаго, князя Енгушева.

— Почему ты говоришь, «такъ называемаго»?

— А потому, что онъ не князь и не Енгушевъ. И уже совсѣмъ не командиръ военнаго крейсера.

— Но постой! Мы съ тобой вмѣстѣ въ кинематографѣ видѣли его фигуру на командирскомъ мостикѣ крейсера,—сказалъ Калина.

— Наивные люди! Въ нашъ вѣкъ, когда можно поддѣлать куриныя яйца и даже самую курицу, неужели нельзя поддѣлать кинематографическую ленту?

— Кто же, по твоему, онъ?

— Онъ...—началъ было Спрингъ, но сразу оборвавшись, весело разсмѣялся.—Много будете знать, скоро состаритесь!—закончилъ онъ.

Пріятели слегка обидѣлись.

— Успокойтесь, мои дѣти! Дѣло въ томъ, что я и самъ этого хорошенько не знаю, но у меня есть предположеніе.

— А именно?

— Что онъ крупный шпионъ, выслѣживающій гигантское политическое дѣло, интересующее не одно только русское правительство, но и всѣхъ монарховъ міра, но—тсс!.. Къ намъ приближается какой-то господинъ. Будемъ осторожны!

Приближающійся господинъ былъ никто иной, какъ Михаилъ Никифоровичъ Нечипоренко, членъ яхтъ-клуба, и извѣстный больше подъ кличкой «Штопоренко». Несмотря на ранній часъ дня, онъ былъ уже сильно «подъ парами» и слегка покачивался.

Занявъ столикъ невдалекѣ отъ пріятелей, онъ хриплымъ голосомъ крикнулъ, подошедшему къ нему лакею:

— Пива!

Затѣмъ началъ пристально всматриваться въ нашихъ американцевъ. Видимо, ему было скучно пить одному и онъ соображалъ, не найдетъ-ли онъ въ нихъ подходящихъ собутыльниковъ. Уловивъ ихъ англійскій разговоръ, онъ вдругъ громко и совсѣмъ ни къ селу, ни къ городу сказалъ:

— Yes!—А потомъ, немного погодя, прибавилъ:—All right!

— Ахъ, вы говорите по-англійски?—обратился къ нему на этомъ языкѣ Спрингъ.

— Чорта съ два! Инглишъ спокенъ нотъ! Я—русскій человекъ! руссь! руссишъ! рушка!—ужъ неизвѣстно на какомъ языкѣ пояснилъ Нечипоренко.

— Очень пріятно! Я тоже умѣйть говорить по-русски! — нарочно ломая языкъ, заговорилъ Спрингъ.—Я корреспондентъ американски газетъ, Робертъ Спрингъ,—представился онъ и приподнял свой шлемъ.

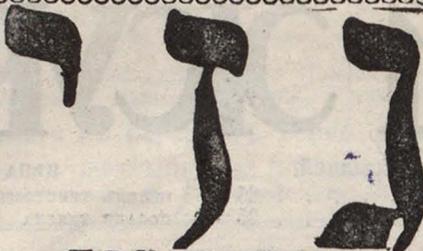
Вл. Тихоновъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: „Въ Россіи“: глава IV—„Русскіе американцы“ глава V—Человѣкъ за бортомъ; глава VI—Тайна Нирваны; глава VII—Иванъ Ивановичъ.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(Т Р И Б У К В Ы)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Съеобходимымъ по-
словиемъ Вас. Ре-
гинина.

В. А. Тихоновъ.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова и В. А. Тихонова.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Егущева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для успокоенія явившейся въ притонѣ красавицы баронессы Маріи, кн. показываетъ оставшіяся у него „дубликатъ“ бриллианта, но прини-
маетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ убѣгаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и дѣлет распоряженіе своему вахтенному Федору слѣ-
дить за автомобилемъ № 1.232.323. Б.Б.В. на которомъ уѣхалъ изъ притона вою съ укравшимъ бриллиантомъ.

Воромъ оказался вѣкто Перси. Въ темномъ подвалѣ негрятяка Салли онъ перекрашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негрѣмъ къ своей матери, и шиваетъ бриллиантъ себѣ подъ колѣнъ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, давъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время рассказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучи-
тельной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брил-
лиантъ (который вѣззалъ въ подолу сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Егущева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Пе, си (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Пробываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Егущева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Егущева бриллиантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ от-
крытіи. Кн. Егущевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства. Подписавшись „ромистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Маріи, кн. Егущевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы сълѣ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Егущева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблесъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Ruckell“ сенсационныя разоблаченія
прошлаго кн. Егущева. Въ погонѣ за послѣднимъ, ш-г Кѣблесъ яко-бы ѣздитъ въ Россію (передаются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngonche-Sandanoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стритъ, толпами валятъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и геніальныя „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не реглама ли все происшедшее съ 6 изданіемъ. Онъ мчитъ къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Перри и узнаетъ камень, сдѣлан-
ный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Егущева. Неври долго рассказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантѣ князя Егущева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Занъ, Ютъ.

Во время его разсказа къ инспектору является ш-г Кѣблесъ и докладываетъ, что негрятяка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрчая приказанію
ш-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разогнать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и представ-
ляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стопманомъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“
и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученѣе, маневры яхтъ-клуба...

Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“, и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ якорь.

Матросъ Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, прѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негрятинкой и миссъ Эвели-
лина Деконоръ. Оставшись одинъ, Терве просматриваетъ нѣсколько бумагъ, касающихся авантюры кн. Егущева и баронессы Маріи и далѣе клятву поймать
авантюриста. Ночью онъ встрѣчается въ гостиницѣ свою мать и черную Салли. Мать проситъ сына кончить въ маскарады и жизнь подъ чужими име-
нами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу, — и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафѣ бульвара художники Краббъ и Калина, прѣхавшіе тайно на родину, встрѣчаютъ загримированнаго репортера
Спринга, высѣживающаго кн. Егущева по порученію своей газеты, — и все трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко.

ГЛАВА IV.

РУССКІЕ АМЕРИКАНЦЫ.

Нечипаренко чуть не взвылъ отъ радости. Онъ почему-то былъ увѣренъ—можетъ быть, и не безъ основанія—что американцы первые пьяницы на свѣтѣ. А тутъ еще къ тому же и корреспондентъ. У насъ и свои-то газетчики молодцы на счетъ выпивки, а тутъ еще—американцы! Да это должно быть такіе пропойцы, какихъ и свѣтъ не производилъ!—быстро сообразилъ онъ, широкораскрывая объятія своимъ новымъ друзьямъ.

Калина было поморщился, но Спрингъ шепнулъ ему (по-американски) на ухо:

— Нужно, милый! Нужно! Здѣсь все приго-
дится.

Маленькій Краббъ, вообще большой люби-
тель всякихъ эксцентричностей, особенно, если онѣ сопряжены съ выпивкой, крѣпко, по-американски тиснулъ руку русскаго оригинала.

— Маленькій, а какой сильный!—дую себѣ на пальцы, удивился Нечипоренко.

— О, мы, американцы, всѣ сильни!—хвастливо сказалъ Спрингъ и пригласилъ Нечипоренко къ ихъ столу.

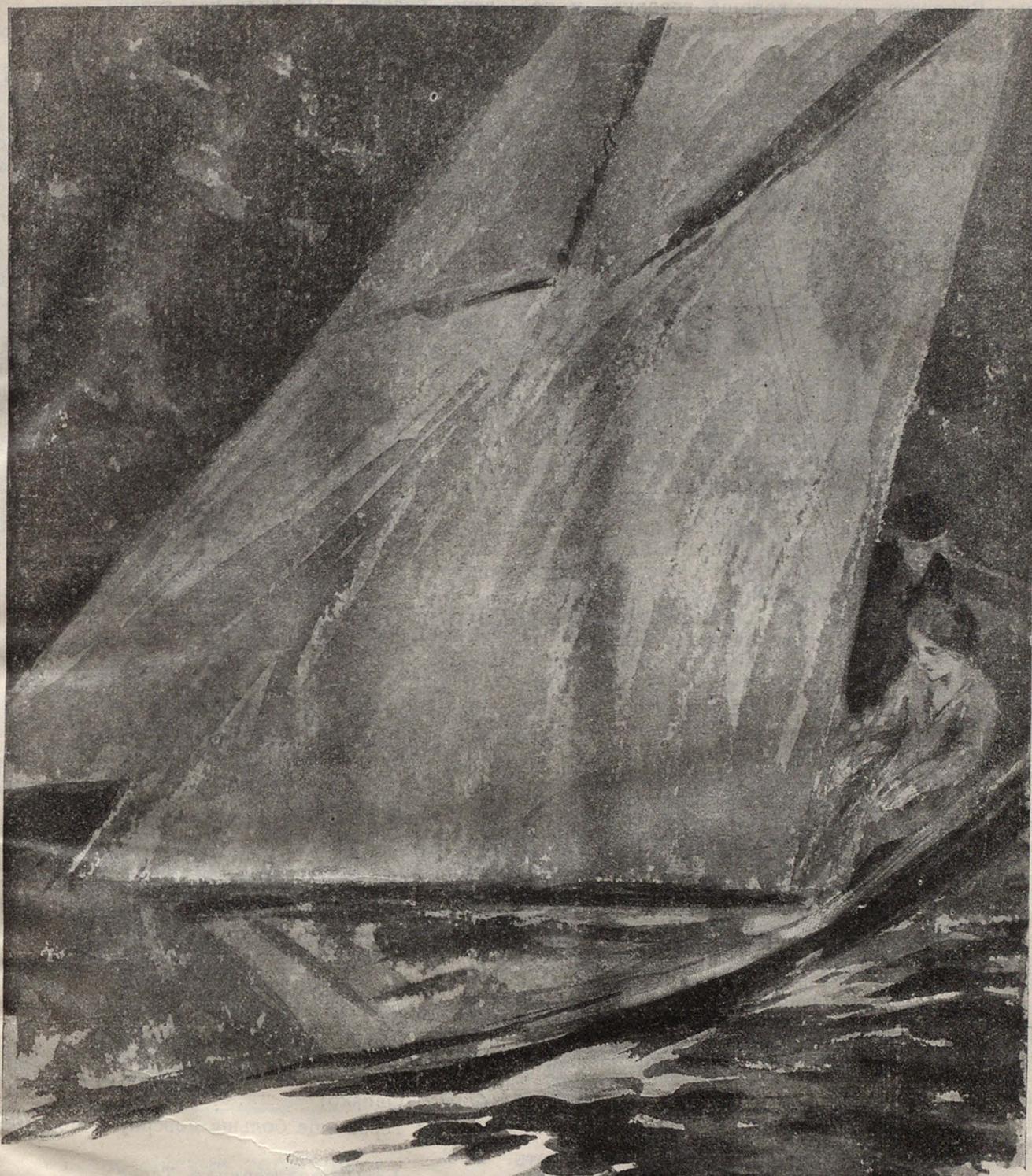
«Напьются и разболтаютъ еще что-нибудь», не безъ тайнаго страха, думалъ Калина, рѣшивъ при ближайшей возможности ускользнуть отъ этой компаніи.

Но Спрингъ и въ самомъ дѣлѣ былъ молодчина. Онъ умѣлъ выпить и не потерять головы, и изъ каждаго пьянаго слова своего собутыльника извлечь хоть какую-нибудь пользу. А такъ какъ его репортерскій нюхъ тянулъ именно почему-то въ одесскій яхтъ-клубъ, то онъ и прилипъ къ Нечипоренко съ клейкостью опытнаго интер-
вьюера.

Маленькій Краббъ сосалъ, какъ губка, тоже не боясь охмѣлѣть: стоило ему только выпить рюмку виски, или даже понюхать пробку отъ нея, и всякій хмѣль снимало съ него, какъ рукой. Не понимая ни слова по-русски, онъ тѣмъ не менѣе весело разговаривалъ съ яхтъ-клубистомъ на

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35 и 36.

Из коллективному фантастическому роману «Синяго Журнала». Рисунки Н. Н. Герардова.

Когда „Нирвана“ миновала маякъ, изъ каюты на палубу вышла молодая женщина и сѣла въ гокъ-шитъ...

какомъ-то «воляпнокъ», состоявшемъ изъ жестовъ и восклицаній.

Не прошло и часу, какъ новые знакомые были уже друзьями. Развеселился даже и Калина, онъ же и Максъ Флей. Цѣлая батарея бутылокъ стояла на ихъ столикѣ. Краббъ составлялъ разные коблеры, флиппы, флоппы и другіе американскіе головокружительные напитки. Нечипоренко, дойдя до извѣстнаго градуса, надолго уже застрѣвалъ на немъ, т. е. пилъ, былъ пьянъ, но полного сознанія не терялъ.

Изъ его болтовни Спрингъ узналъ, что у Нечипоренко есть собственная яхта, и называется

она «Иванъ Ивановичъ»; что вчера вечеромъ къ нимъ въ клубъ пришла изъ-за границы великолѣпная яхта «Nirvana», подъ командой какого-то не то шведа, не то финляндца; что матросы на этой яхтѣ—двое финновъ и одинъ русскій, ихъ же бывший клубскій матросъ, Тимошка, человекъ, вообще, загадочный, и едва-ли не дезертиръ. Что командиръ «Nirvan'ы» Эдвинъ Терве, высокій, стройный, бѣлокурый, съ прекрасными, хотя и холодными, голубыми глазами, отлично говоритъ

по-русски, только съ легкимъ, мягкимъ акцентомъ. Впрочемъ, также хорошо говорить и по-английски, и по-шведски, и, кажется, на всѣхъ языкахъ.

При этихъ росказняхъ репортерская душа Спринга трепетала отъ какого-то радостнаго предчувствія, и онъ все нѣжиѣ и нѣжиѣ прилипалъ къ пьяному яхтъ-клубисту.

Въ ресторанѣ просидѣли часовъ до шести. Потомъ отправились купаться, причемъ къ немалому посрамленію медицины, никого изъ нихъ не хлопнулъ параличъ. Затѣмъ, Нечипоренко пригласилъ своихъ новыхъ друзей къ себѣ въ клубъ, обѣщая покатать ихъ на своемъ «Иванъ Ивановичъ».

ГЛАВА V.

ЧЕЛОВѢКЪ ЗА БОРТОМЪ.

Въ клубъ они попали какъ разъ во время: только что былъ спущенъ флагъ и яхты снаряжались на обычную вечернюю прогулку, всѣ, кромѣ одной «Nirvan'ы», теперь одиноко стоявшей во дворикѣ, вызывая восхищеніе, удивленіе, и даже зависть у истинныхъ спортсменовъ своими чудными, стройными линиями, своей благородной окраской, своей безукоризненной чистотой палубы. На «Nirvan'ѣ» было пусто. Только одинъ матросъ-финнъ сидѣлъ на бакѣ и меланхолично покуривалъ трубочку-носогрѣйку.

Спрингъ такъ и впился глазами въ эту яхту. Здѣсь, почему-то казалось ему, онъ долженъ былъ найти разгадку страшной тайны, пригнавшей его изъ С.-Франциско въ Одессу.

Но яхта была тиха, молчалива и ревниво берегла въ своихъ нѣдрахъ эту роковую загадку.

А «Иванъ Ивановичъ» былъ уже готовъ и Нечипоренко радушно приглашалъ своихъ новыхъ друзей покататься.

Нечего было дѣлать, и Спрингъ, скрѣпя сердце, спустился на смѣшное, неуклюжее судно пьяненькаго Штопоренки.

— Сегодня въ ночь будетъ туманъ!—сказалъ командоръ Бодряго, всматриваясь своими зоркими глазами куда-то вдаль.

— Да, Матвѣй Ивановичъ! Сегодня ночью будетъ туманъ, — подтвердилъ точный въ каждомъ своемъ словѣ Стопманъ, оставшійся на берегу, чтобы составить командору партію въ шахматы.

— А къ утру надо ожидать здороваго штормяги!—продолжалъ командоръ.

— Да, Матвѣй Ивановичъ, надо ожидать шторма, такъ какъ уже получены предостереженія, и я предупредилъ нашихъ членовъ, чтобы они не задерживались надолго въ морѣ,—сообщилъ Стопманъ.

— Ну, а теперь сыграемъ-ка партійку! — предложилъ командоръ, и они присѣли къ столу на верандѣ каютъ-кампаніи.

Но не успѣли они взяться за шахматы, какъ подошелъ боцманъ Овчаренко и доложилъ, что чужая яхта поднимаетъ паруса.

— Адольфъ Карловичъ! Предупредите ихъ о погодѣ!—сказалъ Бодряго.

И Стопманъ, выйдя на моль, громко и отчетливо крикнулъ:

— На «Нирванъ»!

— Есть!—отозвался оттуда звонкій голосъ.

— Предупреждаю! Въ ночь будетъ туманъ, а къ утру очень свѣжій вѣтеръ!

Слегка склонившись на правый бортъ, «Нирвана» красиво выходила изъ гавани.

— Экая яхта красавица! — сказалъ командоръ Бодряго, глядя ей вслѣдъ съ веранды.

— А загадочное тутъ есть что-то! — тихо проговорилъ Стопманъ.

Матвѣй Ивановичъ всполошился.

— Загадочное, говорите вы?—спросилъ онъ.

— Да! И съ нашей стороны сдѣлано не мало упущеній!—продолжалъ Стопманъ. — Ни документовъ мы, какъ слѣдуетъ, не просмотрѣли, ни шканечный журналъ...

— Да вѣдь паспорта-то въ порядкѣ!

— Ахъ, что-жъ паспорта, Матвѣй Ивановичъ! Вотъ я сейчасъ на яхтѣ женщину видѣлъ...

— Женщину? Откуда же она взялась?

— А кто ее знаетъ? Можетъ быть, на шлюпкѣ съ берега прямо. Черезъ клубъ не проходила.

Матвѣй Ивановичъ на минутку задумался, потомъ вздохнулъ и сказавъ:

— Никто, какъ Богъ!—пошелъ сразу двумя пѣшками.

Когда «Нирвана» миновала маякъ, изъ каюты на палубу вышла молодая женщина и сѣла въ гюкъ-китъ. Это была Эвелина Дѣконоръ, высокая, статная шатенка, съ прекрасными, хотя и строгими чертами лица.

— Ты слышала?—спросилъ ее Терве.—Туманъ и вѣтеръ. Это гарантируетъ насъ отъ всякихъ соглядатаевъ,—сказалъ онъ.

— Да, но съ другой стороны, мы можемъ такимъ образомъ разминуться.

— О, нѣтъ! Тимофей отлично знаетъ курсъ, и мы будемъ какъ разъ на мѣстѣ!.. Что это за чудовище ползетъ передъ нами? — перебилъ онъ себя.—Яхта не яхта, каракатица какая-то! И прямо на дорогѣ... Тимофей!—крикнулъ онъ.

— Есть!—отозвался матросъ съ бака.

— Это что такое?

— Это яхта-съ «Иванъ Ивановичъ», господин Нечипоренко. Дрянъ суденышко!

— Яхтъ-клубская?

— Такъ точно.

Терве быстро положилъ руль направо, и «Нирвана» сильно взяла въ сторону къ Дофиновкѣ. Съ «Ивана Ивановича» раздавались пьяные голоса и пѣніе.

— Что они поютъ?—прислушался Терве.—«Янки дудль», и съ чисто американскимъ пошибомъ?! Однако!

И Терве еще больше повернулъ носъ къ берегу.

— Есть!—подтвердилъ Терве.

Стопману показалось, что за развернувшимся гротомъ мелькнула женская фигура.

«Откуда бы это?»—подумалъ онъ и пошелъ къ каютъ-кампаніи.

«Туманъ и вѣтеръ», — повторялъ про себя Терве. «Это-то мнѣ какъ разъ и на руку!»—и сѣлъ на руль.

Вл. Тихоновъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: „Въ Россіи“ : глава V—Человѣкъ за бортомъ; глава VI—Тайна Нирваны; глава VII—Иванъ Ивановичъ.

Въ коллективномъ романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Глѣдичъ,
И. Н. Потаненко
и др.
Сънеобходимымъ послѣсловіемъ Вас. Рогинина.

В. А. Тихоновъ

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Глѣдича, А. А. Измайлова и В. А. Тихонова.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Егущева, за игрой пропадаетъ великолѣпный брилліантъ. Для успокоенія явившейся въ притонѣ красавицы баронессы Марин, кн. показываетъ оставшіюся у него „дубликатъ“ брилліанта, но признаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ убѣждаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и дѣтъ распоряженіе своему ватенному Федору съдѣлать за автомобилемъ № 1.232.323. Б.Б.В, на которомъ ухалъ изъ притона вою съ украденнымъ брилліантомъ.

Воромъ оказался нѣкто Перси. Въ тѣмномъ подвалѣ негрятяка Салли онъ по окрашивается въ чернѣйшій цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негромъ къ своей матери, и вливаетъ брилліантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ убѣждаетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ (который вѣрзался въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Егущева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаяно убиваютъ Федора. Не, онъ (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Егущева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Егущева брилліантъ, а въ послѣдствіи три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Егущевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли Уромъ, забравъ къ баронессѣ Марин, кн. Егущевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрею убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы арестуется его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблесъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakhell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Егущева. Въ погонѣ за послѣднимъ, ш-г Кѣблесъ яко-бы зашелъ въ Россію (передаетъ его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandapoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Доугъ-Стритъ, толпами валютъ въ „Кровавую Мышеловку“, у которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и гениальныя „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не рѣглама ли все происшедшее съ брилліантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Не ри и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Егущева. Неври долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о брилліантѣ князя Егущева. Цифры 172, по убѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Заннъ, Йотъ.

Во время его разсказа къ инспектору является ш-г Кѣблесъ и докладываетъ, что негрятяка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрная приказанію ш-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и предостерегли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стпманомъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученье, маневры яхтъ-клуба...

Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“,— и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матросъ Тимофей Павловъ по его приказанію сходить на берегъ узнать, пѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негрятякой и миссъ Эвелина Деконоръ. Оставшись одинъ, Терве просматриваетъ нѣсколько бумагъ, касающихся авантюры кн. Егущева и баронессы Марин и далъ клятву поймать авантюриста. Ночью онъ встрѣчаетъ въ гостиницѣ свою мать и черную Салли. Мать проситъ сына кончить всѣ маскарады и жизнь подѣ чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную ими отцу, — и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафе бульвара художники Краббъ и Калина, прѣхавшіе тайно на родину, встрѣчаютъ загримированнаго репортера Спринга, выслѣживающаго кн. Егущева по порученію своей газеты,— и всѣ трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Послѣ изрядной выпивки, новые знакомые идутъ кататься на яхтѣ Нечипоренко въ море, гдѣ встрѣчаютъ „Nirvanu“. Эдвинъ Терве.

ГЛАВА V.

ЧЕЛОВѢКЪ ЗА БОРТОМЪ.

— Налѣво буруны!—крикнулъ съ бака Тимошка.

На «Иванъ Ивановичъ» замѣтили «Нирвану» и Спрингъ бросился къ сидѣвшему на рулѣ Нечипоренкѣ.

— Слѣдомъ! Слѣдомъ за этой яхтой! Ради Бога, слѣдомъ!—взмолился онъ.

Нечипоренко что-то пробурчалъ, и тоже положилъ руль направо.

— Напересѣкъ надо взять!—посоветовалъ сидѣвшій на кливеръ-шкотѣ матросъ. — Ей все равно сейчасъ галсъ мѣнять! Тамъ не пройдетъ!

И «Иванъ Ивановичъ» пошелъ напересѣкъ «Нирванѣ».

Замѣтили «Нирвану» и съ другихъ яхтъ, и удивившись, почему она взяла такой странный курсъ, повернули къ ней, чтобы предупредить о бурунахъ.

Терве, увидѣвъ это, проворчалъ какое-то проклятіе.

— Здѣсь не пройдемъ?—спросилъ онъ Тимошку.

— Темно! Нельзя!—отвѣтилъ тотъ.

И Терве командовалъ къ повороту на правый галсъ.

«Иванъ Ивановичъ» перѣ прямо на него справа. Впереди пересѣкала дорогу «Нирванѣ»— «Джилда», съ барономъ фонъ-Клаусомъ на рулѣ. Еще дальше шель лихой «Секретъ» въ рукахъ Филипповича.

Терве молча сидѣлъ на рулѣ, соображая, какъ ему проскользнуть между этими судами.

— Вѣтру мало для «Нирваны», вѣтру!—тихо проговорилъ онъ.

И вдругъ вѣтеръ, словно подслушавъ его призывъ, налетѣлъ порывомъ. «Нирвана» совсѣмъ легла на правый бортъ, подѣ носомъ ея зашипѣла и запѣнилась волна, и огни «Ивана Ивановича»

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36 и 37.

Из коллективному фантастическому роману «Синяго Журнала». Рисунки Н. Н. Герардова.

— Здѣсь,—сказаль Тимошка, указывая мѣсто на развернутой передь нимъ картѣ.

сразу остались позади. Но теперъ уже «Джилда» шла рядомъ.

— Алло! На «Нирванѣ»! — крикнуль баронъ фонъ-Клаусъ.

— Алло!—отозвался Терве.

— Вы держитесь слишкомъ близко къ берегу! Тутъ камни!—крикнули съ «Джилды».

— Merci!—поблагодариль Терве и потянулъ еще грота-шкотъ.

«Нирвана» прибавила ходу и баронъ фонъ-Клаусъ, къ огорченію своему, долженъ былъ замѣтить, какъ сильно отставала его бѣлая «Джилда» отъ этой черной красавицы.

«Секретъ» обрѣзалъ носъ «Нирванѣ» и выравнился съ ней съ лѣваго борта.

— Алло! Впередь!—крикнуль Филипповичъ.

— Впередь!—отозвался Терве и осмотрѣль прекрасный рангоутъ своего соперника.

Паруса «Нирваны», несмотря на сравнитель-

но слабый вѣтеръ, были полны имъ и несли ее съ удивительной быстротой. Филипповичъ напрягалъ всю свою ловкость, все свое умѣніе, но и непобѣдимый въ клубѣ «Секретъ» сталъ отставать отъ «Нирваны».

— Нѣтъ, съ этимъ чортомъ не потягаешься! —сдался Филипповичъ, и повернулъ свою яхту обратно вслѣдъ за повернувшей уже раньше «Джилдой».

Навстрѣчу ему пѣръ пузатый «Иванъ Ивановичъ», и съ него неслись пьяныя пѣсни.

— Штопоренко! Ты куда?—крикнулъ Филипповичъ.

— А вотъ въ догонку за этимъ чортомъ!—отозвался Штопоренко.

Филипповичъ только расхохотался.

— Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней!—разсмѣялись на «Секретѣ».

Еще полчаса и «Нирвана» шла совершенно одна въ сгущавшемся сумракѣ ночи. Только далеко сзади мелькали огни пьянаго Штопоренки.

— Ну!—сказалъ Эдвинъ Терве,—мы теперь вѣдь всякаго наблюденія.

Эвелина положила ему руку на плечо и нѣжно посмотрѣла своими карими очами въ его голубые, выразительные глаза.

— Ты не усталъ, Матти?—тихо спросила она по-англійски.

— Что за вопросъ? Ты знаешь, что отдыхъ ждетъ меня только въ могилѣ, а потому мнѣ устывать нельзя.

— Милый мой! Свѣтлый мой!—нѣжно проговорила молодая женщина, спуская къ нему голову на грудь.—Прежде, чѣмъ мы не достигнемъ нашей цѣли, мы не будемъ отдыхать. Не правда-ли?

— Да, да, Эвелина! Я не понимаю даже, почему ты такъ настойчиво поднимаешь этотъ вопросъ?—глядя ея волосы, сказалъ Эдвинъ.

— Но твоя мать...

— Мама—женщина, да и при томъ пожилая. Она много пережила и перестрадала: смерть отца, такъ трагически погибшаго во имя нашего дѣла; вѣчныя опасности, преслѣдующія меня—утомили ее. Но мы съ тобой, Эвелина, бодры и молоды, и насъ призываетъ къ себѣ великое дѣло. Сегодня въ ночь мы должны встрѣтить здѣсь этого страшнаго человѣка. Да! Я повторяю, страшнаго, потому что трудно себѣ представить что-нибудь болѣе страшное, чѣмъ «темный Укко».

— Его фамилія Гротгусъ, не правда-ли?

— Да, но объ этомъ никто не долженъ знать, кромѣ избранныхъ.

— Это онъ убилъ Марію?

— Онъ.

— А зачѣмъ же такая жестокость? Зачѣмъ онъ вставилъ ей въ глазъ этотъ брилліантъ?

— То, что для насъ жестокость, для него только сигналъ. Этимъ онъ далъ знать всѣмъ посвященнымъ, что настоящій камень теперь у него въ рукахъ, а въ глазу Маріи—только поддѣлка. И этимъ сигналомъ онъ предупредилъ насъ объ опасности, и какъ бы отдалъ приказъ немедленно всѣмъ намъ уѣхать изъ Америки. Конечно, если бы онъ успѣлъ убить Енгушева, дѣло бы приняло совсѣмъ иной оборотъ. Но нашъ злѣйшій врагъ живъ; Марія слишкомъ много открыла ему и за это заплатила жизнью. Енгушевъ слишкомъ много знаетъ и потому долженъ умереть. Но онъ еще живъ, онъ почти недосыгаемъ для насъ, но «темный Укко» тоже еще живъ, и потому—дни Енгушева сочтены. Есть основаніе думать, что Енгушевъ вслѣдъ за нами явится въ Россію и, вѣроятно, въ Одессу...

— Но онъ въ тюрьмѣ!

— Эта тюрьма для него только охрана, и она откроется тотчасъ же, какъ только онъ пожелаетъ этого. И онъ явится сюда. Но тогда и Укко будетъ здѣсь, и берегитесь, господинъ Енгушевъ—Козельскій!.. Измѣнникъ! Предатель! Иуда!

— А ты любилъ ее?—тихо, и какъ будто съ трудомъ, выговорила Эвелина.

— Марію? Да, любилъ, — твердо отвѣтилъ Эдвинъ.—Любилъ страстно, беззавѣтно и безумно. Да, безумно, потому что ввелъ ее туда, куда ей, слабой женщинѣ, рабынѣ страстей, не должно было быть доступа. И за эту любовь я едва заплатилъ своей головой, но что еще важнѣе—крушеніемъ всего нашего дѣла.

Несмотря на темноту, можно было замѣтить, какъ разгорались глаза Эвелины, какъ судорожно вытягивались ея прекрасныя губы, какъ сплелись и хрустнули ея маленькія, но сильныя руки.

— Какъ хорошо, что она умерла!—тихо твердо проговорила молодая женщина.

Терве вздрогнулъ и внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Да, хорошо!—повторила Эвелина.—Потому что она стояла между мной и тобой; между нами и дѣломъ.

Вѣтеръ, сорвавшійся было нѣсколькими порывами, вдругъ какъ-то сразу утихъ. Паруса безпомощно опустились. «Nirvana» замерла на мѣстѣ.

— Съ моря туманъ!—проговорилъ подошедшій съ бака Тимошка.

— Гдѣ мы?—спросилъ его Терве.

— Позвольте карту, я покажу!

Терве и Тимошка спустились въ каюту.

— Здѣсь,—сказалъ матросъ, указывая мѣсто на развернутой передъ нимъ картѣ.

— Намъ нужно пройти еще миль пять,—сказалъ Терве.—Ну, Тимофей! Ваша вахта кончилась! Теперь уже одиннадцать часовъ ночи. Можете идти спать. Разбудите Таалу и сдайте ей вахту. Да! Вотъ что! Не хотите-ли передъ сномъ выпить стаканчикъ добраго вина? Вы заработали свой отдыхъ.

— Не откажусь!—тряхнувъ головой, сказалъ Тимошка.

Терве прошелъ въ другое отдѣленіе каюты, досталъ изъ маленькаго буфета бутылку и въ большой серебряный стаканчикъ. Наливъ вина, онъ ловкимъ движеніемъ всыпалъ въ него какое-то бѣлаго порошку и вышелъ къ Тимошкѣ. Матросъ крикнулъ и сразу опрокинулъ стаканчикъ себѣ въ ротъ. Затѣмъ обтеръ рукою губы, пожелавъ командиру покойной ночи, отправился къ себѣ на кубрикъ.

«Черезъ полчаса онъ будетъ спать сномъ праведника и не проснется ранѣе восьми часовъ утра»,—подумалъ про себя Терве, провожая глазами Тимошку.

Затѣмъ онъ вышелъ на палубу. На руль стоялъ дѣла Эвелина. Угрюмый Таалу, смѣнившій Тимошку, былъ уже на своемъ мѣстѣ на бакѣ. Яхта съ повиснувшими парусами, едва замѣтно покачивалась на зыби.

— Сампо!—крикнулъ Терве, наклоняясь надъ кубрикомъ.

Бѣлокурый Эрикъ Сампо поднялся на палубу.

— Намъ необходимо пройти еще пять миль. Аккумуляторы въ порядкѣ?

— Въ порядкѣ,—отвѣтилъ Сампо.

— Тогда моторъ въ ходъ!

— Есть!—отозвался Сампо и спустился въ кормовой трюмъ.

Вл. Тихоновъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: Глава V—Человѣкъ за бортомъ; глава VI—Тайна Нирваны; глава VII—Иванъ Ивановичъ.

Въ слѣдующемъ номерѣ „Синяго Журнала“ продолженіе коллективнаго романа И. Н. ПОТАПЕНКО.

Въ коллективномъ романѣ участвуютъ:
А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
І. І. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ послѣсловіемъ Вас. Регинина.

В. А. Тихоновъ.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, І. І. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова и В. А. Тихонова.

Часть І-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кривая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для угоженія явившейся въ притонѣ красавицы баронессы Марин, кн. показываетъ оставшійся у него „дубликатъ“ бриллианта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ убѣгаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и дѣтей распоряженіе своему вахтенному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1.232.323. Б.Б.Б. на которомъ ухаживаетъ изъ притона вонъ съ украденнымъ бриллиантомъ.

Вотомъ озадалъ нѣкто Перси. Въ тѣмномъ подвалѣ негрятки Салли онъ перекрашивается въ черный цѣвъ и поступаетъ лакеемъ—негрюмъ къ своей матери, и выискиваетъ бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившаго Шеррисона... Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату въбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ бриллиантъ (который вѣзался въ полость сапога) съ собой. Художникъ лавитъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгусева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаяно убиваютъ Федора.

Пе си (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Пребываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ рассматриваетъ у кн. Енгусева бриллиантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войнъ и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, заѣхавъ къ баронессѣ Марин, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгусева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблестъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakhell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, ш-г Кѣблестъ яко-бы заѣхалъ въ Россію (передаютъ его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandaloutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Дотъ-Стритъ, толпами валить въ „Кривую Мышеловку“, у которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и гениальные „богемицы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не реклами ли все происшедшее съ бриллиантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Нери и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгусева. Нери долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантѣ князя Енгусева. Цифры 172, по уверенію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Занъ, Іотъ.

Во время его разсказа къ инспектору является ш-г Кѣблестъ и докладываетъ, что негрятка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вървая приказанію ш-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ расслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и представляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стѣпаномъ о происшествіи въ „Кривой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученье, маневры яхтъ-клуба...

Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“,—и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ П-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матросъ Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, шѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негряткой и миссъ Эвелина Деконоръ. Оставшись одинъ, Терве просмотрѣлъ нѣсколько бумагъ, касающихся авантюръ кн. Енгусева и баронессы Марин и далъ клятву поймать авантюристу... Ночью онъ встрѣчаетъ въ гостиницѣ свою мать и черную Салли. Мать проситъ сына кончить все маскарады и жизнь подъ чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу,—и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафѣ бульвара художники Краббъ и Калина, прѣхавшіе тайно на родину, встрѣчаютъ заграничнаго репортера Спринга, выслѣживающаго кн. Енгусева по порученію своей газеты,—и все трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Послѣ изрядной выпивки, новые знакомые ѣдутъ кататься на яхтѣ Нечипоренко въ море, гдѣ встрѣчаютъ „Nirvanu“. Эдвинъ Терве пытается догнать таинственную яхту, но неудачно. Эдвинъ Терве выѣзжаетъ далеко въ море, гдѣ онъ долженъ встрѣтить пароходъ, на которомъ ѣдетъ „Темный Укко“.

ГЛАВА V.

ЧЕЛОВѢКЪ ЗА БОРТОМЪ.

Черезъ нѣсколько минутъ подѣ кормой «Нирваны» едва слышно заработалъ винтъ и яхта плавно двинулась впередъ.

Эдвинъ Терве сѣлъ опять на свое мѣсто у руля.

— Какой туманъ!—сказала Эвелина.

— Да, но на этотъ разъ онъ намъ на руку.

И молодые люди замолчали, вглядываясь въ даль моря. Прошло съ полчаса.

— Жечь фальшфейера!—скомандовалъ Терве, взглянувъ на свѣтящійся циферблатъ своихъ карманныхъ часовъ.—И черезъ каждые пять минутъ по ракеткѣ!

— Есть!—отозвался Таалу съ бака.

— Это сигналъ ему?—спросила Эвелина.

— Да, Эвелина! Это сигналъ «Темному Укко».

— Онъ здѣсь?

— Да, по всѣмъ расчетамъ, онъ долженъ быть уже близко.

Носъ яхты освѣтился зеленымъ бенгальскимъ огнемъ, а черезъ минуту маленькая ракетка, съ легкимъ шипѣніемъ взвилась на воздухъ.

— Какой туманъ!—повторила Эвелина.— Неужели мы не разминемся въ этой тѣмѣ?

— Если Богъ за наше дѣло, то...

Вторая ракетка взвилась въ воздухъ. Терве оборвалъ фразу и сталъ прислушиваться. Гдѣ-то далеко-далеко завывала сирена, а вслѣдъ за нею загудѣлъ свистокъ парохода.

— Вотъ онъ!—сказалъ Терве.

— Кто?

— «Абсалонъ», пароходъ, на которомъ идетъ Укко.

— Онъ ѣдетъ пассажиромъ?

— Нѣтъ, какъ матросъ, но на пароходѣ его

*) См. „Синій Журналь“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37 и 39.

никто не знает. Здѣсь онъ долженъ пересѣсть къ намъ. Онъ бросится въ воду и мы примемъ его.

Сирена выла все ближе и ближе. Терве нажал кнопку—винтъ сразу пересталъ работать, но яхта шла еще нѣсколько времени впередъ силой своей пловучести. Потомъ колыхнулась и почти замерла на мѣстѣ.

На носу опять взвилась ракетка. Терве всталъ и прошелъ на бакъ.

— Довольно!—сказалъ онъ Таалу, готовившемуся зажечь новый фальшфейеръ.—Приготовься самъ.

— Я готовъ,—отвѣтилъ Таалу, сбрасывая съ себя матросскую куртку.

Эрикъ Сампо поднялся наверхъ.

— Какія приказанія?—спросилъ онъ.

— Будь у мотора. Если я дамъ сигналъ — пускать самый сильный ходъ.

— Есть!—отозвался Сампо и спустился обратно внизъ.

Сирена гудѣла совсѣмъ ужъ близко. Звонилъ колоколь. Звуки плыли сквозь мягкой туманъ. Какое-то неясное шипѣніе и тихій шумъ слышался впереди.

— Вотъ!—сказалъ Таалу, указывая рукой на громадную черную массу, обрисовавшуюся сквозь туманъ.

Терве вынулъ изъ кармана маленькій серебряный рожокъ, и три звонкихъ мелодичныхъ ноты прорѣзали воздухъ. И почти вслѣдъ за этимъ,

на пароходѣ, бывшемъ уже въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ яхты, раздался громкій крикъ:

— Человѣкъ за бортомъ!

И въ то же мгновение полуобнаженный Таалу, какъ змѣя скользнулъ съ яхты въ воду.

— Человѣкъ за бортомъ!—повторилъ вахтенный матросъ на ютѣ парохода.

На капитанскомъ мостикѣ слышалось какое-то ворчанье, потомъ явственно донеслись англійскія слова:

— Туда ему и дорога!

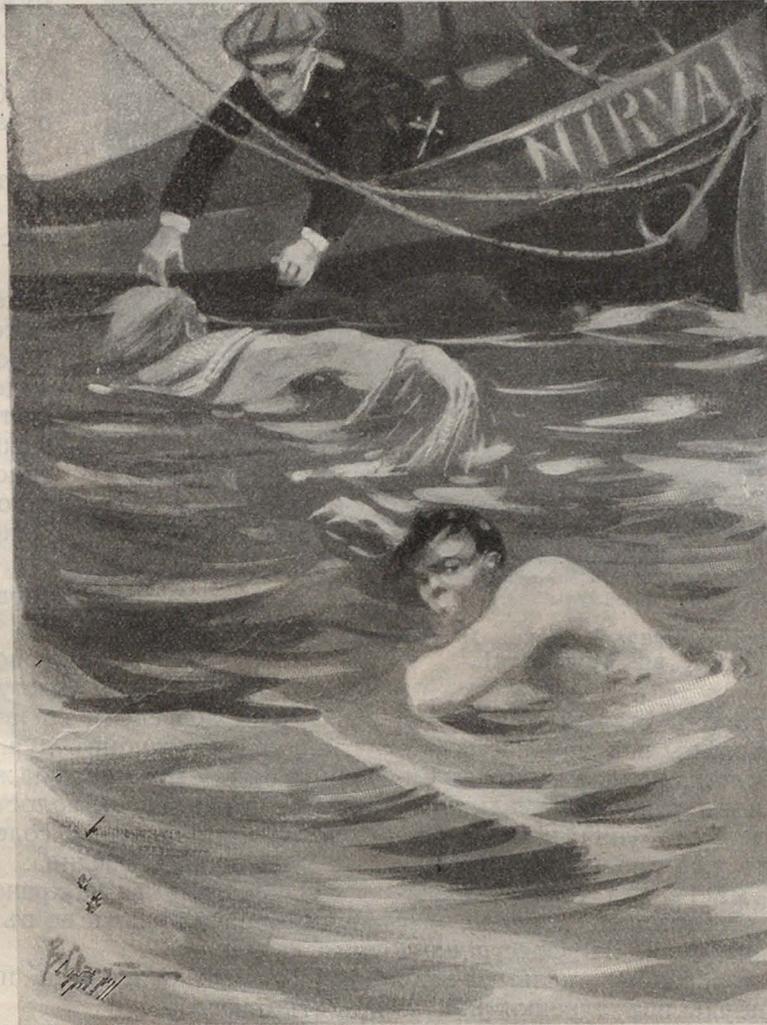
И темный массивъ «Абсалона» проплылъ мимо яхты.

— На яхтѣ—крикнулъ съ мостика капитанскій голосъ.—Тутъ одинъ дуракъ вывалился! Подберите его! Мнѣ некогда останав...

Окончаніе его словъ заглушилъ густой ревъ пароходнаго гудка. Потомъ послышался звонъ колокола на удалявшемся «Абсалонѣ» — и все стихло.

Терве, стоя на борту «Нирваны», прислушивался чуткимъ ухомъ. Глаза его напряженно смотрѣли въ туманъ. Лицо какъ бы окаменѣло. Но вотъ донеслось тихое всплескиваніе, все ближе и ближе, лицо Терве просіяло, онъ опустил на колѣни и протянулъ обѣ руки впередъ: два человѣка подплывали къ яхтѣ.

Рисунокъ В. С. Свѣцова.

Терве опустился на колѣни и протянулъ обѣ руки впередъ: два человѣка подплывали къ яхтѣ...

Ловкимъ движеніемъ подхватилъ перваго Терве подъ мышки, и при помощи подплывшаго Таалу, вытянулъ на палубу. Таалу вслѣдъ за нимъ вскарабкался самъ.

«Темный Укко», вытасченный изъ моря, нѣкоторое время молча и неподвижно сидѣлъ на подставленной ему «банкѣ». Вода струилась съ него цѣлымъ потокомъ. Сѣдые волосы слиплись на темномъ лицѣ. Эвелина, поднявшись изъ гокъ-пита, подошла къ нему. Эрикъ Сампо вылѣзъ изъ трюма и присоединился къ ихъ группѣ. И всѣ они молча смотрѣли на сидѣвшаго старика.

Потомъ «Темный Укко» началъ кашлять и выплевывать проглоченную имъ воду за бортъ. Затѣмъ, откашлявшись и отплевавшись, поднялся на ноги и, вытянувъ руку къ небу, тихо, но внушительно проговорилъ:

— «Все проходитъ».

Всѣ почтительно склонили голову.

— Аминь!—подтвердилъ Эдвинъ Терве.

ГЛАВА VI.

ТАЙНА «НИРВАНЫ».

Черезъ часъ, въ каютѣ «Нирваны» засѣдалъ великій совѣтъ. На предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ Эдвинъ Терве; справа отъ него, переодѣтый въ сухое платье, Темный Укко; слѣва—Эвелина Дѣконоръ, а напротивъ—Эрикъ Сампо. Мартинъ Таалу стоялъ на вахтѣ, а Тимошка спалъ въ кубрикѣ сномъ праведника. Среди стола, на маленькой черной бархатной подстилкѣ, лежалъ, переливаясь всѣми цвѣтами радуги и ослѣпительно сверкая—бриллиантъ-талисмани.

Гу уноль В. С. Сварога

— Вотъ онъ!—говорилъ старый Укко.—Я нашель его, преодолѣвъ всѣ трудности!..

— Вотъ онъ!—говорилъ старый Укко.— Я нашель-таки его, преодолѣвъ всѣ трудности. Но часть твоихъ бумагъ, Матти, попала въ руки Енгушева, а стало быть и въ руки правительственной полици. Я хотѣлъ было уничтожить и самага Енгушева, но было уже поздно: его укрыли въ самомъ надежномъ мѣстѣ для такихъ предателей, т. е. въ тюрьмѣ. Теперь онъ, конечно, уже на свободѣ и гонится за нами. Въ Одессу намъ возвращаться никоимъ образомъ нельзя: надо укрыться въ какомъ-нибудь изъ турецкихъ портовъ—въ Трапезундѣ, напримѣръ. А ужъ если въ русскомъ, то въ Батумѣ. Достаточно-ли запасовъ на «Нирванѣ»?

— Все есть!—отвѣтилъ Терве.—Аккумуляторы заряжены и электрическій опрѣснитель дастъ намъ достаточно воды. Провизіи—въ избыткѣ. Но въ Одессѣ осталась моя мать.

— Матти!—строго сказалъ «Темный Укко»,— наша мать—наше дѣло! Ему мы служимъ, ему мы принадлежимъ безраздѣльно. Изъ сколькихъ членовъ состоитъ теперь наше братство?

— Изъ посвященныхъ первой степени—одиннадцать; братьевъ-мастеровъ-работниковъ — тысячу четыреста шестьдесятъ два; вольныхъ каменщиковъ, приблизительно, мы можемъ считать около пятнадцати—шестнадцати тысячъ, считая по десяти на каждого мастера; сочувствующихъ намъ надо считать милліонами. Они есть вездѣ: и въ Европѣ, и въ Азіи, и въ Америкѣ, и въ Австраліи, и въ Африкѣ. Всѣ, кого давить гнетъ страшнаго милитаризма; всѣ, кому живется тяжело подъ зо-

лотой пятой капитала; всѣ, кто угнетенъ грубой силой — всѣ будутъ съ нами, когда настанетъ великій день слиянія въ единое стадо съ единымъ пастыремъ, на небѣ.

— Мы раскуемъ меч на орала, — сказалъ «Темный Укко».

— Мы поставимъ въ одну ступень женщину и мужчину, — продолжалъ Эвелина.

— Мы сравниваемъ права бѣдныхъ и богатыхъ, — отозвался Сампо.

— Аминь! — заключилъ Терве.

И затѣмъ, поднявшись, сказалъ:

— Я принимаю этотъ камень изъ твоихъ рукъ, Укко Гротгусъ, какъ знакъ гроссмейстерства нашего ордена. Я ввѣрю его въ святое храненіе русской женщины Катеринѣ Изоргиной, до сихъ поръ избиваемой вами, какъ Эвелина Дѣконоръ.

— Опять женщины! — сорвалось у Эрика Сампо.

— Эрикъ!—грозно заговорилъ Терве,—не ты-ли вступивъ въ наше братство

и будучи возведенъ во вторую ступень, клялся, что даже въ глубинѣ души твоей не будетъ разницы между женщиной и женщиной? И вдругъ ты теперь поднимаешь голосъ.

Сампо опустилъ голову.

Поднялась Эвелина.

— Принимая на храненіе эту святыню, я клянусь, что не отдамъ ее въ чужія руки даже мертвая.

— Также клялась и Марія, — проворчалъ опять Сампо.

— Потому я отдаю нашъ талисманъ Эвелинѣ,—началъ Терве,—чтобы какъ-нибудь въ минуту страсти, въ минуту малодушія не довѣрить ея какимъ-нибудь нечистымъ рукамъ—какъ—увылъ!—сдѣлалъ уже это однажды. Эта крѣпость, — продолжалъ онъ, указывая на Эвелину, — надеждѣ моего сердца.

— Дельфины!—раздался голосъ вахтеннаго. Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ и вышли на палубу.

Вл. Тихоновъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе В. Тихонова. Глава VII—Иванъ Ивановичъ
Продолженіе И. П. Потапенко. Глава VIII—Нежданный братъ и новая опасность. Глава IX—Умиряющій дьяволъ. Глава X—Стршшая исповѣдь

И. Н. Потапенко.

Въ коллективномъ романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ послѣсловиемъ Вас. Регинина.

В. А. Тихоновъ.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова и В. А. Тихнова.

Часть I-ая.

Въ труппахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрою пропадаетъ великолѣпный брилліантъ. Для успокоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Марин, кн. показываетъ оставшійся „дубликатъ“ брилліанта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ уѣзжаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и дѣтей распоряженіе своему вѣстному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1.232.323. Б.Б.В. на которомъ уѣхалъ изъ притона воиъ съ украденнымъ брилліантомъ.

Воиомъ оказалось нѣкто Перси. Въ тѣломъ подлѣ негрятки Салли онъ перекрашивается въ чернѣйшій цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негрѣмъ къ своей матери, и выискиваетъ брилліантъ себѣ подъ кожу на голѣвъ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственной надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки мѣлкихъ горюлей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ голѣвъ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ голѣва выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ (который вѣздался въ подолу сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень... Люди кн. Енгусева, старожилыне проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора.

Перси (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Енгусева брилліантъ, а въ послѣдствіи три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, гадный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войнъ и созданіе единого государства.

Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ злую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, заѣхавъ къ баронессѣ Марин, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горячій вѣтриги убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы (слезъ вырванъ и въ орбиту встареленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгусева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половиною ночи князь провела у баронессы.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблесъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Raskell“ сенсаціонныя разоблаченія и прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кѣблесъ яко-бы ѣздилъ въ Россію (передаются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandapoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стритъ, толпами валитъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и гениальные „богемы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не ѣдала ли все происшедшее съ брилліантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Нери и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгусева. Нери долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о брилліантѣ князя Енгусева. Цифры 172, по уверенію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Занн, Ют.

Во время его разсказа къ инспектору является м-г Кѣблесъ и докладываетъ, что негрятка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрчая приказанію м-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и представляли громаднѣйшій интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Степаномъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На м-г происходитъ обычное ученіе, маневры яхтъ-клуба...

По дню вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“, и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ И-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матросъ Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, не ѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негряткой и миссъ Эвелина Деконоръ. Оставшись одинъ, Терве просматриваетъ нѣсколько авантюръ кн. Енгусева и баронессы Марин и далъ клятву поймать авантюристу. Ночью онъ встрѣчаетъ въ гостиницѣ свою мать и черную Салли. Мать проситъ сына кончить все маскарады и жизнь подлѣ чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу, — и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафе бульвара художники Краббъ и Калина, пріѣхавшіе тайно на родину, встрѣчаютъ заграничнаго репортера Спринга, выслѣживающаго кн. Енгусева по порученію своей газеты, — и все трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Новые знакомые ѣдутъ кататься на яхтъ Нечипоренко въ море, гдѣ встрѣчаютъ „Nirvanu“. Эдвинъ Терве выѣзжаетъ далеко въ море, гдѣ встрѣчаетъ пароходъ съ „Темнымъ Укко“. Послѣдній бросается со спутникомъ въ воду и подплываетъ къ Нирванѣ. Укко нашелъ пропавшій брилліантъ, и теперь члены масонскаго ордена (Сампо, Те-ва, Эвелина, Укко) клянутся мстить кн. Енгусеву и отдадутъ камень на храненіе Эвелинѣ—Екатеринѣ Изоргинѣ.

ГЛАВА VI.

ТАЙНА „НИРВАНЫ“.

Свѣтало. Туманъ, казалось, рѣдѣлъ и поднялся кверху. Поверхность воды была уже чиста, и Мартинъ Таалу, показывая рукой на море, повторилъ нѣсколько разъ:

— Дельфины! Дельфины!

Дѣйствительно, хребты цѣлой стаи дельфиновъ, быстро шедшихъ на нордъ-остъ, виднѣлись надъ водой.

— Надо ждать очень свѣжаго вѣтра, потому что нордъ-остъ въ этомъ морѣ бываетъ жестокъ, — сказалъ Терве и затѣмъ, громко скомандовалъ: —взять всѣ рифы, готовиться къ шторму!

А затѣмъ, повернувшись къ «Темному Укко», спросилъ:

— А что ротмистръ Персинъ, подлѣ видомъ и документами котораго я такъ долго и удачно оперировалъ въ С.-Франциско?

— Онъ живетъ въ Мексикѣ, въ С.-Хуаресѣ. За нимъ былъ до сихъ поръ строгій надзоръ. Но теперь, когда въ этомъ надобности миновала, его или убьютъ или отпустятъ на всѣ четыре стороны.

— Зачѣмъ убивать? Онъ принесъ намъ зло, — сказала Эвелина.

— Потому что мы во время лишили его возможности приносить намъ зло, — отвѣтилъ ей Укко.

Подошелъ Сампо.

— Въ виду предстоящаго шторма, я думаю, намъ всѣмъ слѣдуетъ хорошенько закусить и выспаться, — предложилъ онъ. — Таалу побудетъ на вахтѣ, потомъ его смѣнитъ проспавшійся русскій.

Совѣтъ Сампо былъ одобренъ всѣми, и плотно позавтракавъ, каждый занялъ свою койку. Но спать пришлось недолго...

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14—40.

ГЛАВА VII.

«ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ».

Заревѣлъ нордъ-остъ и «Нирвана» на штормовыхъ парусахъ запрыгала, какъ горная козочка, по громаднымъ волнамъ. Терве былъ на руль; Укко и Эвелина, закутавшись въ непромокаемые плащи, сидѣли въ гокъ-питѣ; Сампо—на кливеръ-шкотахъ; Таалу смѣнялъ проспавшагося и освѣженного долгимъ сномъ Тимошку.

Бурю любятъ только тѣ, да и то платонически, кто не переживалъ ее на морѣ, а любовался ею съ берега. На морѣ же, даже на самыхъ большихъ пароходахъ, буря не представляетъ изъ себя ничего привлекательнаго. «Нирвана» была прекраснымъ, но, строго говоря, маленькимъ суденышкомъ, и громадныя волны швыряли ее, какъ щепку, перебрасывались черезъ палубу, зарывали ее носъ, подавали корму.

— Ты держишь на зюдь-вестъ,—сказалъ «Темный Укко»,—и напрасно, потому что этотъ вѣтеръ непродолжителенъ; а мы теряемъ только время. Пройти черезъ Босфоръ намъ все равно не удастся. Держи лучше на зюдь-остъ, если не прямо на остъ.

Терве послушался совѣта и повернулъ яхту. Теперь она крутымъ бакштагомъ летѣла обратно.

Но встряски отъ этого усиливались, волна перекатывала черезъ палубу, и Эвелина ушла въ каюту.

Болѣе часу неслась такъ «Нирвана».

— Впереди бѣдствуетъ какое-то судно!—крикнулъ съ вахты Тимошка.

Терве сталъ всматриваться. Какое-то бѣлое пятнышко то появлялось на гребнѣ волнъ, то исчезало въ безднѣ. Терве, движимый чувствомъ человѣколюбія, повернулъ носъ къ бѣдствующему суденышку и какъ разъ во время: безумные крики о помощи неслись уже оттуда.

— Да это «Иванъ Ивановичъ!»—воскликнулъ Тимошка, когда они были ужъ близко отъ яхты Нечипоренки.

— Готовъ спасательные пояса! Бросай круги! Весла на тузикъ! Сампо—готовься!—распоряжался Эдвинъ.

— Что ты дѣлаешь?—спросилъ его угрюмо «Темный Укко».

— Спасая,—коротко отвѣтилъ Эдвинъ.

— Но что ты будешь дѣлать со спасенными?

— Не знаю,—еще короче отвѣтилъ командиръ яхты, всѣмъ тѣломъ наваливаясь на румпель.

Началась борьба человѣка со стихіей. Человѣкъ вырывалъ своего брата изъ ея разъяренной пасти и человѣкъ остался побѣдителемъ. Черезъ какихъ-нибудь полчаса на палубѣ «Нирваны» было, уже четыре новыхъ пассажира: Нечипоренко, Спрингъ, Краббъ и Калина.

Всѣ они были въ самомъ жалкомъ видѣ, не

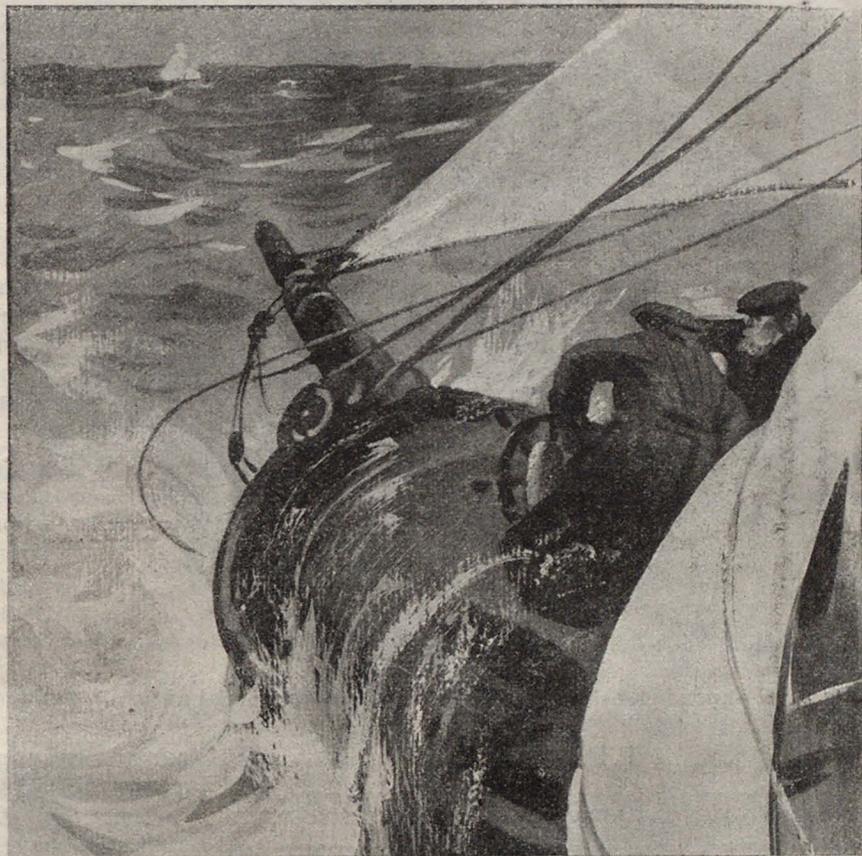
могли стоять на ногахъ и немилосердно отплевывали проглоченную ими соленую воду.

— А гдѣ же вашъ матросъ? Вѣдь, съ вами навѣрное былъ онъ?—спросилъ Терве.

— Его ужъ съ часъ назадъ, какъ смыло съ палубы!—отвѣтилъ вытрезвившійся и дрожащій Нечипоренко.

И вдругъ, взглянувъ на море, отчаянно махнулъ рукой:—прощай, мой милый «Иванъ Ивановичъ!»—крикнулъ онъ, видя, какъ его неуклюжее суденышко, хлебнувъ послѣдній разъ, пошло ко дну.—Одного жалко,—грустно добавилъ Нечипоренко,—коньякъ не успѣли дотить! Три бутылки

Рис. В. Сварога.

Терве повернулъ носъ къ утопающему судну...

въ каютѣ еще нераскупоренными остались. Теперь ими дельфины облопаются!

Спасеннымъ предложили спуститься въ кубрикъ, чтобъ тамъ переѣмнить свою мокрую одежду на сухое матросское платье. А оттуда уже пройти въ каютъ-кампанію, чтобъ подкѣрпиться.

Терве долго всматривался въ черты спасенныхъ имъ людей, наконецъ, подойдя къ одному изъ нихъ, громко сказалъ:

— Калина!

— Ради Бога, тише!—испугался тотъ. Здѣсь, въ Россіи, я не Калина, а Максъ Флей!

— Здѣсь, на «Нирванѣ», вы можете быть, чѣмъ вамъ угодно!—улыбнулся Терве, помогая Калинѣ спуститься по трапу въ каюту.

— Что ты съ ними будешь дѣлать?—настойчиво повторилъ свой вопросъ «Темный Укко», когда никого изъ спасенныхъ не было уже на палубѣ.

— Не знаю,—отвѣтилъ Терве. — Но одинъ изъ нихъ, вотъ именно этотъ самый Калина, прекрасный человѣкъ, и—кто знаетъ, можетъ быть, будетъ намъ очень полезенъ. **Вл. Тихоновъ.**

Рис. В. Сварога.

— Стойте!—произнесъ Максъ Флей, онъ же Калина. Вы видите?

ГЛАВА VIII.

НЕОЖИДАННЫЙ БРАТЪ И НОВАЯ ОПАСНОСТЬ.

Потерявъ изъ виду «Нирвану», веселые мореплаватели довольно долго еще блуждали среди сгустившася тумана. Старый «Иванъ Ивановичъ» крихтѣлъ отъ натуги; казалось, пронизанныя насквозь ночнымъ туманомъ его дряхлыя кости ныли отъ боли.

Но веселость ни на минуту не покидала случайно объединенныхъ новыхъ друзей. Только Спрингъ испытывалъ досаду, и отъ времени до времени уныло поглядывалъ въ туманное пространство, гдѣ скрылась неуловимая «Нирвана», а вмѣстѣ съ нею и тайна, такъ владѣвшая его истинно-репортерскимъ сердцемъ.

Новыя бутылки появлялись одна за другой, но осушалъ ихъ почти исключительно одинъ Нечипоренко. Онъ обладалъ какой-то дьявольской способностью, вливая въ свою утробу несмѣтную влагу, причемъ вслѣдъ за портеромъ туда отправлялось бургонское, а въ догонку ему слѣшили ликеры и коньякъ—оставаться, какъ казалось, на одной и тойже точкѣ опьяненія. Ему какъ бы былъ положенъ предѣлъ.

Маленькій Краббъ съ нескрываемой завистью смотрѣлъ на него и, будь у него свобода, онъ не пропустилъ бы случая помѣряться силами съ русскимъ пьяницей и установить американское первенство въ пьяномъ дѣлѣ. Но Максъ

Флей, онъ же Калина, всякій разъ, когда тотъ подносилъ стаканъ къ губамъ, толкалъ его въ бокъ, такимъ образомъ напоминая объ осторожности. Онъ страшно боялся, какъ бы невоздержный Краббъ, хвативъ черезъ мѣру, не выдалъ его. И Краббъ, самъ хорошо знавшій свою слабость, повиновался и ограничивался тѣмъ, что обмакивалъ губы въ напитокъ. При этомъ они говорили только по-английски, а хозяина услаждалъ неимовѣрнымъ враньемъ о чудесахъ Америки на ломанномъ русскомъ языкѣ Спрингъ.

Но наконецъ и голова Михаила Никифоровича не выдержала, и онъ вдругъ, прервавъ свою рѣчь на полусловъ, свалился подъ столъ.

— Не беспокойтесь, ваши благородія, — сказалъ старшій матросъ, бережно подбирая его недвижимое тѣло и перенося его на скамейку. — Это у нихъ всегда такъ. Долго бодрятся, а потомъ вдругъ и замрутъ. А часика черезъ два очухаются, выкачаютъ залпомъ бутылку аглицкаго портеру, и какъ ни въ чемъ не бывало. Еще въ кафешантану съ иностранными дѣвицами ужинать поѣдутъ.

И какъ только яхтой сталъ руководить трезвый и опытный матросъ, она сейчасъ же, несмотря на туманъ, взяла вѣрный курсъ. Скоро показались береговые огни, а черезъ полчаса американцы ощутили подъ своими ногами булыжную мостовую и поторопились какъ можно скорѣе оставить предѣлы гавани, предоставивъ матросамъ приводить въ чувство Нечипоренко.

Шель уже двѣнадцатый часъ ночи, когда они подымались по ступенямъ колоссальной гранитной лѣстницы къ Приморскому бульвару. Тумана, тяжелой пеленой окутывавшаго море и нижнюю береговую часть города, здѣсь наверху не было и слѣдовъ.

Весело горѣли фонари. Толпа горожанъ въ свѣтлыхъ лѣтнихъ одеждахъ живой стѣной медленно двигалась по главной аллеѣ бульвара. Въ буфетѣ заливался небольшой оркестръ, всѣ столы были заняты. Публика ѣла мороженое и пила фруктовые воды и ликеры.

— Къ чорту ихъ, — сказалъ Калина, — надо ѣла мнѣ толпа. Къ тому же, я въ этомъ тропическомъ костюмѣ порядочно-таки продрогъ на морѣ. Пойдемте по домамъ.

Товарищи согласились, и они вышли на Екатерининскую улицу, потомъ свернули направо и дошли до городского театра, неподалеку отъ Пале-Рояля. Здѣсь стояли гамъ и толкотня. Въ театрѣ кончился спектакль гастролировавшей московской труппы, былъ разѣздъ. Публика валила изъ всѣхъ дверей. Колеса экипажей гремѣли по гранитнымъ кубикамъ мостовой.

— Стойте, — вдругъ таинственно и негромко произнесъ по-английски Максъ Флей, онъ же Калина, и, разставивъ обѣ руки, преградилъ ими дорогу своимъ спутникамъ.—Вы видите?

И. Потапенко.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

И. Н. Потапенко.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
Г. Г. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будицевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ по-
слѣдствіемъ Вас. Ре-
цензия.

?

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, Г. Г. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича,
А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгушева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для успокоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Маріи, кн. показываетъ оставшійся у него „дубликатъ“ бриллианта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ уѣзжаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и даетъ распоряженіе своему вахтенному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1.232.323. Б.Б.Б., на которомъ уѣхалъ изъ притона воръ съ украденнымъ бриллиантомъ.

Воромъ оказался нѣкто Перси. Въ темномъ подвалѣ негритянки Салли онъ перекрашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негромъ къ своей матери, и шиваетъ бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье, Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ исконы хранился бриллиантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ бриллиантъ (который врезалъ въ подошву сапога) съ собою. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ внимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгушева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаяно убиваютъ Федора. Перси (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Пребываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ рассматриваетъ у кн. Енгушева бриллиантъ, а въ последнемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организации, поставившей себѣ задачей уничтоженіе воинъ и созданія единого государства.

Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, забравъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгушевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгушева. Князь клянется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитый сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблестъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakhell“ сенсационная разоблаченія прошлаго кн. Енгушева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кѣблестъ яко-бы ѣздилъ въ Россію (передаются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandapoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стритъ, толпами валютъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и гениальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не реклама ли все происшедшее съ бриллиантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, наденный въ глазъ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Неври и узнаетъ камень, слѣданный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгушева. Неври долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантѣ князя Енгушева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Заннъ, Йотъ.

Во время его разсказа къ инспектору является м-г Кѣблестъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрная приказанію м-та Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались всѣ цѣлы и представляютъ громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ N—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стопманомъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученье, маневры яхтъ-клуба...

Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“,—и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ N-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матросъ Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, пріѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негритянкой и миссъ Эвелина Деконоръ. Оставшихъ одинъ, Терве просматриваетъ бумаги, касающіяся авантюры кн. Енгушева и баронессы Маріи и даетъ клятву поймать авантюриста. Ночью онъ встрѣчаетъ въ гостиницѣ свою мать и Черную Салли. Мать проситъ сына кончить всѣ маскарады и жизнь подѣлать чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу,—и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часть.

На слѣдующій день въ кафѣ бульвара художники Краббъ и Калина, пріѣхавшіе тайно на родину, встрѣчаютъ заграничнаго репортера Спринга, выслѣживающаго кн. Енгушева по порученію своей газеты,—и всѣ трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Послѣ изрядной выпивки, новые знакомые ѣдутъ кататься на яхтѣ Нечипоренко въ море, гдѣ встрѣчаютъ „Нирвану“ Эдвина Терве. Спрингъ пытается догнать таинственную яхту, но неудачно. Эдвинъ Терве выжидаетъ далеко въ морѣ, гдѣ онъ долженъ встрѣтить пароходъ, на которомъ ѣдетъ „Темный Укко“. Послѣдній бросается со спутникомъ въ воду и подлываетъ къ Нирванѣ. Укко нашелъ пропавшій бриллиантъ, и теперь члены масонскаго ордена (Сампо, Терве, Эвелина, Укко) клянутся мстить кн. Енгушеву и отдаютъ камень на храненіе Эвелинѣ—Екатериинѣ Изоргиню.

Яхта Нечипоренко „Иванъ Ивановичъ“ тонетъ на глазахъ пассажировъ „Нирваны“ и Терве спасаетъ Спринга, Крабба, Калилу и Нечипоренко. На улицѣ города Калина (Максъ Флей) указываетъ пріятелямъ на нарядный экипажъ:

— Стойте! Вы видите?

ГЛАВА VIII.

НЕОЖИДАННЫЙ БРАТЪ И НОВАЯ ОПАСНОСТЬ.

— Мы не ослѣпли,—отвѣчалъ Краббъ,—но видимъ слишкомъ много для того, чтобы сказать да.

— Вотъ эта коляска, запряженная парой... взгляните въ черты лица этого джентельмена, который сидитъ въ ней рядомъ съ очаровательной лэди. Вглянитесь пристально, я вамъ говорю.

— Да, поразительно!—промолвилъ Спрингъ.

— Я убѣждаюсь, что въ Россіи еще водится нечистая сила!—замѣтилъ Краббъ съ изумленіемъ, вглядываясь въ лицо господина, сидѣвшаго въ коляскѣ.

— Клянусь вамъ, друзья мои, что тутъ дѣло можетъ обойтись и безъ нечистой силы,—воскликнулъ Максъ Флей и стремительно поднялъ во-

ротникъ своего легкаго пальто и закрылъ имъ нижнюю часть лица.

Среди множества экипажей, запрудившихъ улицу, коляска двигалась медленно, кучеру приходилось дѣлать большія усилія, чтобы успокоить горячихъ лошадей, рвавшихся впередъ и пугливо сторонившихся отъ тутъ-же рядомъ стрекотавшихъ автомобилей. Высокая стройная дама видимо волновалась изъ за этого и опасно поглядывала на сосѣдніе экипажи. Мужчину успокаивалъ ее.

Онъ былъ высокаго роста, плечистый и плотный. Было что-то богатырское въ его сложении. Но лицо, это смуглое, нѣсколько строгаго типа лицо, поразительно было схоже съ лицомъ Макса Флея, который теперь стоялъ на троттуарѣ, какъ бы застывъ въ изумленіи. Тѣ же красивыя крупныя черты, та же матовая смуглость кожи,

* См. „Синій Журналь“ №№ 14—41.

тотъ же фасонъ бороды и усовъ, только въ окраскѣ ихъ проглядывала начинавшаяся бѣлизна, да на вискахъ изъ-подъ широкой панамы чуть-чуть свисали сѣрыя пряди. И только это одно, нарушало иллюзію и отнимало право сказать, что это одно и то же лицо, одинъ и тотъ же человѣкъ.

— Друзья мои, — глубоко взволнованнымъ голосомъ сказалъ по-англійски мистеръ Флей, —

вы будете сидѣть и ждать меня вотъ здѣсь, въ кондитерской Фанкони. Я вернусь самое большее черезъ полчаса... Нѣтъ, нѣтъ, не спрашивайте. Я самъ еще не увѣренъ, что это не бредъ на яву. — Извозчикъ, — обратился онъ къ первому попавшемуся возницѣ, — ты поѣзжай позади вотъ этой коляски. Все время позади; я хорошо заплачу тебѣ, но смотри, чтобы не потерять изъ виду.

Онъ сѣлъ въ извозчикій экипажъ. Кучеръ оказался смышленнымъ, и очень ловко занялъ мѣсто какъ разъ позади коляски. На углу Дербасовской улицы экипажи разрѣдился, коляска повернула направо и лошади пошли рысью.

Извозчикъ не отставалъ. А мистеръ Флей, съ высоко поднятымъ воротникомъ, пристально слѣдилъ за всѣми ея движеніями и поворотами.

Пересѣкли Преображенскую, обогнули справа соборную площадь, покатали переулкомъ, повернули на Княжескую, поѣхали мимо красиваго зданія университета. Здѣсь мистеръ Флей замѣтилъ, что коляска взяла направо, къ панели, какъ будто съ цѣлью остановиться у подъѣзда. Онъ схватилъ извозчика за рукавъ.

— Шагомъ и прямо! — тихо сказалъ онъ ему.

Извозчикъ слегка осадилъ лошадь и медленно проѣхалъ мимо коляски, въ то время, какъ высокій господинъ и его дама сошли на землю и вошли въ растворившуюся передъ ними дверь подъѣзда.

Мистеръ Флей доѣхалъ до перекрестка и остановилъ возницу.

— Вотъ тебѣ пока цѣлковый, погоди здѣсь минуту, заработаешь другой, — сказалъ онъ, и выскочивъ изъ пролетки, быстро пошелъ обратно.

Коляска уже куда-то скрылась. Онъ подошелъ къ подъѣзду и внимательно осмотрѣлъ его, затѣмъ приблизился къ воротамъ и поднялъ голову.

На освѣщенномъ фонаремъ металлическомъ кружкѣ была совершенно явственная надпись, прочитавъ которую, мистеръ Флей на минуту какъ бы вторично остолбенѣлъ.

«Нѣтъ, — сказалъ онъ себѣ, — я должно быть еще не протрезвился отъ выпитаго на этой глупой яхтѣ вина»...

«Домъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Павла Мартыновича Калины».

Такъ гласила надпись на домѣ. И мистеру Флею, который, сѣвъ въ тѣ же дрожки, ѣхалъ уже по направленію къ кондитерской Фанкони, гдѣ ждали его друзья, не нужно было слишкомъ напрягать свою память, чтобы вспомнить своего родного брата, съ которымъ онъ по неволѣ разстался лѣтъ десять тому назадъ, когда ему пришлось безъ оглядки, не успѣвъ даже захватить чемоданъ съ бѣльемъ, бѣжать изъ отечества.

Но это было въ Кіевской губерніи, гдѣ онъ родился и выросъ. А Павелъ Калина въ то время состоялъ уже на гражданской службѣ и дѣлалъ довольно счастливую карьеру, такъ

какъ родители не оставили имъ ни гроша.

И вдругъ онъ здѣсь, дѣйствительный статскій совѣтникъ, можетъ быть, вліятельный, у него свои лошади, свой домъ. Эта очаровательная женщина, должно быть, его жена.

Въ тотъ моментъ, когда Флей прочиталъ надпись на воротахъ, первой мыслью его было постучаться въ дверь, проникнуть въ домъ, сказать, но обычная осторожность, усвоенная имъ за много лѣтъ скитаній по свѣту, остановила его.

— Ну, нѣтъ. Это не дѣлается такъ просто. Да и нужно-ли? Зачѣмъ? Давно это было... утратилась всякая связь. Ничего общаго между нами нѣтъ. И тогда мало было, и тогда ужъ они смотрѣли въ разныя стороны, — одинъ дѣлалъ карьеру, а другой мечталъ облагодѣтельствовать человечество, — а теперь и подавно. Не сантиментальничать же ему, въ самомъ дѣлѣ, по поводу

Рис. В. Сварога.

Мистеръ Флей, съ высоко поднятымъ воротникомъ, пристально слѣдилъ за всѣми движеніями коляски...

внезапно найденного брата. Не разыгрывать же ему старинный чувствительный романъ.

Въ кондитерской, наполненной публикой, за маленькимъ мраморнымъ столикомъ сидѣли и нетерпѣливо ждали его два джентельмена. Передъ ними стояли графинчикъ съ ликеромъ и мороженое.

Мистеръ Флей опустился на приготовленный для него стулъ.—Нѣтъ,—сказалъ онъ, отодвигая отъ себя рюмку, въ которую Краббъ предупредительно налилъ ликеру. — Довольно отравляться. Мнѣ нужна теперь здоровая голова.

— Въ чемъ же дѣло? — въ одинъ глотокъ спросили его Краббъ и Спрингъ.

— А вотъ, когда я самъ буду въ состояннн вполнѣ точно отвѣтить на этотъ вопросъ, тогда и вамъ расскажу... А теперь — чортъ знаетъ, я готовъ усумниться даже въ томъ, что я Максъ Флей.

— Въ сомнѣннн всегда загибается истина,—замѣтилъ Краббъ, и сейчасъ же самъ себя закрылъ ротъ, такъ какъ брошенный на него грозный взглядъ мистера Флея напомнилъ ему объ осторожности.

— Я говорилъ, что этотъ маленький морской ракъ во что бы то ни стало хочетъ видѣть одного изъ насъ на висѣлицѣ... Господа, — продолжалъ мистеръ Флей, — не знаю, какъ у

васъ, а у меня въ головѣ точно завелось гнѣздо мышей, и я больше не въ состояннн реагировать на внѣшннн впечатлѣннн. Дьяволь свелъ насъ съ этимъ пьянымъ русскимъ спортсменомъ, и тотъ же дьяволь продолжаетъ играть нами и до сихъ поръ. Я предпочитаю отправиться домой.

— Тш... слушайте!—осторожно толкнувъ его въ бокъ, надъ самымъ ухомъ, прошепталь Спрингъ.

За сосѣднимъ столомъ сидѣли господа въ чечунчевыхъ пиджакахъ, съ смуглыми лицами, съ красными толстыми губами и длинными горбатыми носами, повидимому, греки. Одинъ изъ нихъ, только что пришедшнн, рассказываль другимъ сенсацнннн новость.

— Какъ вамъ это понравится? — говорилъ онъ высокимъ тоненькимъ фальцетомъ, и при этомъ его выпуклые, какъ бы выльзакшнн на лобъ, шоколаднаго цвѣта глаза выражали такой

испугъ, какъ будто онъ видѣлъ передъ собою страшное событнн. Онъ безбожно сюсюкаль и невыговариваль правильно ни одной согласной:— какое ужасное происшествнн!.. Два часа тому назадъ въ квартиру директора гимназнн, господина Велопюса, вломились четыре разбойника, и прямо, понимаете, на глазахъ у родителей похитили молоденькую шестнадцатилѣтннн дочь... Прямо на глазахъ. Какъ вамъ это понравится? Пришли и взяли, и унесли, какъ барашка. Понимаете? Че-

Рис. В. Сварога.

За сосѣднимъ столомъ сидѣли господа въ чечунчевыхъ пиджакахъ, съ смуглыми лицами... Одинъ изъ нихъ, только что пришедшнн, рассказываль сенсацнннн новость...

тыре огромныхъ молодца въ маскахъ... Какъ вамъ это понравится!..

Рассказчикъ, очевидно, не довольствуясь впечатлѣнннмъ, производимымъ его рассказомъ на трехъ собесѣдниковъ, повертываль свою черную голову влево и вправо, старался говорить какъ можно громче, чтобы всѣ слышали. Публика, дѣйствительно, заинтересовалась. Многнн покинули свои столики и окружили его. А онъ, поощренный успѣхомъ, еще болше возвысилъ свой писклявый голосъ и продолжалъ.

— Когда они вошли, эти великаны въ маскахъ, всѣ онѣмѣли и застыли на мѣстѣ. Понимаете, никто не могъ двинуться. И всѣ разомъ голосъ потеряли. Открыли рты, чтобы кричать и, понимаете, нѣтъ голоса... И замѣтите, замѣтите, что это были иностранцы, потому что они

разговаривали между собой на какомъ-то непонятномъ языкѣ, понимаете, совершенно непонятномъ; даже самъ родитель, директоръ Велопюсъ, ученый человекъ, не поняль... Должно быть, турецки, а можетъ, и по-американски... Можете себя представить... А теперь полицнн по всему городу рыщетъ и, говорятъ, уже напала на слѣдъ. А?.. какъ вамъ это понравится? Шестнадцатилѣтннн дѣвченка, еще даже курса не кончила...

И. Потапенко.

(ПРОДОЛЖЕНН РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженн И. Н. Потапенко:
Глава VIII—Неожиданный братъ и новая опасность.
Глава IX—Умирающнн дьяволь. Глава X—Страшная исповѣдь.

?

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
Г. Г. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будичевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
съ необходимымъ по-
словиемъ Вас. Ре-
гинина.

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, Г. Г. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича,
А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгушева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для успокоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Маріи, кн. показываетъ оставшіяся у него „дубликатъ“ бриллианта, но принимаетъ за автомобиль № 1.232.323. Б.Б.Б. на которомъ уѣхалъ изъ притона воръ съ украденнымъ бриллиантомъ.

Воромъ оказался цѣлто Перси. Въ темномъ подвалѣ негритянки Салли онъ перекрашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негромъ къ своей матери, и шиваетъ бриллиантъ себѣ подъ кожу на кофты.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственною надписью, положила его въ дюльку только что родившагося Шеррисона. Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату въбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ кофты. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ кофты выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ бриллиантъ (который вѣрзался въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгушева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Перси (онъ же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Пробываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Енгушева бриллиантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе воиновъ и созданія единого государства.

Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгушевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгушева. Князь кланется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитый сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кёблессъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Ruckell“ сенсаціонныя разоблаченія прошлаго кн. Енгушева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кёблессъ яко-бы ѣздилъ въ Россію (передаютъ его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandaneutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неудовима.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стрингъ, толпами валютъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и генеральные „богемы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не реклама ли все происшедшее съ бриллиантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Неври и узнаетъ камень, съдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгушева. Неври долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантѣ князя Енгушева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Зайнъ, Йогъ.

Во время его разсказа къ инспектору является м-г Кёблессъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрная приказанію м-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и представляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

Въ Россіи... Командоръ Н—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ послуживцемъ Стопаномъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученіе, маневры яхтъ-клуба... Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“,—и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матрость Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, прѣехали ли въ гостиницу старая миссъ съ негритянкой и миссъ Эвелина Декоронъ. Оставшись одинъ, Терве просматриваетъ бумаги, касающіяся авантюры кн. Енгушева и баронессы Маріи и даетъ клятву поимать авантюриста. Ночью онъ встрѣчаетъ въ гостиницѣ свою мать и Черную Салли. Мать проситъ сына кончить все маскарады и жизнь подъ чужими именами. Мистеръ Перси наоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу,—и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обещая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафѣ бульвара художники Краббъ и Калина, прѣхавшіе давно на родину, встрѣчаютъ загримированнаго репортера Спринга, высѣживающаго кн. Енгушева по порученію своей газетѣ, и все трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Послѣ изрядной выпивки, новые знакомые ѣдутъ катайся на яхтѣ Нечипоренко въ море, гдѣ встрѣчаютъ „Нирвану“ Эдвина Терве. Спрингъ пыгается догнать таинственную яхту, но неудачно. Эдвинъ Терве выѣзжаетъ далеко въ море, гдѣ онъ долженъ встрѣтить пароходъ, на которомъ ѣдетъ „Темный Укко“. Послѣдній бросается со спутникомъ въ воду и поддываетъ къ Нирванѣ. Укко нашелъ пропавшія бриллианты, и теперь члены масонскаго ордена (Сампо, Терве, Эвелина, Укко) кланются мстить кн. Енгушеву и отдадутъ камень на храненіе Эвелинѣ—Екатериинѣ Изоргини.

Яхта Нечипоренко „Иванъ Ивановичъ“ тонетъ на глазахъ пассажировъ „Нирваны“ и Терве спасаетъ Спринга, Крабба, Калину и Нечипоренко. На улицѣ города Калина (Максъ Флей) видитъ въ проѣзжѣмъ экипажъ своего родного брата, съ которымъ давно разстался, ѣдетъ вслѣдъ за нимъ и узнаетъ адресъ.

Въ кофейнѣ, куда онъ возвратился, и гдѣ ожидали его товарищи,—какой-то южанинъ разсказываетъ о нападеніи на директора гимназіи Велопуса шанки разбойниковъ-иностранцевъ.

ГЛАВА VIII.

НЕОЖИДАННЫЙ БРАТЪ И НОВАЯ ОПАСНОСТЬ.

Спрингъ и Флей переглянулись между собой, но не сказали другъ другу ни слова. Мистеръ Флей подозвалъ лакея и ткнулъ ему въ руку монету. Затѣмъ они, точно по командѣ, поднялись, и безшумно, стараясь быть незамѣченными, вышли на улицу. Здѣсь они объяснили ничего не понимающему по-русски Краббу, въ чемъ дѣло.

— Ого,—сказалъ Краббъ,—это ужъ не въ бровь, а прямо въ глазъ; намъ не достаетъ только четвертаго. Но если здѣшняя полиція также находчива, какъ наша, то она его выдумаетъ. По моему, намъ слѣдуетъ сейчасъ же уѣхать изъ этого города.

— Мой милый Краббъ, бѣгутъ обыкновен-

но преступники, и это далъ бы только непровержимую улику противъ насъ,—замѣтилъ мистеръ Флей.

— Чортъ возьми! У насъ у всѣхъ сегодня разстроено воображеніе. Городъ кишитъ иностранцами. Съ какой стати намъ принимать это на свой счетъ? Къ тому же, во-первыхъ, насъ трое, а тѣхъ было четверо, во-вторыхъ, насъ даже не трое, а два и одинъ, такъ какъ Спрингъ остановился въ Крымской гостиницѣ, а мы въ Европейской, и въ третьихъ, мы могли бы безъ труда доказать свое алиби, такъ какъ два часа тому назадъ находились на яхтѣ, что можетъ засвидѣтельствовать Нечипоренко.

— Который былъ мертвецки пьянъ...

— Это все равно. Господа, по домамъ, рѣшительно по домамъ. Милый Спрингъ, завтра

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14—42.

утромъ мы соберемъ у насъ и будемъ со свѣжими головами держать совѣтъ о дальнѣйшемъ нашемъ образѣ дѣйствій.

Они разошлись. Но маленький Краббъ все время, пока они шли къ своей гостиницѣ, волновался и оглядывался, не идетъ ли позади полицейскій.

На другой день, Флей и его сожитель, занимавшій комнату рядомъ, проснулись поздно. Былъ двѣнадцатый часъ. Спрингъ еще не явился.

Наскоро одѣвшись, Флей позвонилъ, чтобы принесли кофе. Явился лакей съ подносомъ, на которомъ рядомъ съ посудой лежалъ небольшой конвертъ. Максъ Флей протянулъ руку и съ изумленіемъ взглянулъ на надпись. Тамъ стояло его имя, а почеркъ показался ему незнакомымъ.

«Это можетъ быть только отъ Спринга,— подумалъ онъ,— больше никто меня здѣсь не знаетъ. Ужъ не заболѣлъ ли?»

Онъ распечаталъ письмо и, прочитавъ заключавшія въ немъ три коротенькія строчки, какъ мячъ подпрыгнулъ на мѣстѣ.

— Краббъ, ради Бога иди сюда,— промолвилъ онъ, подойдя къ двери и постучавшись въ сосѣдній номеръ.

Мистеръ Краббъ не заставилъ ждать себя и точась же прибѣжалъ.

— Вотъ уже начинается. Читай.

Краббъ пробѣжалъ глазами строчки: «Будетъ чудо, если это письмо дойдетъ до васъ, друзья. Въ семь часовъ пришли и объявили, что я арестованъ. За что, неизвѣстно. Везутъ. Куда? Тоже неизвѣстно. Надѣюсь, что въ вашихъ головахъ проснется изобрѣтательность истинныхъ американцевъ, а ваши сердца зажгутся дружескимъ сочувствіемъ и вы изобрѣтете способъ освободить ни въ чемъ неповиннаго Спринга».

— Во-отъ...— сильно заикаясь, промолвилъ Краббъ,— я говорилъ вчера, что надо было ухъать.

— И тогда вмѣсто одного арестовали бы трехъ,— замѣтилъ мистеръ Флей.

— Но что же теперь дѣлать?

— Милый Краббъ, тебѣ ничего не дѣлать, ибо каждый твой шагъ обладаетъ способностью портить дѣло. Пей твой кофе и сиди смиренно въ комнатѣ, а я сейчасъ отправлюсь...

— Куда? Неужели ты оставишь меня одного при такихъ обстоятельствахъ? Вѣдь я ни слова не говорю на вашемъ несомнѣнно прекрасномъ, но все же варварскомъ языкѣ.

— Вотъ это и хорошо, такъ какъ это изба-

вляеть меня отъ жестокой необходимости, уходя, вырвать у тебя языкъ.

Онъ схватилъ шляпу и выбѣжалъ изъ комнаты. — Извозчикъ, на Княжескую! — крикнулъ онъ первому попавшемуся возницѣ и вскочилъ въ экипажъ.

Рис. Н. Герардова.

... „Краббъ все время оглядывался,— не идетъ ли позади полицейскій“...

Шагъ, который онъ предпринималъ, никоимъ образомъ нельзя было отнести къ разряду разумныхъ и хорошо взвѣшенныхъ дѣйствій. Что такъ случайно открытый вчера дѣйствительный статскій совѣтникъ Павелъ Мартыновичъ Калина былъ никто иной, какъ его старшій братъ, въ этомъ онъ теперь уже не сомнѣвался, и даже не видѣлъ тутъ ничего удивительнаго. Но поведетъ ли этотъ шагъ ко благу или наоборотъ, окончательное ухудшить положеніе, этого онъ никакъ не могъ предугадать. Братъ-то онъ, братъ, но въ то же время

онъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ, навѣрно дѣлаетъ карьеру, дорожитъ своимъ положеніемъ, и появленіе въ его домѣ господина, которому десять лѣтъ тому назадъ, можетъ быть, надлежало украшать собой висѣлицу, и при томъ носящаго одно съ нимъ имя, можетъ вызвать въ немъ желаніе поскорѣе избавиться отъ этого господина.

Мистеру Флею въ тѣ времена, когда онъ былъ еще настоящимъ Калиной, едва наступило девятнадцать лѣтъ, и своего брата, который былъ лѣтъ на пятнадцать старше, онъ зналъ очень мало. Кажется, это былъ добрый малый, но онъ по личному опыту хорошо зналъ, что десять лѣтъ—періодъ совершенно достаточный для того, чтобы добрый малый превратился въ порядочную свинью.

Но никакія соображенія не могли предостеречь его отъ рѣшительнаго шага. Что бы тамъ ни было, а онъ долженъ выручить Спринга, какими бы то ни было средствами, хотя бы рискуя головой. Собственная шкура была очень мила и дорога ему, но въ душѣ его таилось рыцарское чувство товарищества, которое теперь и руководило его дѣйствіями.

Было около двѣнадцати часовъ, когда извозчикъ пролетка повернула на Княжескую улицу и остановилась у подъѣзда, который вчера ночью такъ тщательно изучилъ мистеръ Флей. Черезъ нѣсколько секундъ онъ звонилъ у подъѣзда. Вышелъ почтенный лакей съ баками, въ темно-малиновой курткѣ.

— Я хотѣлъ бы видѣть Павла Мартыновича Калину,— сказалъ ему мистеръ Флей на совершенно правильномъ русскомъ языкѣ, только слегка окрашенномъ малороссійскимъ акцентомъ.

— А по какому дѣлу?

— По чрезвычайно важному дѣлу, которое могу объяснить только лично.

— Ихъ превосходительство собираются завтракать, и въ этотъ часъ не принимаютъ.

— Но дѣло такого рода, что не терпитъ ни малѣйшаго промедленія. Вотъ моя карточка—и при этомъ онъ передалъ ему карточку, на которой было обозначено, что онъ Максъ Флей изъ Санъ-Франциско.

Лакей съ перваго же момента началъ внимательно вглядываться въ его лицо. Должно быть, и ему бросилось въ глаза необыкновенное сходство этого лица съ лицомъ его барина. Когда же онъ взглянулъ на карточку и увидѣлъ, что она иностранная, то въ глазахъ его выразилось недоумѣніе и совершенная спутанность мыслей. Онъ исчезъ, оставивъ мистера Флея на улицѣ.

Однако, черезъ минуту его впустили въ богатую обставленную квартиру и черезъ цѣлый рядъ комнатъ ввели въ обширный кабинетъ, гдѣ не было ни души. Минутъ пять мистеру Флею было предоставлено знакомиться съ тяжелой старинной мебелью изъ краснаго дерева, съ монументальными шкафами, изъ которыхъ выглядывали стройные ряды солидныхъ и внушающихъ уваженіе переплетовъ, съ небольшими, но подлинными картинами, достоинство которыхъ онъ, какъ художникъ, тотчасъ же оцѣнилъ.

Наконецъ, вошелъ господинъ, — тотъ самый вчерашній господинъ съ начинавшейся просѣдью въ бородѣ и вискахъ, вошелъ и остановился, видимо, изумленный. Но, желая скрыть свое изумленіе, онъ любезно поклонился и проговорилъ:

— Господинъ Флей, повидимому, англичанинъ, и я долженъ извиниться, что къ сожалѣнію, не говорю по-англійски.

— Въ такомъ случаѣ мы будемъ говорить на нашемъ родномъ языкѣ,—сказалъ Флей.

— Родномъ? Вы, значить, русскій?

— На томъ языкѣ, которому обучала насъ обоихъ Наталья Андреевна Калина, наша покойная мать.

— Наша мать? Такъ значить... вы... ты...

На мгновеніе въ глазахъ его мелькнуло что-то теплое, но въ тотъ же мигъ исчезло и, казалось, какая-то темная непроницаемая маска покрывала его лицо.

— Подобное утвержденіе требуетъ неопровержимыхъ доказательствъ,—закончилъ онъ су-

химъ замкнутымъ голосомъ.—Не угодно-ли, — прибавилъ онъ указавъ на стулъ и самъ сядя въ кресло по ту сторону стола.

— Доказательствъ? — сдвинувъ плечами и разводя руками произнесъ Флей.—Къ сожалѣнію, я не Ахиллесъ и мои обѣ пятки похожи одна на другую точно также, какъ мое лицо походить на ваше.

— Да, сходство изумительное, но оно можетъ быть случайнымъ.

— Я могъ бы рассказать о старомъ Мартынѣ Терентичѣ Калинѣ, который въ короткой овчинной курткѣ и высокихъ сапогахъ, никогда не выпуская изо рта трубки, съ утра до вечера рыскалъ по полямъ и лѣсамъ князя Вислинскаго, у котораго онъ былъ управляющимъ. На этихъ поляхъ

Гис. П. Герардона.

... «Флей вошелъ въ обширный кабинетъ, гдѣ не было ни души»...

и въ тѣхъ лѣсахъ я проводилъ мое дѣтство въ то время, какъ мой старшій братъ въ Кіевѣ сперва учился, а потомъ служилъ...

— Это правдоподобно, — съ невозмутимо неподвижнымъ лицомъ произнесъ хозяинъ.

— Я могъ бы припомнить блѣдное худое лицо нашей матери Натальи Андреевны, съ прекрасными лучистыми глазами, всегда такими скорбными, какъ будто глядѣвшими въ иной міръ, куда она и переселилась такъ неожиданно для всѣхъ.

— И это соответствуетъ дѣйствительности. Но вы умолчали о самомъ главномъ и самомъ неприятномъ.

— О томъ, какъ я, Петръ Калина, будучи уже студентомъ, попалъ въ опасную исторію, заставившую меня бѣжать съ родины и искать пристанища въ далекой Америкѣ...

— Да, да, и этимъ чуть не погубилъ мою, такъ блестяще начатую, карьеру... Потомъ мнѣ стоило адскихъ усилій возстановить ее и съ большимъ опозданіемъ.

— Извиненіемъ служить то, что мнѣ грозилъ висѣлица.

И. Потапенко.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе И. Н. Потапенко:
Глава VIII—Неожиданный братъ и новая опасность.
Глава IX—Умирающій дьяволъ. Глава X—Страшная исповѣдь.

?

Зъ коллектив-
номъ романъ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
съ необходимыми по-
слѣловіемъ Вас. Ре-
гинина,

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгушева, за игрой пропадаетъ великолѣпный брилліантъ. Для успокоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Маріи, кн. показываетъ оставшіяся у него „дубликатъ“ брилліанта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ уѣзжаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и даетъ распоряженіе своему вахтенному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1.232.323. Б.Б.Б., на которомъ уѣхалъ изъ притона воръ съ украденнымъ брилліантомъ.

Воромъ оказался нѣкто Перси. Въ темномъ подвалѣ негритянки Салли онъ перекрашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негромъ къ своей матери, и шиваетъ брилліантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье, Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ извинить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ (который врѣзался въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгушева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Перси (онъ же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Пребываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Енгушева брилліантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданія единого государства.

Подписавшій „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ ядскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгушевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырѣзанъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгушева. Князь кланется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитый сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кёблесъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakhell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгушева. Въ погонѣ за послѣднимъ, ш-г Кёблесъ яко-бы ѣздилъ въ Россію (передаетъ его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngonche-Sandapoutha. Князь обрисованъ, какъ личностъ таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стригъ, толпами валютъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и геніальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не реклама ли все происшедшее съ брилліантомъ... Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазъ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Неври и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгушева. Неври долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о брилліантѣ князя Енгушева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Заинъ, Ютъ.

Во время его разсказа къ инспектору является ш-г Кёблесъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрная приказанію ш-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и представляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ Н—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стопманомъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученье, маневры яхтъ-клуба... Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“,—и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матрость Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, пріѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негритянкой и миссъ Эвелина Деконоръ. Оставшихъ одинъ, Терве просматриваетъ бумаги, касающіяся авантюръ кн. Енгушева и баронессы Маріи и даетъ клятву поймать авантюриста. Ночью онъ встрѣчаетъ въ гостиницѣ свою мать и Черную Салли. Мать проситъ сына кончить все маскарады и жизнь подъ чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу,—и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафѣ бульвара художники Краббъ и Калина, пріѣхавшіе тайно на родину, встрѣчаютъ замированного репортера Спринга, выслѣживающаго кн. Енгушева по порученію своей газеты, и всѣ трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Послѣ изрядной выпивки, но неудачно. Эдвинъ Терве выѣзжаетъ далеко въ море, гдѣ онъ долженъ встрѣтить пароходъ, на которомъ ѣдетъ „Темный Укко“. Послѣдній бросается со спутникомъ въ воду и подплываетъ къ Нирванѣ. Укко нашель пропавшій брилліантъ, и теперь члены масонскаго ордена (Сампо, Терве, Эвелина, Укко) кланяются мстить кн. Енгушеву и отдадутъ камень на храненіе Эвелинѣ—Екатеринѣ Изоргиной.

Яхта Нечипоренко „Иванъ Ивановичъ“ тонетъ на глазахъ пассажировъ „Нирваны“ и Терве спасаетъ Спринга, Крабба, Калину и Нечипоренко. На улицѣ города Калина (Максъ Флей) видитъ въ проѣзжѣмъ экипажѣ своего родного брата, съ которымъ давно разстался, ѣдетъ вслѣдъ за нимъ и узнаетъ адресъ.

Въ кофейнѣ, куда онъ возвратился, и гдѣ ожидали его товарищи,—какой-то южанинъ разсказываетъ о нападеніи на директора гимназіи Велопуса шайки разбойниковъ-иностранцевъ.

Боясь, что ихъ примутъ за этихъ разбойниковъ, друзья уходятъ и на утро узнаютъ, что Спрингъ арестованъ и проситъ о помощи. Калина отправляется къ узанному случайно на улицѣ, родному брату и открываетъ ему тайну своего псевдонима.

ГЛАВА VIII.

НЕОЖИДАННЫЙ БРАТЪ И НОВАЯ ОПАСНОСТЬ.

— Какой вздоръ! Я въ подробностяхъ разслѣдовалъ это дѣло и доказалъ, что участіе моего брата было случайно и ничтожно, и, если-бъ онъ тогда вернулся, то отдѣлался бы, можетъ быть, нѣсколькими мѣсяцами тюрьмы...

— Но я готовъ былъ бы высидѣть въ тюрьмѣ не мѣсяцы, а годы, только бы вернуть себѣ право жить на моей родинѣ и дышать ея воздухомъ!—горячо воскликнулъ Флей.

— Какъ? Такъ, значитъ, этого права у васъ еще нѣтъ? Вы эмигрантъ?

— Я гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

— Но вы можете быть каждую минуту арестованы и преданы суду... Впрочемъ, оставимъ это пока. Я все не такъ черствъ. Не думай, братъ, что я такъ черствъ, я только остороженъ. Мое положеніе обязываетъ быть осторожнымъ. Но я протягиваю тебѣ руку, я хочу братски обнять тебя, и сдѣлать для тебя все, что только въ силахъ.

Онъ поднялся и вышелъ изъ-за стола. Братъ обняли другъ друга какимъ-то долгимъ молчаливымъ объятіемъ. Глаза Павла Мартыновича загорѣлись, и все лицо его приняло какое-то новое, какъ будто несвойственное ему мягкое выраженіе. Онъ уже не сѣлъ на прежнее мѣсто по ту сторону стола, а помѣстился въ креслѣ около брата. Онъ заговорилъ тихимъ сдержаннымъ голосомъ, какъ

*) См. „Синій Журналь“ №№ 14—43.

Рис. Н. Герардова.

...На широкѣмъ балконѣ, обитомъ зелеными листьями дикаго винограда, сидѣло маленькое общество... (стр. 4).

бы боясь, чтобы его не услышали стѣны или висѣвшіе на нихъ портреты и книги, выглядывавшіе изъ шкафовъ.

— Да, такъ, такъ, Петръ. Ты мой братъ, тотъ самый братъ, который такъ повредилъ мнѣ своимъ благороднымъ безумствомъ. Но я не укоряю. Это прошло. Я поправилъ... Теперь я занимаю въ этомъ городѣ положеніе, еще не блестящее съ виду, но могущественное, дающее мнѣ возможность человѣка въ твоёмъ положеніи погубить или спасти. Я, конечно, сдѣлаю послѣднее, но ты видишь, какъ я долженъ быть остороженъ. Къ сожалѣнію, я даже не могу пригласить тебя завтракать. Моя жена—преданный мнѣ человѣкъ, которому я доверяю, какъ себѣ, но есть слуги и есть стѣны...

— Этого и не нужно, братъ. Я пришелъ не ради себя. Случайно вчера я увидѣлъ тебя на улицѣ, меня поразило сходство, я прослѣдилъ, и узналъ, что это твой домъ, а сегодня, когда случилась бѣда съ моимъ пріятелемъ, не знаю почему, я подумалъ, что ты, именно ты, можешь помочь.

— Какая бѣда? Какой пріятель?

— Репортеръ газеты «Желтый Калифорніецъ».

— Изъ Санъ-Франциско, господинъ Спрингъ?

— Ты знаешь?—съ изумленіемъ воскликнулъ Петръ Калина.

— Я знаю все, что дѣлается въ городѣ. Онъ заподозрѣнъ въ соучастіи въ похищеніи дочери

директора гимназіи Велопіуса... Намъ извѣстно, что онъ по происхожденію вовсе не американецъ, а уѣхавшій изъ Россіи двѣнадцать лѣтъ тому назадъ бердичевскій мѣщанинъ...

— Да, да, все это такъ. Но онъ честнѣйшій малый, и кромѣ того въ тотъ часъ, когда совершилось похищеніе, онъ вмѣстѣ со мною плавалъ по заливу на яхтѣ извѣстнаго спортсмена Нечипоренки.

— А, такъ эти американцы были вы? Это драгоценное свѣдѣніе. Въ такомъ случаѣ, не можешь-ли ты сообщить что-нибудь о яхтѣ «Нирвана», о ея молодомъ капитанѣ, и о человѣкѣ, выбросившемся за бортъ съ парохода «Апполонъ»?

— Яхта «Нирвана»—да, я ее видѣлъ въ морѣ. Она въ густомъ туманѣ исчезла изъ нашихъ глазъ и, кромѣ того, признаюсь, мы были изрядно пьяны... Объ остальномъ ничего не знаю. Но возвращаюсь къ Спрингу. Онъ невиненъ, и я долженъ добиться его освобожденія.

Павель Мартыновичъ поднялся и, заложивъ руки за спину, началъ ходить по комнатѣ.—Вотъ что, братъ... Я тебѣ вѣрю и Спрингъ будетъ освобожденъ сегодня же; но долженъ тебѣ сказать, что его и твое дальнѣйшее пребываніе въ этомъ городѣ чревато для васъ такими неприятностями, которыхъ вамъ лучше бы избѣжать,—ему, потому что онъ, хоть и американскій, а все же еврей, а у насъ, какъ тебѣ извѣстно, съ этимъ народомъ не церемонятся, тебѣ потому, что ты еще не реабилитированъ... Но всего неприятнѣе это, конечно,

мнѣ, ибо, если раскроется, что ты эмигрантъ, нѣкогда замѣшанный въ политическомъ дѣлѣ, мой родной братъ, что я принималъ тебя, и даже содѣйствовалъ освобожденію твоего друга... ты понимаешь, я близокъ къ очень высокому положенію, я, можетъ быть, наканунѣ блестящаго назначенія, и все это можетъ полетѣть въ прахъ. Съ вами еще есть тамъ третій, какой-то маленькій человекъ,—онъ хотя и ни въ чемъ не заподозрѣнъ, но близость съ вами можетъ и ему повредить. Ты понимаешь, Петръ, что до нихъ мнѣ въ сущности нѣтъ никакого дѣла, но я хочу спасти тебя и оградить себя. И вотъ что я придумалъ: въ сорока верстахъ отсюда, на берегу моря, лежитъ большое имѣніе моей жены. Впрочемъ, оно уже переведено на мое имя. Поѣзжайте туда. Тамъ кстати теперь ушелъ управляющій. И такъ—ты можешь явиться туда въ качествѣ управляющаго, нанятаго мною. Американецъ, говорящій по русски—это практикуется. Твой Спрингъ—случайно онъ не знакомъ съ бухгалтеріей?

— О, да. Онъ нѣсколько лѣтъ служилъ въ торговой конторѣ въ Филадельфіи.

— Прекрасно. Онъ займетъ мѣсто главнаго конторщика. Ну, а этотъ маленький господинъ можетъ быть механикомъ,—кстати тамъ есть молотилка и другія машины. Вы поѣдете на трамваѣ до Большого Фонтана, а тамъ на лошадяхъ. Все это, пока я здѣсь устрою твою реабилитацію. Вы должны сидѣть тамъ смиренно и ничѣмъ не обращать на себя вниманіе. Я сейчасъ напишу для тебя полномочіе, которое ты предъявишь приказчику и онъ сдастъ тебѣ дѣла. Ваши американскіе паспорта въ порядкѣ?

— Въ совершенномъ.

— Прекрасно. Вотъ полномочіе!—Прибавилъ онъ, сѣвъ за столъ и написавъ бумагу и приложивъ къ ней даже печать.—Деньги у тебя есть?

— О да, порядочный запасъ. Я вѣдь художникъ и хорошо зарабатывалъ въ Америкѣ.

— Сейчасъ я дамъ распоряженіе освободить Спринга.

Онъ взялъ трубку телефона, стоявшаго на столѣ, назвалъ номеръ, потребовалъ какого-то Ивана Семеновича и приказалъ немедленно освободить арестованнаго утромъ американскаго подданнаго Спринга. Затѣмъ онъ всталъ и протянулъ руку Петру Калинѣ.

— Ты видишь, братъ, что мнѣ далеко не чужды родственныя чувства. Если я не ввожу тебя въ свою семью, то это диктуется осторожностью—какъ для меня, такъ и для тебя. А между прочимъ, такъ какъ ты изъ Санъ-Франциско, то ты навѣрное знаешь про надѣлавшую тамъ шуму исторію съ безслѣдно пропавшимъ въ игорномъ домѣ бриллиантомъ и въ связи съ этимъ объ убійствѣ русской баронессы.

— Исторія князя Енгушева?

— Вотъ именно. Не столько князя Енгушева, сколько тайнаго общества, задавагшагося неосуществимой цѣлью при помощи объединенія флотовъ всего свѣта установить на землѣ вѣчный миръ... Сейчасъ я не держу тебя, но въ другой разъ, при лучшихъ условіяхъ, ты мнѣ расскажешь все, что знаешь по этому поводу. Ну, до свиданья. Позволь еще разъ поцѣловать тебя. Да, вотъ еще: если это тебѣ ничего не стоитъ, сбрѣй бороду. Тогда ты будешь меньше походить на меня. И наконецъ... Если ты, благодаря твоимъ знакомствамъ въ Санъ-Франциско, что-нибудь узнаешь о нѣкомъ Перси, который по нашимъ свѣдѣніямъ дол-

женъ въ скоромъ времени прибыть на югъ Россіи, а можетъ быть уже и здѣсь, то немедленно сообщи мнѣ.

— Но, дорогой братъ, если это будетъ предательство...

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не долженъ такъ думать. Подобнаго порученія я тебѣ не далъ бы. Этотъ Перси или въ сущности Персинъ—едва-ли не жертва благороднаго увлеченія и адски сплетенной интриги. О, я могъ бы по этому поводу рассказать тебѣ очень много поразительнаго... Но извини. Тебѣ больше нельзя оставаться у меня. Въ гостиницѣ ты навѣрно найдешь твоего пріятеля Спринга...

Онъ еще разъ крѣпко пожалъ руку Петра Калины и тотъ опять, въ качествѣ гражданина Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, Макса Флея, вышелъ на улицу.

Въ гостиницѣ онъ засталъ Спринга, который перебрался сюда съ своимъ чемоданомъ.

— Чортъ возьми,—воскликнулъ тотъ, чуть не бросившись ему на шею.—Я зналъ, что обязанъ тебѣ своей свободой. Но никакъ не ожидалъ, что четверемъ молодцамъ, вздумавшимъ похитить дочь педагога, я буду обязанъ правомъ напечатать въ «Желтомъ Калифорнійцѣ» дюжину статей подъ заглавіемъ: «Ужасы русской тюрьмы—впечатлѣнія очевидца».

— А развѣ ты успѣлъ испытать ужасы?

— Ничего подобнаго. Я не скажу, чтобы нашелъ тамъ комфортъ Пульмановскаго купе, но все же со мной обращались довольно деликатно и, когда въ утренней похлебкѣ мой проницательный репортерскій глазъ открылъ мирно плавающего таракана, то джентельменъ, именующійся надзирателемъ, простеръ свою любезность до того, что вытащилъ его изъ похлебки собственными двумя пальцами. Но какъ это все случилось, какъ ты добился? Кто онъ, этотъ вчерашній джентельменъ? Неужели братъ? И прочее, и прочее...

— Друзья мои, все это я вамъ расскажу во время нашего путешествія, а теперь если хотите спасти ваши американскіе животы, укладывайте поскорѣе свои и мои вещи въ чемоданы, требуйте счетъ, покончите со всѣмъ этимъ, пока я сбѣгаю къ парикмахеру, чтобы сбрить бороду—и въ путь...

Оба пріятеля превратились въ восклицательные знаки. Но, такъ какъ по лицу тотчасъ же исчезнувшаго Макса Флея, было видно, что онъ не шутитъ, принялись укладывать вещи.

ГЛАВА VI.

УМИРАЮЩІЙ ДЬЯВОЛЪ.

Во второмъ этажѣ великолѣпнаго каменнаго дома, на широкомъ балконѣ, обвитомъ зелеными листьями дикаго винограда, за круглымъ столомъ, уставленнымъ чайной посудой, во главѣ съ кипящимъ самоваромъ, великолѣпнымъ, только что испеченнымъ ароматнымъ деревенскимъ хлѣбомъ, масломъ, сливками, свѣжими ягодами, въ виду раскинувшагося внизу безбрежнаго моря, сидѣло маленькое общество.

И. Потапенко.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе И. Н. Потапенко:
Глава IX—Умирающій дьяволъ. Глава X—Страшная исповѣдь.

?

Въ коллектив-
гомъ романъ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(Т Р И Б У К В Ы)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
съ необходимымъ по-
слѣсловіемъ Вас. Ре-
тинина.

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть I-ая.

Въ трусбахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“ у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрой пропадаетъ великолѣпный брилліантъ. Для успокоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Маріи, кн. показываетъ оставшіся у него „дубликатъ“ брилліанта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ уѣзжаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и даетъ распоряженіе своему вахтенному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1.232.323. Б.Б.Б. на которомъ уѣхалъ изъ притона воръ съ украденнымъ брилліантомъ.

Воромъ оказался ифтокъ Перси. Въ темномъ подвалѣ негритянки Салли онъ перекрашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негромъ къ своей матери, и шиваетъ брилліантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье, Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ (который вѣздался въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгусева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора.

Перси (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Пребываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Енгусева брилліантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ откритіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организации, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства.

Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захавъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгусева. Князь клянется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитый сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кёблесъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakshell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кёблесъ яко-бы вѣздалъ въ Россію (передаются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandalontha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стригъ, толпами валютъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и геніальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не реклама ли все происшедшее съ брилліантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Неври и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгусева. Неври долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о брилліантѣ князя Енгусева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Заннъ, Ютъ.

Во время его разсказа къ инспектору является м-г Кёблесъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрная приказанію м-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались всѣ цѣлы и представляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ Н—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стопаномъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученіе, маневры яхтъ-клуба... Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“,—и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матрость Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, пріѣхали ли въ гостиницу старая мать съ негритянкой и миссъ Эвелина Деконоръ. Оставшись одинъ, Терве просматриваетъ бумаги, касающіяся авантюры кн. Енгусева и баронессы Маріи и даетъ клятву помянуть авантюриста. Ночью онъ встрѣчаетъ въ гостиницѣ свою мать и Черную Салли. Мать проситъ сына кончить всѣ маскирады и жизнь подѣ чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу,—и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафѣ бульвара художника Краббъ и Калина, пріѣхавшіе тайно на родину, встрѣчаютъ загримированнаго репортера Спринга, выслѣживающаго кн. Енгусева по порученію своей газеты,—и всѣ трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Послѣ изрядной выпивки, новые знакомые влдутъ кататься на яхтѣ Нечипоренко въ море, гдѣ встрѣчаютъ „Нирвану“ Эдвина Терве. Спрингъ пытается догнать таинственную яхту, но неудачно. Эдвинъ Терве выѣзжаетъ далеко въ море, гдѣ онъ долженъ встрѣтить пароходъ, на которомъ ѣдетъ „Темный Укко“. Послѣдній бросается со спутникомъ въ воду и подплываетъ къ Нирванѣ. Укко нашедъ пропавшій брилліантъ, и теперь члены массонскаго ордена (Сампо, Терве, Эвелина, Укко) клянутся мстить кн. Енгусеву и отдаютъ камень на храненіе Эвелинѣ—Екатеринѣ Изоргиной.

Яхта Нечипоренко „Иванъ Ивановичъ“ тонетъ на глазахъ пассажировъ „Нирваны“ и Терве спасаетъ Спринга, Крабба, Калину и Нечипоренко. На улицѣ города Калина (Максъ Флей) видитъ въ проѣздѣ вкпажѣ своего родного брата, съ которымъ давно разстался, ѣдетъ вслѣдъ за нимъ и узнаетъ адресъ.

Въ кофейнѣ, куда онъ возвратился, и гдѣ ожидали его товарищи,—какой-то южанинъ разсказываетъ о нападеніи на директора гимназіи Велопуса шайки разбойниковъ-иностранцевъ.

Боясь, что ихъ примутъ за этихъ разбойниковъ, друзья уходятъ и на утро узнаютъ, что Спрингъ арестованъ и проситъ о помощи. Калина отправляется къ знакомому случайно на улицѣ, родному брату и открываетъ ему тайну своего псевдонима.

Калина (Максъ Флей) проситъ брата, занимающаго видный административный постъ помочь Спрингу освободиться и тотъ предлагаетъ ему и его спутникамъ, Краббу и Спрингу, выѣхать немедленно въ имѣніе его жены, подѣ видомъ вновь назначенныхъ служащихъ по управленію имѣніемъ.

ГЛАВА IX УМИРАЮЩІЙ ДЬЯВОЛЪ.

Легко было узнать мистера Крабба, который ни капли не измѣнился. Движенія его, какъ всегда, были порывисты и неожиданны, вслѣдствіе чего каждое изъ нихъ сопровождалось аваріей какогонибудь изъ окружающихъ предметовъ. То летѣлъ вверхъ ножками стулъ, то разбивалось вдребезги блюдо, то сотрясался весь столъ и грозила опасность всѣмъ, лежавшимъ на немъ предметамъ. По-прежнему, онъ былъ болтливъ и говорилъ за всѣхъ, на каждомъ словѣ заикался и самъ себя перебивалъ.

Мистеръ Спрингъ тоже не измѣнился по

внѣшнему виду, но лицо его, вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было, даже не сенсационныхъ событій, приобрѣло выраженіе скуки, а въ глазахъ, обыкновенно безпокойныхъ и блестящихъ, изсякъ весь огонь.

Но нужно было долго вглядываться въ смуглое лицо высокаго и стройнаго молодого джен-телямена, съ небольшими закрученными кверху усиками, съ начисто выбритымъ подбородкомъ и щечками—чтобы узнать мистера Флея. Отсутствие бороды, несмотря на то, что онъ всегда аккуратно подстригалъ ее, совершенно измѣнило характеръ его лица, которое теперь казалось короче и шире, и сразу говорило о его хохлацкомъ происхожденіи.

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14—44.

Какъ ни странно было появленіе иностранцевъ въ усадьбѣ, да еще разомъ трехъ, для занятія трехъ важныхъ должностей—старшій приказчикъ, временно заправлявшій всѣмъ хозяйствомъ, а за нимъ и другіе служащіе принуждены были признать ихъ и исполнить приказъ владѣльца, выраженный на бумагѣ за его подписью и съ печатью.

Мистеръ Флей, едва владѣвшій тремя десятками русскихъ словъ, тѣмъ не менѣе благополучно принялъ всѣ статьи хозяйства и не безъ величія вступилъ въ отправленіе должности. Тоже самое сдѣлалъ Спрингъ, а маленькій Краббъ пока не рѣшался приступить къ молотилкѣ, въ которой рѣшительно ничего не понималъ и даже побаивался ее, и только присматривался къ дѣлу, молча и съ видомъ глубокомыслія заглядывая то въ печь, то въ трубу машины, которая преисправно работала подъ руководствомъ прежняго машиниста.

Дѣла въ имѣніи отъ прибытія новыхъ лицъ нисколько не измѣнились. Мистеръ

Флей великодушно предоставилъ приказчику по прежнему вести хозяйство, а самому себѣ оставилъ верховный надзоръ. Спрингъ, дѣйствительно, знавшій толкъ въ двойной итальянской бухгалтеріи, попробовалъ было заглянуть въ конторскія книги, но тамъ оказалась такая русская неразбериха, что заводить новые порядки было также трудно, какъ строить новый домъ.

Но зато въ усадьбѣ они нашли необыкновенное обиліе всякихъ земныхъ благъ — овощей, ягодъ, фруктовъ, всевозможныхъ молочныхъ продуктовъ, домашней птицы и даже недурной погребъ, въ которомъ нашлось хорошее вино.

И вотъ уже три дня пріятели наслаждались жизнью, — гуляли въ великолѣпномъ паркѣ, спускались къ морю, купались, и упитывали себя свѣжими деревенскими продуктами.

Мистеръ Спрингъ уже познакомился съ ближайшей деревней, обошелъ всѣ уголки, осмотрѣлъ и обнюхалъ каждую хижину, побывалъ въ церкви, и всѣ свои наблюденія внесъ въ записную книжку подъ рубрикой:

«Десять лѣтъ въ глубинѣ Россіи».

И рѣшилъ, по возвращеніи въ Америку, подѣлитъ этимъ заглавіемъ опубликовать свои богатые на-

блюденія въ «Желтомъ Калифорнійцѣ». Но наблюденія эти скоро были исчерпаны и ему больше нечего было дѣлать.

Заходящее солнце посылало морю прощальный привѣтъ и его розовые лучи окрашивали въ огненный цвѣтъ тихо зыбущуюся поверхность моря на много верстъ, до самого горизонта. Пріятели прихлебывали чай, который приводилъ ихъ въ созерцательное настроеніе. Даже мистеру Краббу надоѣло болтать и онъ, вливъ въ себя несмѣтное количество свѣжихъ густыхъ сливокъ, о которыхъ онъ всю жизнь мечталъ, такъ какъ въ С. Франциско ему приходилось довольствоваться растворомъ магнезіи съ глицериномъ, замолкъ, и смотрѣлъ въ морскую даль.

— Джентельмены, — вдругъ прервалъ молчаніе Спрингъ, и вытянулъ руку по направленію къ морю. — Взгляните, какъ очаровательно-прозрачны эти паруса лодки, которая движется тамъ вдаль!

— Это цѣлый пароходъ, — замѣтилъ Краббъ.

— Нѣтъ, это яхта... — возразилъ Максъ Флей. — И смотрите: она идетъ прямо сюда... Вотъ чудеса!.. Кажется, тутъ нигдѣ близко нѣтъ гавани.

— Но позвольте... Клянусь рождественскимъ номеромъ «Желтаго Калифорнійца» — въ этомъ номерѣ я помѣщаю святочный рассказъ, за который мнѣ платятъ тысячу долларовъ, — клянусь, что это та самая яхта, за которой

мы гонялись подъ командой пьянаго Нечипоренко.

— «Нирвана»... Такъ и есть! Но какъ она потускнѣла... И паруса ея изрядно потрепаны, а мчится прямехонько къ нашему берегу.

— Господа, — торжественно-проникновеннымъ голосомъ воскликнулъ Спрингъ, многозначительно поднявъ руку кверху. — Это судьба или предопредѣленіе, чортъ его знаетъ, навѣрно не знаю, но эта «Нирвана» съ перваго же момента, когда мой взглядъ упалъ на нее, завладѣла моимъ вниманіемъ. И теперь она идетъ къ намъ. Не ясно-ли, что тутъ скрывается что-то таинственное и непостижимое? Идемте на берегъ. О, если-бъ въ моемъ распоряженіи былъ порохъ, я привѣтствовалъ бы ее сто однимъ пушечнымъ выстрѣломъ.

Дѣйствительно, въ этомъ было что-то загадочное. Туманъ, окутывавшій море въ теченіе двухъ сутокъ, еще вчера утромъ разсѣялся. Если они потеряли путь, то теперь, въ виду открыв-

Рис. П. Герардова.

Спрингъ попробовалъ заглянуть въ конторскія книги, но тамъ оказалась такая русская неразбериха...

Рис. Н. Герардова.

... И понесли его по довольно крутому берегу в сад и в дом...

шихся береговъ, должны были бы взять курсъ къ городу. Здѣсь по береговой линіи, кой-гдѣ раскинулись селенія рыбаковъ, но не было вовсе пристаней. Жители выходили въ море на небольшихъ рыбацкихъ лодкахъ, которыя просто привязывались къ мосткамъ.

Они сошли внизъ и по широкой аллеѣ сада, окружавшаго домъ и доходившаго до самаго берега, быстро пошли къ морю. Яхта уже была въ двухстахъ шагахъ отъ купальни, паруса были убраны, загремѣла якорная цѣпь и судно вдругъ остановилось.

— Однако, что за превращеніе! — воскликнулъ Спрингъ, указывая на корму судна, гдѣ вмѣсто ожидаемаго слова «Нирвана», свѣтлой бѣлой краской было выведено: «Espera».

На борту появился высокій стройный молодой человѣкъ въ короткой кожанной курткѣ и спортивной фуражкѣ. Приподнявъ надъ головой фуражку, онъ произнесъ, обращаясь къ стоявшимъ на мосткахъ:

— Господа, мы три дня блуждаемъ въ морѣ. По нѣкоторымъ причинамъ, которыя я позволю себѣ не объяснять, намъ неудобно взять путь въ

городъ... Но съ нами трудно больной человѣкъ, мы нуждаемся въ вашемъ великодушіи.

— Вы его найдете у насъ вмѣстѣ съ полнымъ гостепріимствомъ!—отвѣтилъ также приподнявъ свою шляпу мистеръ Флей и на этотъ разъ на безупречномъ русскомъ языкѣ.

— Позвольте спустить шлюпку и перевезти его?—спросилъ съ яхты молодой человѣкъ.

— Мы васъ просимъ объ этомъ!—отвѣтилъ Флей.

— Клянусь колоссальнымъ гонораромъ за всѣ мои будущія статьи въ «Желтомъ Калифорнійцѣ»,—тихо воскликнулъ Спрингъ по-английски,—на яхтѣ есть женщина... Я видѣлъ, какъ мелькнуло синее перо ея шляпы... Здѣсь скрывается поразительная тайна. О, какая богатая награда за лишенія...

На яхтѣ въ это время происходила возня. Спускали шлюпку, осторожно перетаскивали на нее завернутаго въ пледы больного. Послышалось тихое всплескиванье весель, шлюпка мягко, осторожно подплыла къ мосткамъ.

На веслахъ сидѣлъ матросъ, на кормѣ помѣщался высокій молодой человѣкъ въ кожанной курткѣ, рядомъ съ нимъ сидѣла молодая дѣвушка въ шляпкѣ съ синимъ перомъ, а на днѣ лодки лежалъ и тихо стоналъ больной, повидимому, человѣкъ гигантскаго роста. Съдые волосы въ безпорядкѣ спускались ему на лобъ, длинная съдая борода была скомкана, глубоко ввалившіяся щеки его были блѣдны, а глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ.

«Все проходитъ, все проходитъ», какъ-то беззвучно повторялъ онъ по-английски, но съ какимъ-то страннымъ жесткимъ акцентомъ, и при этомъ съ усиліемъ подымалъ правую руку, какъ бы отмахиваясь ею отъ назойливыхъ представленій.

Пріѣзжіе молчали, а хозяева ни о чемъ ихъ не спрашивали, какъ бы молчаливо условившись отложить на послѣ всякія привѣтствія и разспросы. Бережно завернувъ больного въ пледы, со всевозможной осторожностью, взяли его на руки, всѣ съ одинаковой готовностью—и пріѣзжіе, и гости, какъ будто онъ былъ всѣмъ одинаково близокъ, и понесли его сперва по мосткамъ, затѣмъ, наверхъ по довольно крутому берегу въ садъ и въ домъ. Матросъ перенесъ туда же привезенные въ лодкѣ два увѣсистыхъ чемодана, потомъ вернулся и отъѣхалъ къ яхтѣ.

Домъ былъ огромный и состоялъ изъ множества комнатъ. Большого помѣстили въ нижнемъ этажѣ. Тамъ же были отведены комнаты молодому человѣку и дѣвушкѣ.

И. Потапенко.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе И. Н. Потапенко:
Глава IX—Умирающій дьяволъ. Глава X—Страшная исповѣдь.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
Г. Г. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
въ необходимомъ по-
сѣловемъ Вас. Ре-
гина.

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, Г. Г. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть I-ая.

Въ трушобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгушева, за игрой пропадаетъ великолѣпный брилліантъ. Для успокоенія явившейся въ притонѣ красавицы баронессы Маріи, кн. показываетъ оставшіяся у него „дубликатъ“ брилліанта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ убѣждаетъ отъ баронессы кн. себѣ въ отель и даетъ распоряженіе своему вахтенному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1.232.323, Б.Б.Б., на которомъ убѣжалъ изъ притона воръ съ украденными брилліантами.

Воромъ оказался ибто Перси. Въ темномъ подвалѣ негритянки Салли онъ перекрашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негромъ къ своей матери, и шиваетъ брилліантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, названный Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова бесслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказываются, все время онъ носилъ брилліантъ (который вѣрзался въ полову сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгушева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Перси (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Енгушева брилліантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданія единого государства.

Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгушевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгушева. Князь клянется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитый сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кёблессъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakschell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгушева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кёблессъ яко-бы ѣздилъ въ Россію (передаетъ его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngocse-Sandaloutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ лицо Догъ-Стрѣтъ, толпами валять въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и гениальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не реклама ли все происшедшее съ брилліантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Неври и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгушева. Неври долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о брилліантѣ князя Енгушева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Заинъ, Йогъ.

Во время его разсказа къ инспектору является м-г Кёблессъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрная приказанію м-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и представляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ Н—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стопманомъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученѣе, маневры яхтъ-клуба...

Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“,—и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь. Матросъ Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, прѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негритянкой и миссъ Эвелина Деконоръ. Оставшись одинъ, Терве просматриваетъ бумаги, касающіяся авантюръ кн. Енгушева и баронессы Маріи и даетъ клятву поймавъ авантюриста. Ночью онъ встрѣчаетъ въ гостиницѣ свою мать и Черную Салли. Мать проситъ сына кочить всѣ маскарады и жизнь подъ чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу,—и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣдая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафѣ бульвара художника Краббъ и Калина, прѣхавшіе тайно на родину, встрѣчаютъ загримированнаго репортера Спринга, выслѣживающаго кн. Енгушева по порученію своей газеты,—и всѣ трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Послѣ изрядной выпивки, новые знакомые ѣдутъ кататься на яхтѣ Нечипоренко въ море, гдѣ встрѣчаютъ „Нирвану“ Эдвина Терве. Спрингъ пытается догнать таинственную яхту, но неудачно. Эдвинъ Терве выѣзжаетъ далеко въ море, гдѣ онъ долженъ встрѣтить пароходъ, на которомъ ѣдетъ „Темный Укко“. Послѣдній бросается со спутникомъ въ воду и подплываетъ къ Нирванѣ. Укко нашель пропавшій брилліантъ, и теперь члены масонскаго ордена (Самю, Терве, Эвелина, Укко) клянутся мстить кн. Енгушеву и отдадутъ камень на храненіе Эвелинѣ—Екатеринѣ Изоргиню.

Яхта Нечипоренко „Иванъ Ивановичъ“ тонетъ на глазахъ пассажировъ „Нирваны“ и Терве спасаетъ Спринга, Крабба, Калину и Нечипоренко. На улицѣ города Калина (Максъ Флей) видитъ въ проѣзжѣ экипажъ своего родного брата, съ которымъ давно расстался, ѣдетъ вслѣдъ за нимъ и узнаетъ адресъ.

Въ кофейнѣ, куда онъ возвратился, и гдѣ ожидали его товарищи,—какой-то южанинъ разсказываетъ о нападеніи на директора гимназіи Велопіуса шайки разбойниковъ-иностранцевъ.

Боясь, что ихъ примутъ за этихъ разбойниковъ, друзья уходятъ и на утро узнаютъ, что Спрингъ арестованъ и проситъ о помощи. Калина отправляется къ знакомому случайно на улицѣ, родному брату и открываетъ ему тайну своего псевдонима.

Калина (Максъ Флей) проситъ брата, занимающаго видный административный постъ помочь Спрингу освободиться и тотъ предлагаетъ ему и его спутникамъ, Краббу и Спрингу, вѣхать немедленно въ имѣніе его женѣ, подъ видомъ вновь назначенныхъ служащихъ по управленію имѣніемъ.

Устроившись въ имѣніи брата Калины, они узнаютъ въ приставшей къ берегу яхтѣ „Espera“, таинственную „Нирвану“ и оказываютъ гостеприимство ея пассажирамъ: Терве, молодой дѣвушкѣ и умирающему старику, перенесенному къ нимъ въ домъ.

ГЛАВА IX УМИРАЮЩИЙ ДЬВУЛЬ.

Черезъ полчаса молодой человекъ поднялся наверхъ. На немъ было теперь чистое крахмальное бѣлье и элегантный темный пиджакъ. Услышавъ сдержанный говоръ на балконѣ, онъ прошелъ прямо туда.

Солнце давно зашло и сумерки сгустились, но огней еще не зажгли. Молодой человекъ привѣтливо поклонился и занялъ предложенный ему стулъ.

— Меня зовутъ Эдвинъ Терве,—сказалъ онъ

по русски. Я по происхожденію англичанинъ, но почти съ дѣтства живу въ Россіи. Эта дѣвушка—моя близкая родственница, а большой старикъ—другъ моего покойнаго отца, также близкій мнѣ, какъ отецъ. Онъ только недавно прѣхалъ изъ Ирландіи, гдѣ у него имѣются большія помѣстья. На моей яхтѣ «Espera», мы путешествуемъ по Черному морю, преслѣдуя лишь одни цѣли любопытства. Три дня тому назадъ мы вышли изъ Одессы, попали въ непроглядный туманъ и сбились съ дороги. Своенравный старикъ, не принявъ въ расчетъ условія здѣшняго климата, вчера утромъ вздумалъ взять морскую ванну и схватилъ простуду... Это и

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14—45.

заставило насъ какъ можно скорѣе искать пристанища на сушѣ. Я не сомнѣваюсь, что его закаленный организмъ скоро справится съ болѣзнью и мы недолго будемъ злоупотреблять вашимъ гостеприимствомъ.

— Мы готовы оказывать вамъ его до тѣхъ поръ, пока это будетъ вамъ пріятно,—сказалъ мистеръ Флей:—но все же въ интересахъ больного вамъ было бы практичнѣе направить вашу яхту не сюда, гдѣ трудно найти хорошаго врача, а въ городъ.

— Ваше гостеприимство пріобрѣтаетъ для насъ безцѣнное значеніе, если вы позволите не объяснять вамъ причины нашего выбора...

Мистеръ Флей элегантно наклонилъ голову. Я и не спрашиваю васъ. Вы можете расположиться внизу, какъ у себя дома. Сейчасъ вамъ принесутъ туда обѣдъ. Надѣюсь, вы не откажетесь.

— Напротивъ, у насъ вышла вся провизія и мы очень гододны. Я также желалъ бы узнать, — прибавилъ онъ поднявшись, — кому я долженъ чувствовать себя благодарнымъ?..

— Мое имя Максъ Флей. Я здѣсь не хозяинъ, а только управляющій, но пользуюсь полнымъ правомъ распоряженія, а это мои друзья—Спрингъ и мистеръ Краббъ, который говорить только по-англійски.

— Только по-англійски!—съ чрезвычайнымъ волненіемъ проговорилъ Эдвинъ Терве.

— Только по-англійски. Онъ американецъ изъ С.-Франциско... Вы не знакомы съ этимъ городомъ?

— Да... Или почти нѣтъ... Не много!—какъ-то вдругъ поблѣднѣвъ и смѣшавшись, отвѣтилъ Терве и скороговоркой прибавилъ.—Я больше не смѣю... Мое почтеніе...—Быстро поклонился или скорѣе—убѣжалъ съ балкона.

— Тш... ни слова!—Чуть слышнымъ шопотомъ произнесъ Спрингъ:—дайте ему уйти... Кажется, онъ спустился съ лѣстницы... Да, да, онъ уже внизу. Держу пари на мою голову, что «Espara» есть не болѣе, какъ перекрашенная «Nirvana». И послѣ этого вы будете отрицать, что это судьба, что тутъ есть таинственное предопредѣленіе?

— Дорогой Краббъ,—сказалъ мистеръ Флей: пощупай пульсъ у мистера Спринга. — Онъ помѣшался.

— Въ такомъ случаѣ и меня надо посадить въ сумасшедшій домъ, или въ Россію еще не вывелись привидѣнія,—сказалъ Краббъ.—Да развѣ ты не замѣтилъ, какъ онъ поблѣднѣлъ и смѣшался при одномъ напомниманіи о Санъ-Франциско? Что касается меня, то я твердо увѣренъ, что видѣлъ его въ мастерской нашего знаменитаго маэстро Шериссона, въ тотъ день, когда мы, тринадцать американскихъ свѣтилъ, писали совместную знаменитую картину для милліонера Фулда и застракали настоящими русскими яйцами.

Рис. Н. Герардова.

— Тш... ни слова! Дайте ему уйти...

— Это правда, — подтвердилъ Спрингъ.

— Только онъ тогда былъ выкрашенъ въ черный цвѣтъ и называлъ себя Томомъ Квикомъ... Онъ стоналъ отъ боли и я щупалъ его пульсъ, а маэстро Шериссонъ...

Мистеръ Флей ударилъ себя ладонью по лбу. — Четырнадцать тысячъ дьяволовъ,—воскликнулъ онъ:—Боксъ маэстро Шериссона!... Бриллиантъ, похищенный въ «Кривавой мышеловкѣ».

Князь Янгушевъ... Убийство прекрасной баронессы... Да какъ же я ослѣпъ?..

— Ни слова. Больше ни слова! Онъ не долженъ подозрѣвать... иначе все разлетится! —сказалъ Спрингъ.—Но неужели вы еще посмѣете утверждать, что это не судьба, которая посылаетъ мнѣ блестящій, невиданный, неслыханный матеріалъ для моихъ будущихъ статей въ «Желтомъ Калифорнійцѣ»?.. О, и еще этотъ старикъ!.. Въ немъ, должно быть, заключается стержень этой адской тайны. Наверно, онъ даже и не старикъ и не боленъ... Чортъ возьми! Я захлебываюсь отъ предвкушенія разгадки этой проклятой тайны.

Въ одномъ только ошибался Спрингъ: больной былъ дѣйствительно старикъ, и старикъ былъ дѣйствительно боленъ. И случилось это не вчера утромъ, какъ объяснялъ капитанъ Терве, а гораздо раньше, вскорѣ послѣ того, какъ онъ, бросившись въ море съ парохода «Аполлонъ», насквозь промокшій и продрогшій, выползъ на лалубу «Нирваны».

Въ ту же ночь у него стремительно поднялась температура и онъ потерялъ сознание. Небольшія познанія въ медицинѣ миссъ Эвелины и еще меньшія самого Терве, и помощь маленькой аптечки, которая всегда находилась на яхтѣ, ничего не помогли. Жаръ усиливался, термометръ показывалъ до сорока градусовъ.

Нѣтъ возможности описать горе капитана Терве. Ему казалось, что старикъ Укко, несмотря на испытанную крѣпость его организма, не выдержитъ такого пароксизма и тогда...

О, тогда погибнетъ великое дѣло, которому онъ отдалъ всѣ свои силы. Онъ, конечно, самъ полонъ огненной энергии, но развѣ ему справиться — неопытному, не успѣвшему еще закалить свое сердце? Развѣ рука его способна не дрогнуть, когда нужно убрать съ дороги человѣка, хотя бы близкаго, дорогого, родного, если онъ приноситъ вредъ общему дѣлу? Только онъ одинъ, этотъ желѣзный человѣкъ съ гранитнымъ сердцемъ, умѣетъ это сдѣлать.

О, сколько онъ ихъ устранилъ уже — безъ колебаній и безъ жалости! Баронесса Марія — быть можетъ, это было самымъ эффектнымъ его дѣломъ, но не самымъ страшнымъ. Старый Укко не человѣкъ, это какая-то воплотившаяся въ человѣческомъ образѣ высшая карающая сила.

Рис. Н. Герардова.

На широкой кровати, прикрытый шелковым одеяломъ, лежалъ старый Укко...

И, кромѣ того, онъ держитъ въ своихъ цѣпкихъ и сильныхъ рукахъ всѣ нити. Есть такія тайны, которыхъ не знаетъ ни одинъ человекъ, кромѣ него. И его, Перси, онъ давно избралъ, чтобы сдѣлать своимъ преемникомъ. Но онъ не готовъ, о, далеко еще ему до готовности. И вотъ этотъ человекъ умретъ, никому не передавъ своихъ тайнъ. Что станетъ тогда съ дорогимъ, великимъ дѣломъ?

А яхта между тѣмъ блуждала среди тумана. И, такъ какъ бѣда никогда не приходитъ одна, то явилась и другая: матросъ Тимоша, единственный человекъ на яхтѣ, знакомый съ мѣстностью, вотъ уже двадцать четыре часа спалъ и повидимому не думалъ просыпаться. Его всячески расталкивали, но онъ не открывалъ глазъ. Очевидно, Терве впопыхахъ всыпалъ ему въ вино двойную порцію порошка. И еще проснется ли онъ?

Тимоша проснулся, но долго не могъ прийти въ себя. Еще сутки прошли въ бесполезномъ блужданіи. Въ это время Терве распорядился изъ осторожности — переименовать имя яхты на «Espara». Наконецъ, матросъ оправился, осмотрѣлся и какимъ-то чутьемъ истого моряка опредѣлилъ направленіе и яхта пошла прямо къ берегу.

И вотъ теперь они въ чьей-то усадьбѣ, пользуются гостепріимствомъ какихъ-то странныхъ людей. Разговоръ на балконѣ не внушилъ капитану Терве никакихъ опредѣленныхъ подозрѣній. Онъ сидѣлъ лицомъ къ лицу съ Флеемъ, котораго благодаря отсутствію бороды и болѣе близкіе не узнали бы, а Спрингъ и Краббъ помѣщались поодаль, и ихъ трудно было разглядѣть при свѣтѣ суме-

рекъ. Но одно напоминаніе о С.-Франциско заставило всю его кровь отхлынуть отъ сердца.

«Почему этимъ любезнымъ господамъ не оказаться шпионами? Почему не допустить, что по всему побережью устроены засады? И что-же, попасться въ капканъ такъ глупо и такъ безцѣльно ужъ дешево?»

И у него явилась мысль, какъ только наступитъ ночь, тихонько перенести старика обратно на яхту, сняться съ якоря и пуститься хотя бы на вѣрную гибель, но гибель въ открытомъ свободномъ морѣ, а не въ сѣтяхъ врага.

Но это была только мимолетная мысль, которая не созрѣла и не превратилась въ рѣшеніе. Наступила ночь. Положеніе стараго Укко съ каждымъ часомъ ухудшалось.

Въ большой комнатѣ, уставленной старинной тяжелой мебелью, съ тремя большими окнами, выходившими въ садъ, на широкой кровати, прикрытой мягкимъ шелковымъ стеганнымъ одеяломъ, лежалъ старикъ. Онъ походилъ на гигантскій скелетъ, обтянутый кожей. Щеки его глубоко ввалились, скулы выдвинулись, кожа походила на старый потемнѣвшій отъ времени и пыли пергаментъ.

И. Потапенко.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе И. Н. Потапенко:
Глава IX—Умирающій дьяволъ. Глава X—Стрш-
гая исповѣдь.

?

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
І. І. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Глѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.

Съ необходимымъ по-
словиемъ Вас. Ре-
гина, Потапенко.

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, І. І. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Глѣдича, А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть І-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“ у капитана русск. судна, кн. Енгушева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для успокоенія явившейся въ притонѣ красавицы баронессы Маріи, кн. показываетъ оставшіяся у него „дубликатъ“ бриллианта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ убѣгаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и даетъ распоряженіе своему вахтенному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1232.323. Б.Б.В. на которомъ убѣжалъ изъ притона воръ съ украденнымъ бриллиантомъ.

Воромъ оказался инокъ Перси. Въ темномъ подвалѣ негритянки Салли онъ перекрашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негромъ къ своей матери, и шиваетъ бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье, Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона. Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей. Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негритянка назвавшаяся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскочилъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ бриллиантъ (который вѣздаль въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень.

Люди кн. Енгушева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Перси (онъ же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Енгушева бриллиантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организации, поставившей себѣ задачей уничтоженіе воинъ и созданія единого государства.

Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захавъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгушевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгушева. Князь клянется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитый сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кёблесъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakchell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгушева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кёблесъ яко-бы вѣздилъ въ Россію (перелетаютъ его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Жюисче-Sandaloitha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стритъ, толпами валютъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетѣ. Появились въ притонѣ и геніальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не реклама ли все происшедшее съ бриллиантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Неври и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгушева. Неври долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантѣ князя Енгушева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Занип, Югъ.

Во время его разсказа къ инспектору является м-г Кёблесъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрная приказанію м-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и представляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ Н—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стопманомъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученье, маневры яхтъ-клуба...

Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“,—и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матрость Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, пріѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негритянкой и миссъ Эвелина Деконора. Оставшись одинъ, Терве просматриваетъ бумаги, касающіяся авантюры кн. Енгушева и баронессы Маріи и даетъ клятву поймать авантюриста. Ночью онъ встрѣчаетъ въ гостиницѣ свою мать и Черную Салли. Мать проситъ сына кончить все маскарады и жизнь подъ чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу,—и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафѣ бульвара художники Краббъ и Калина, пріѣхавшие тайно на родину, встрѣчаютъ загримированнаго репортера Спринга, выслѣживающаго кн. Енгушева по порученію своей газеты,—и все трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Послѣ изрядной выпивки, новые знакомые ѣдутъ кататься на яхтѣ Нечипоренко въ море, гдѣ встрѣчаютъ „Нирвану“ Эдвина Терве. Спрингъ пыгается догнать таинственную яхту, но неудачно. Эдвинъ Терве выѣзжаетъ далеко въ море, гдѣ онъ долженъ встрѣтить пароходъ, на которомъ ѣдетъ „Темный Укко“. Послѣдній бросается со спутникомъ въ воду и подплываетъ къ Нирванѣ. Укко напелъ пропавшій бриллиантъ, и теперь членъ маассонскаго ордена (Сампо, Терве, Эвелина, Укко) клянутся мстить кн. Енгушеву и отдають камень на храненіе Эвелинѣ—Екатеринѣ Изоргинѣ.

Яхта Нечипоренко „Иванъ Ивановичъ“ тонетъ на глазахъ пассажировъ „Нирваны“ и Терве спасаетъ Спринга, Крабба, Калину и Нечипоренко. На улицѣ города Калина (Максъ Флей) видитъ въ проѣздѣ экипажъ своего родного брата, съ которымъ давно разстался, ѣдетъ вслѣдъ за нимъ и узнаетъ адресъ.

Въ кофейнѣ, куда онъ возвратился, и гдѣ ожидали его товарищи,—какой-то южанинъ разсказываетъ о нападеніи на директора гимназіи Велопуса шайки разбойниковъ-иностранцевъ.

Боясь, что ихъ примутъ за этихъ разбойниковъ, друзья уходятъ и на утро узнаютъ, что Спрингъ арестованъ и проситъ о помощи. Калина отправляется къ знакомому случайно на улицѣ, родному брату и открываетъ ему тайну своего псевдонима.

Калина (Максъ Флей) проситъ брата, занимающаго видный административный постъ помочь Спрингу освободиться и тотъ предлагаетъ ему и его спутникамъ, Краббу и Спрингу, выѣхать немедленно въ имѣніе его жены, подъ видомъ вновь назначенныхъ служащихъ по управленію имѣніемъ.

Устроившись въ имѣніи брата Калины, они узнаютъ въ прислужившей къ берегу яхтѣ „Бѣрегъ“, таинственную „Нирвану“ и оказываютъ гостепримство ея пассажирамъ: Терве, молодой дѣвушкѣ и умирающему старику, перенесенному къ нимъ въ домъ.

Капитанъ Терве, познакомившись съ хозяевами гостеприимнаго дома, бьется, что его узнаютъ и предполагаетъ ночью убѣжать въ море. Старому Укко становится хуже.

ГЛАВА IX УМИРАЮЩИЙ ДЬЯВОЛЪ.

Изъ устъ его непрерывно вылетали слова бреда, иногда непонятныя, но вдругъ среди нихъ вырвались другія слова съ какимъ-то особеннымъ непостижимымъ значеніемъ, которое мучительно хотѣлось разгадать. Странныя слова. Въ нихъ даже для самаго Терве заключался какой-то тревожный смыслъ.

И по мѣрѣ того, какъ усиливался жаръ, все чаще и чаще повторялось одно слово: «Марія... Марія... Марія... Съ стиснутымъ сердцемъ довить

это слово молодой человѣкъ, жаднымъ слухомъ впивался онъ въ другія слова, которыя летѣли ему въ догонку и, напрягая все свои умственные силы, старался связать ихъ и прочесть скрытую въ нихъ тайну. А тайна была, даже для него, который зналъ такъ много. Чувствовалось что-то новое, ему неизвѣстное и чудовищное.

Страстно желавшій проникнуть въ эту тайну и въ то же время страшившійся ее, капитанъ Терве уговорилъ миссъ Эвелину остаться въ своей комнатѣ и одинъ, не смыкая глазъ, всю ночь стоялъ надъ ложемъ умирающаго страшнаго старика.

«Марія... О, Марія... Вся моя жизнь... всё богатства... я нажилъ ихъ нечеловѣческимъ терпѣніемъ въ теченіе семидесяти лѣтъ жизни... Не стоитъ твоего ногтя... Проклятіе... Эти глаза... Отраженіе царства небеснаго... Проклятіе ада... Ихъ цѣловаль другой... Тотъ, тотъ несчастный... Ага!.. Онъ вырванъ изъ орбиты... Этотъ глазъ... Этотъ глазъ... Его ужъ никто не будетъ цѣловать... Царица... Позолотившая новымъ счастьемъ мою сѣдину... Марія, Марія... Прекраснѣйшее созданіе Творца... А ты, старый рабъ жизни... Измѣна... Ну, да, онъ молодъ... О, блудница!.. Старый рабъ растопталъ твою красоту своей пятой... Проклятіе!.. Марія, Марія, Марія!»

И онъ весь трепеталъ и корчился какъ бы отъ злобы, и въ то же время отъ какого-то мстительнаго сладострастія.

Слушалъ эти слова капитанъ Терве и въ ужасѣ отталкивалъ отъ себя ихъ смыслъ, который съ каждымъ новымъ словомъ становился все яснѣе для него.

«Нѣтъ, не можетъ быть... Какъ? Укко? Святой Укко, добровольно отдавшій все свое колоссальное богатство на общее великое дѣло?... Человѣческая страсть... Низкая месть... Звѣриная ревность... Не можетъ быть. Никогда. Въ больномъ бреду представленія своей и чужой жизни причудливо переплетаются. И, конечно, все это чужое, чужое... Это не можетъ быть его. И что за нелѣпость искать смыслъ въ горячечномъ бреду!»... Такъ успокаивалъ онъ себя.

Но тревога, разъ заглянувъ въ его сердце, не покидала его.

Когда начало свѣтать, вдругъ произошло что-то необъяснимое. Старикъ успокоился, бредъ прекратился, глаза его прояснились. Казалось, весь жаръ, который сжигалъ его, изсякъ.

Онъ обвелъ взоромъ комнату и, увидѣвъ молодого человѣка, въ напряженной позѣ стоявшаго у изголовья, съ усиліемъ приподнялъ руку, какъ бы желая протянуть ее и тихимъ голосомъ произнесъ.

— Матти! Ты здѣсь?
— Это я, отецъ. Я здѣсь,—откликнулся Терве и взялъ его руку.

— Мой сынъ! Я умираю... Какой-нибудь часъ и меня не станетъ.

— Этого не можетъ быть... Этого не должно быть... Наше дѣло! Наше великое предпріятіе... Оно погибнетъ безъ тебя... Я такъ еще молодъ и неопытенъ. Я такъ мало знаю...

— Кто вѣритъ, тотъ можетъ все, а ты вѣришь, Матти...

— Да, я вѣрю. Но наши враги такъ сильны. А эта непростительная ошибка — бумаги, которыя не удалось вырвать тогда въ квартирѣ Черной Салли...

Старый Укко съ усиліемъ усмѣхнулся. — Мой глупый мальчикъ... Прежде, чѣмъ ты сѣлъ на «Нирвану» съ Порсмутской гавани, эти бумаги были перенесены на яхту...

Какъ? Тебѣ удалось добыть ихъ? Но это почти невозможно.

— О, все можно добыть на этомъ свѣтѣ. Бумаги были въ рукахъ сыщика Кѣблеса и инспектора Дью, въ С.-Франциско; но оба эти почтенные джентльмены теперь оставили свое ремесло и занялись выгодными поставками бразильскаго

Рис. И. Герардова.

Мой сынъ! Я умираю...

скота для продовольствія арміи сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ... Капиталъ этого предпріяія составляетъ двѣсти тысячъ долларовъ, которые они получили отъ меня за бумаги.

— Но если они на яхтѣ...

— Будь спокоенъ... Я не умру, не устранивъ эту улику.. Въ послѣднюю минуту... А теперь, мой сынъ... Я старый ирландскій фермеръ... весь мой родъ отличался привязанностью къ церкви... Я прожилъ бурную жизнь. Но наступаетъ часъ, когда я долженъ отдать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Бремя моихъ грѣховъ тяжелое. О, это такая тяжелая ноша, съ которою не впускаютъ въ райскія врата... Я хочу облегчить ее исповѣдью... Пусть придетъ вашъ священникъ съ крестомъ въ рукахъ и отпуститъ мои грѣхи.

— Но здѣшній священникъ навѣрно не знаетъ англійскаго языка, на которомъ ты говоришь.

— Но Богъ знаетъ всѣ языки, мой сынъ... Я буду говорить на своемъ языкѣ. И Богъ услышитъ. Пусть придетъ священникъ. Но не теряй минуты. Близко, близко... Я вижу уже жало смерти, готовое впиться въ мое тѣло... Погоди, еще одно слово. Во время исповѣди я долженъ быть съ глазу на глазъ съ священникомъ... Ты это поймешь. Душа моя должна быть свободна... Никто, ни одинъ человѣкъ... Слышишь, Перси? Ни одна душа не должна стоять между мною и Богомъ. Даже ты, мой сынъ... О, скорѣе...

Онъ изнемогъ отъ долгой рѣчи и бессильно закрылъ глаза.

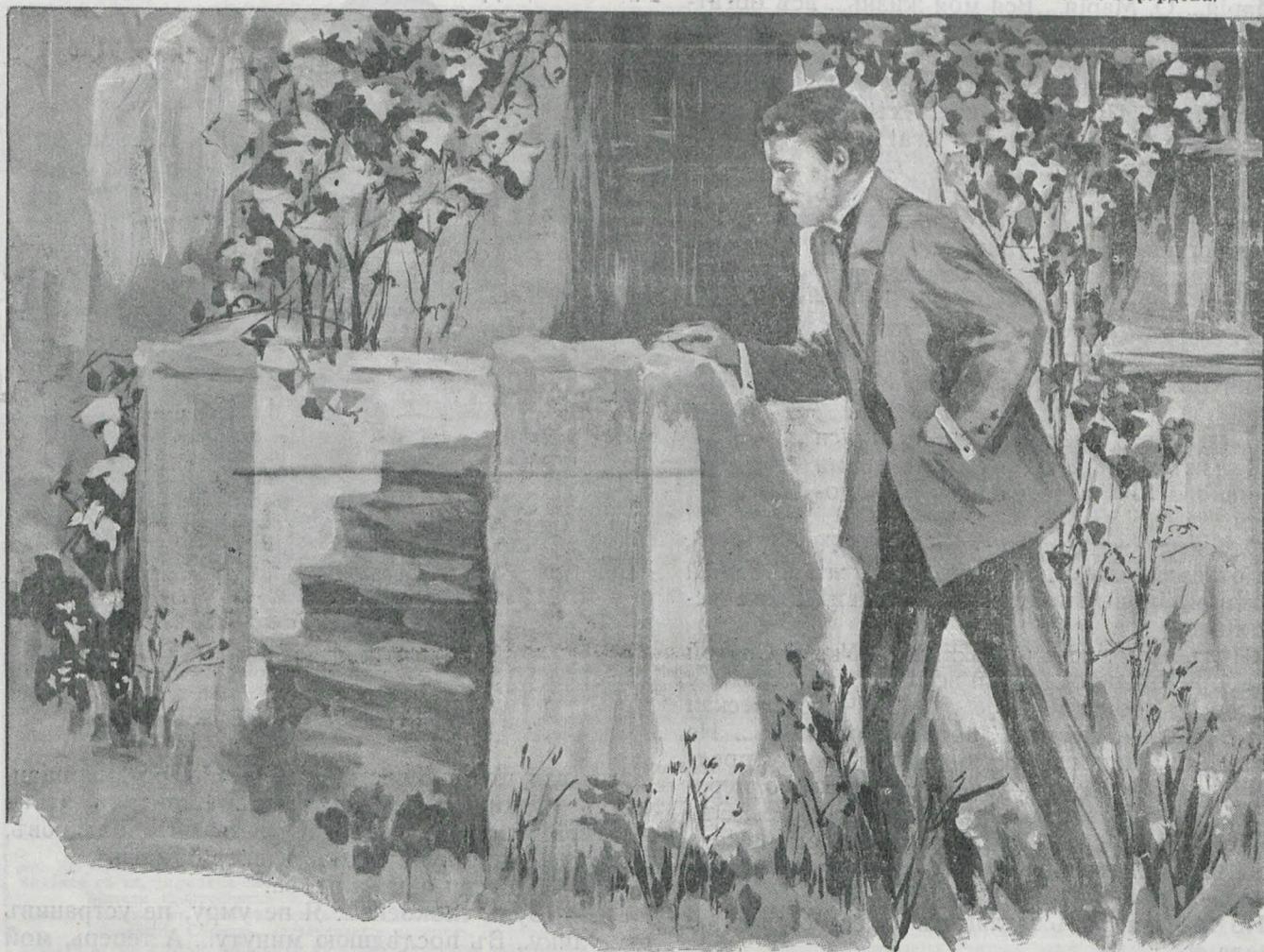
Капитанъ Терве вышелъ изъ комнаты и на минуту заглянулъ въ комнату миссъ Эвелины. Онъ былъ увѣренъ, что она не спитъ. Такъ и оказалось. Тревожными шагами всю ночь ходила она по комнатѣ.

— Ну, что? — спросила она.

— Онъ умираетъ... Онъ проситъ призвать священника... Ты не ходи туда. Онъ забылся... Какая это была ночь, Эвелина! О, еслибъ ты знала...

Онъ вышелъ въ садъ. Станнымъ показалось ему, что въ эту минуту какая-то тѣнь вдругъ от-

Рис. Н. Герардова.

Капитанъ Терве вышелъ въ садъ. Страннымъ показался ему шорохъ кустовъ и движеніе ихъ верхушекъ.

шмыгнула отъ окна, которое выходило изъ комнаты умирающаго. И еще болѣе страннымъ показался ему необыкновенный шорохъ кустовъ и движеніе ихъ верхушекъ.

Но ему было не до того. Онъ обогнулъ домъ и съ другой стороны вошелъ въ него и поднялся по лѣстницѣ. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что ему придется будить хозяевъ, но каково было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ на балконѣ не только все маленькое общество въ полномъ сборѣ, но и богато сервированный утренній завтракъ на столѣ. Оказалось, что джентльмены верхняго этажа просто напросто не ложились спать, такъ какъ имъ мѣшало волненіе по поводу всего происходившаго въ домѣ.

Капитанъ Терве извинился за столь ранній приходъ и объяснилъ, что умирающій старикъ желаетъ видѣть у своей постели священника для послѣдняго напутствія. При этомъ онъ прибавилъ, что больной ни слова не говоритъ по русски и чтобы объ этомъ предупредили священника. Мистеръ Флей обѣщалъ сейчасъ же распорядиться.

— Я далъ бы отрубить себѣ палецъ на лѣвой ногѣ, — сказалъ Спрингъ, когда капитанъ ушелъ, — чтобы только вести переговоры съ священникомъ. Подумай, Флей, это дало бы мнѣ право впоследствии написать цѣлую книгу: «The Russian Priest» — русскій священникъ и его положеніе среди родного народа... Но я здѣсь слышу за американца, не говорящаго по-русски.

— Ты можешь не говорить, а только слушать,

— сказалъ Флей. — Вмѣстѣ съ тобой отправится главный приказчикъ.

— Да, но я могу здѣсь прозѣвать, быть можетъ, замѣчательныя событія. Съ минуту на минуту они должны произойти, я это явственно чувствую своимъ репортерскимъ нюхомъ.

Тотчасъ же въ деревню, которая лежала рядомъ съ усадьбой, былъ отправленъ въ экипажѣ старшій приказчикъ. Ему пришлось стучаться въ закрытыя ставни священническаго дома, такъ какъ тамъ всѣ еще спали, а потомъ долго объяснять заспанному батюшкѣ, что отъ него требуется. Священникъ былъ старъ и нѣсколько глуховатъ, а приказчикъ объяснялъ пристрастно, такъ какъ онъ самъ никакъ не могъ переварить этой мысли, что бы какого-то американскаго жителя, который, хотя и былъ христіанинъ, но, по его мнѣнію, не въ достаточной степени, напутствовалъ на тотъ свѣтъ православный батюшка.

И. Потапенко.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе И. Н. Потапенко:

Глава IX.—Умирающій дьяволъ. Глава X.—Страшная исповѣдь.

?

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
Г. Г. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
съ необходимымъ по-
дѣловіемъ Вас. Ре-
гинина.

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, Г. Г. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича,
А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть 1-ая.

Въ притонѣ „Кровавая мышеловка“ за игрой въ рулетку, у кн. Енгушева исчезаетъ брилліантъ. Этотъ камень, на которомъ были вырѣзаны таинственные знаки, служилъ печатю комитета таинственныхъ заговорщиковъ.

Воромъ оказался жандармскій ротмистръ Персинъ, который подъ видомъ мистера Перси, давно слѣдилъ за княземъ.

Перси перекрашивается въ негра и зашиваетъ камень подъ кожу, но случайная встрѣча съ компаніей художниковъ и ударъ бокса, полученный Персинымъ, служатъ причиной новаго исчезновенія камня.

Своей возлюбленной, баронессѣ Маріи, Енгушевъ даритъ дубликатъ камня, и въ одно утро Марію находятъ при загадочной обстановкѣ убитой, причемъ брилліантъ находятъ у нея, вложеннымъ на мѣсто вырваннаго глаза.

Убийство подымаетъ на ноги какъ полицію, такъ и всю прессу, и одинъ изъ представителей послѣдней, репортеръ Спрингъ, выказываетъ чудеса ловкости и находчивости въ поискахъ за преступниками. Онъ убѣждаетъ въ Россію, куда по его догадкамъ, они скрылись.

Часть 2-ая.

Въ Россіи Спрингъ встрѣчается въ кафе съ товарищами, художниками Краббомъ и Калиной и передаетъ имъ свои подозрѣнія относительно недавно прибывшей въ этотъ городъ яхты „Нирваны“, которая остановилась въ гавани яхтъ-клуба.

Счастливая встрѣча друзей съ членомъ клуба, Нечипоренко, даетъ возможность Спрингу попасть на таинственную яхту.

Спринга арестовываютъ и усилиями Калины, и его брата, занимающаго видный административный постъ, освобождаютъ.

Братъ Калины совѣтуетъ всѣмъ (Краббу, брату и Спрингу) укрыться у него въ имѣніи подъ видомъ служащихъ, куда они и убѣгаютъ, подъ видомъ трехъ американцевъ.

Случайно пристававшая къ берегу яхта „Esperanza“ оказывается старой „Нирваной“ на которой путешествуетъ Перси, подъ именемъ Терве. Отецъ Терве (старый Укко) умираетъ и его переносятъ въ домъ, гдѣ Спрингъ прилагаетъ всѣ усилія узнать тайну камня изъ исповѣди умирающаго.

ГЛАВА IX
УМИРАЮЩІЙ ДЬЯВОЛЬ.

Но священникъ оказался другого мнѣнія. Какъ только онъ разобралъ, въ чемъ дѣло, то сейчасъ же и согласился.

— Всѣ люди передъ Богомъ равны, въ особенности же въ часъ смерти, и священникъ не имѣетъ права никому отказать въ напутствіи, разъ онъ этого желаетъ.

Онъ быстро одѣлся, захватилъ съ собой необходимые принадлежности и поѣхалъ въ усадьбу.

Свѣтало, но еще далеко было до восхода солнца, когда усадебный экипажъ подъѣжалъ къ воротамъ сада. Священникъ здѣсь сошелъ на землю и поспѣшно пошелъ въ домъ.

У старшаго приказчика между тѣмъ и другихъ хлопотъ былъ полонъ ротъ. Вокругъ него происходили какія-то событія, въ которыхъ онъ ничего не понималъ, но догадывался, что тутъ пахнетъ чѣмъ-то недобрымъ.

Съ вечера онъ былъ взволнованъ приходомъ къ ихъ берегу какого-то страннаго судна. Онъ служилъ въ усадьбѣ уже полтора десятка лѣтъ и никогда ничего подобнаго не случалось. На дальнемъ горизонтѣ проходило множество пароходовъ и всякаго рода судовъ, но владѣльцамъ ихъ и въ голову не приходило приставать здѣсь. И вдругъ, цѣлое судно, съ высокой мачтой, съ полнымъ мореходнымъ снаряженіемъ. Изъ судна вышли какіе-то люди, втащили въ помѣщичій домъ какого то большого старика. Да, наконецъ, и самые американцы вызывали въ немъ и у всѣхъ служащихъ глубокое недоумѣніе. Что за люди такіе? Управляющій, который ничѣмъ не интересуется, конторщикъ, который книгами не занимается и механикъ, который боится подойти къ машинѣ.

Люди эти ѣдятъ и пьютъ, гуляютъ и разговариваютъ и въ этомъ вся ихъ служба. Да и гдѣ видано, чтобы главный управляющій дружилъ съ конторщикомъ и машинистомъ?

Обо всемъ этомъ онъ размышлялъ и велъ тихіе разговоры со служащими, но никакихъ мѣръ предпринять не могъ, такъ какъ у него была бумага отъ самого Павла Мартыновича.

Но тревога его усилилась, а мысли совершенно спутались, когда въ эту ночь, вскорѣ послѣ двѣнадцати часовъ, въ окно занимаемой имъ квартиры постучались. Онъ проснулся, наскоро напялил кафтанъ и вышелъ.

Какой-то совершенно незнакомый человѣкъ въ синихъ очкахъ, съ круглыми стеклами, ткнулъ ему въ руку конвертъ. Онъ вошелъ въ домъ, зажегъ свѣчу и прочиталъ. Тамъ была бумага отъ Павла Мартыновича. Въ ней предписывалось — подателю и прибывшимъ съ нимъ людямъ дать помѣщеніе, гдѣ-нибудь подальше отъ главнаго дома, и держать въ глубочайшей тайнѣ ихъ пребываніе въ усадьбу.

— А гдѣ же люди? — спросилъ приказчикъ.

— Ты укажи помѣщеніе, а ужъ остальное до тебя не касается, — отвѣтилъ человѣкъ въ синихъ очкахъ. — Да смотри, никому ни слова, а не то худо будетъ. А ежели оттуда (онъ указалъ на главный домъ), какія приказанія будутъ, обо всемъ спрашивайся.

И при этомъ приказчику показалось, что у человѣка въ синихъ очкахъ, подъ пиджакомъ, блеснуло что-то, похожее на револьверъ. Изъ этого онъ заключилъ, что дѣло дѣйствительно серьезное, и больше не задавалъ никакихъ вопросовъ, а просто отвелъ помѣщеніе во флигель, который стоялъ особнякомъ, въ глубинѣ сада.

Послѣ этого онъ, разумѣется, уже не спалъ, а сидѣлъ въ своей квартирѣ и ждалъ, что будетъ

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14—47

дальше. Никаких людей онъ не видѣлъ и явились они или нѣтъ, не зналъ. Но когда получилъ приказаніе ѣхать за священникомъ, сперва забѣжалъ во флигель. Человѣкъ въ синихъ очкахъ, но какъ будто уже съ другимъ лицомъ, одиноко и неподвижно сидѣлъ на крыльцѣ.

— За священникомъ? Что-жь, это можно; — поѣзжай, — разрѣшилъ онъ и приказчикъ поѣхалъ.

Спустившись изъ верхняго этажа, капитанъ Терве вернулся въ нижнее помѣщеніе и сперва заглянулъ въ комнату, гдѣ лежалъ больной. Старикъ не шевелился. Глаза его были закрыты, но грудь медленно вздымалась и опускалась. Спалъ-ли онъ, или, можетъ быть, до самозабвенія погрузился въ мысленное переживание долгаго, пройденнаго имъ, жизненнаго пути, собираясь отдать послѣдній отчетъ въ своихъ дѣлахъ.

Молодой человѣкъ безшумно притворилъ дверь и вошелъ въ комнату миссъ Эвелины. Увидѣвъ его при свѣтѣ зачинавшагося утра, она почти съ испугомъ подняла руки.

— Матти, о дорогой мой братъ, что съ тобой было? Ты какъ будто постарѣлъ на десять лѣтъ.

— Не спрашивай, Эвели! У меня не найдется словъ выразить ужасныя сомнѣнія, которыя заронила въ мою душу эта ночь. Дай мнѣ посидѣть около тебя, хоть минуту, дай взглянуть въ твои ясные глаза... Въ нихъ я находилъ поддержку, они обладаютъ способностью вливать успокоеніе въ мою тревожную душу.

Миссъ Эвелина сѣла на диванѣ и, взявъ его руку, усадила рядомъ съ собой. Онъ довѣрчиво положилъ на ея плечо свою усталую голову и закрылъ глаза.

— Ты ничего не скажешь мнѣ, Матти? — тихо спросила она.

— Если-бъ у меня были слова... Но ихъ нѣтъ. При томъ же нѣтъ, нѣтъ, Эвелина, это не можетъ быть правдой.

— Что, мой милый?

— Бредъ въ теченіе всей ночи... Слова дьявола, которыя вылетали изъ устъ святого...

— Старика? Ты называешь его святымъ?

— Всю жизнь почиталъ такимъ.

— А знаешь-ли ты, что, когда онъ появился на яхтѣ и я посмотрѣла ему въ глаза, мнѣ захотѣлось броситься въ море!

— Почему?

— Не знаю. Въ этихъ глазахъ я увидѣла цѣлый адъ. Мнѣ показалось, что на меня смотрятъ глаза самого Вельзевула.

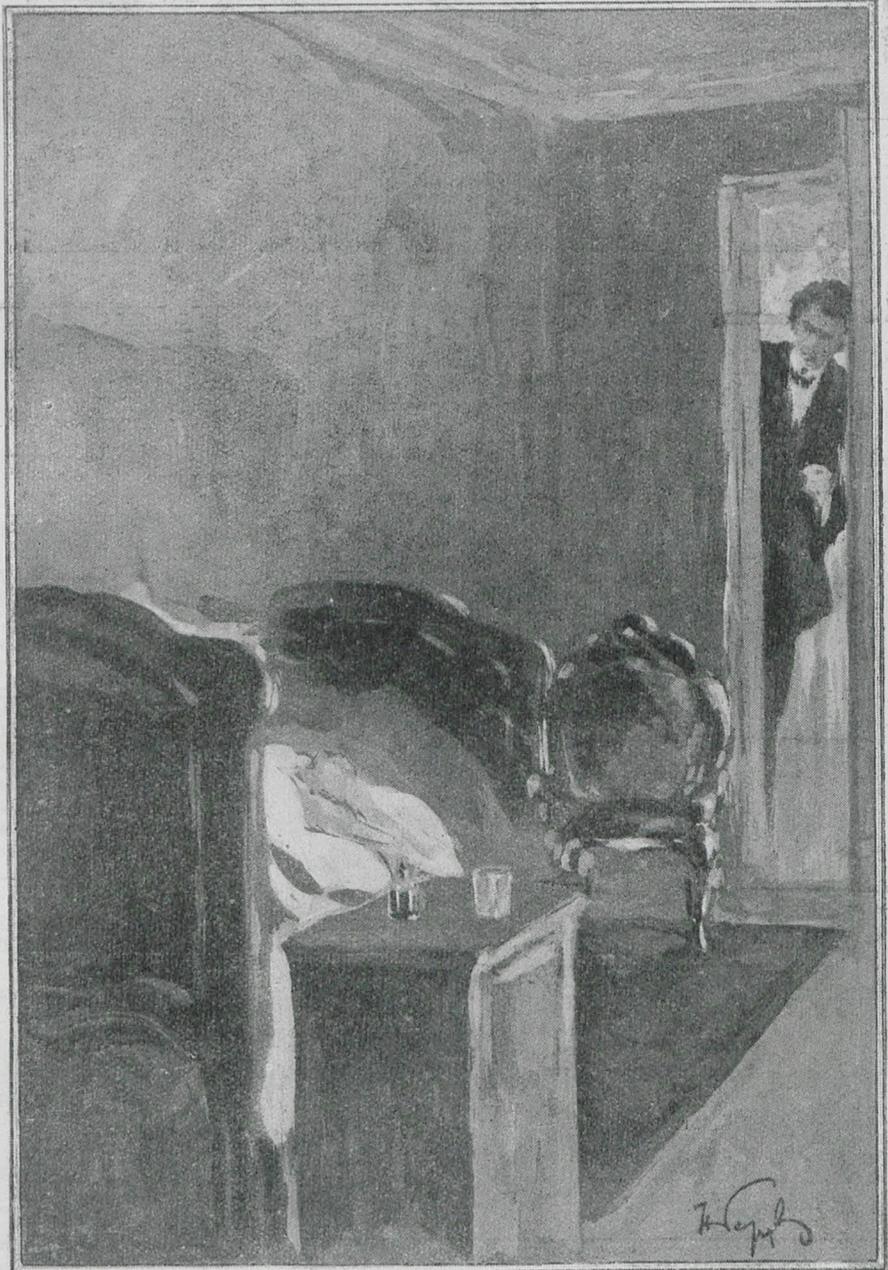
— Эвели, что ты говоришь? — съ выраженіемъ ужаса и тоски воскликнулъ Терве.

— Я ничего не знаю... Я ничего не говорю! — стараясь смягчить впечатлѣніе своихъ словъ,

промолвила миссъ Эвелина. — Но что же, что онъ... бредилъ?

— Послѣ, послѣ, дорогая Эвели. Сейчасъ произойдетъ нѣчто необыкновенное. Старикъ выразилъ желаніе покаяться въ своихъ грѣхахъ, въ присутствіи священника. За священникомъ уже послали. Старикъ потребовалъ, чтобы никто,

Рис. Н. Герардъ.

Терве заглянулъ въ комнату, гдѣ лежалъ больной. Старикъ не шевелился...

кромѣ священника, не присутствовалъ при этомъ. Слушай, Эвели! Воля страшнаго Укко всегда для меня была священна...

Страшнаго... Да, страшнаго... — про себя промолвила миссъ Эвелина.

— Его воля была для меня закономъ. Но моя душа истерзана сомнѣніями. Что, если я позволю себѣ отступить и вонъ тамъ, въ той передней, во время исповѣди, буду стоять и слушать? Это вѣроломство, низость...

— Нѣтъ, ты имѣешь право... Умирая, онъ отравилъ твою душу сомнѣніями. Ты имѣешь право искать у него же противоядія. Подумай, Матти. Отъ этого зависитъ направленіе всей твоей

Рис. Н. Герардова.

На разсвѣтѣ Спрингъ тихонько прокрался въ садъ...

жизни, а значить и моей. Наконецъ, если твои сомнѣнія ложны, ты обязанъ оправдать его, стараго Укко, въ своей душѣ. Да, да, Матти, дорогой мой братъ, ты это сдѣлаешь... Ради меня, если ты чувствуешь потребность сдѣлать что-нибудь ради Эвелины.

— Это ты говоришь?—воскликнулъ Терве, поднявъ голову, и горящимъ взглядомъ посматрѣлъ ей въ глаза.—О, Эвели, какъ ты можешь въ этомъ сомнѣваться. Ради тебя!.. Да знаешь-ли ты, что, кромѣ тебя и матери, во всемъ свѣтѣ у меня нѣтъ никого. Знаешь-ли ты, что я тебѣ поклоняюсь, что ты для меня верховное существо... Въ твоихъ глазахъ мое небо... Эвели, Эвели...

Онъ стоялъ на колѣняхъ и дрожащими руками обнималъ ея ноги и цѣловалъ ея одежды, а она охватила его голову своими руками и слезы неожиданной радости струились изъ ея глазъ.

Но во всей усадьбѣ, можетъ быть, никто такъ не волновался, какъ мистеръ Спрингъ. Когда онъ узналъ о поставленномъ больнымъ старикомъ необыкновенномъ условіи для исповѣди, онъ точно сошелъ съ ума. Глаза его загорѣлись, щеки покраснѣлись, на лбу выступилъ потъ. Мистеръ Краббъ ощупалъ его пульсъ и сказалъ:

— Febris reporterica! Особая болѣзнь, свирѣпствующая въ большихъ городахъ Америки. Единственное леченіе—холодный душъ изъ пожарной кишки.

— Онъ правъ, — сказалъ Спрингъ,—но мнѣ кажется, что болѣзнь эта можетъ быть смертельна,—именно, если я не умудрюсь присутствовать при этой отходной, чтобы занести въ мою записную книжку, я умру и при томъ естественной смертью.

— Но это совершенно невозможно,—возразилъ Флей. — Если ты появишься въ комнатѣ, больной прекратитъ исповѣдь.

— А я утверждаю, что это вполне возможно. Сегодня на разсвѣтѣ я тихонько прокрался въ садъ и припалъ къ окну. Его забыли плотно притворить. Я разглядѣлъ кровать, на которой лежитъ старикъ. Она довольно высока, такъ что подъ нею можетъ помѣститься человекъ—разумѣется, въ полусогнутой позѣ, но это мнѣ безразлично, я вѣдь умѣю при необходимости складываться перочиннымъ ножомъ. Далѣе, я видѣлъ, что старикъ послѣ бурнаго бреда потерялъ силы и забылся, а этотъ капитанъ вышелъ отъ него. И такъ, что же мнѣ помѣшаетъ сейчасъ же влѣзть въ окно и занять, принадлежащее мнѣ, по репортерскому праву, мѣсто подъ кроватью. Моя записная книжка въ карманѣ, мой заячій слухъ не проронитъ ни одного звука, а стено-

графія поможетъ мнѣ записать все, слово въ слово. Взгляните въ окно: вонъ возвращается посланный и съ нимъ духовное лицо. Никакія силы неба и земли и всѣхъ другихъ планетъ, не удержатъ меня...

И. Потапенко.

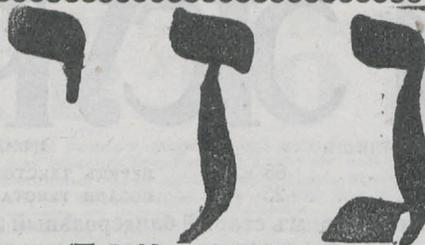
(ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе И. Н. Потапенко:
Глава IX.—Умирающій дьяволъ. Глава X.—Страшная исповѣдь.

?

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
I. I. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Глѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
съ необходимымъ по-
слѣловіемъ Вас. Ре-
гинина,

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, I. I. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Глѣдича, А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть 1-ая.

Въ притонѣ „Кровавая мышеловка“ за игрою въ рулетку, у кн. Енгушева исчезаетъ брилліантъ. Этотъ камень, на которомъ были вырѣзаны таинственные знаки, служилъ печатью комитета таинственныхъ заговорщиковъ.

Воромъ оказался жандармскій ротмистръ Персинъ, который пожу видомъ мистера Перси, давно слѣдилъ за княземъ. Перси перекрашивается въ негра и зашиваетъ камень подъ кожу, но случайная встрѣча съ компаніей художниковъ и ударъ бокса, полученный Персинымъ, служатъ причиной новаго исчезновения камня.

Своею возлюбленною, баронессѣ Маріи, Енгушевъ даритъ дубликатъ камня, и въ одно утро Марію находятъ при загадочной обстановкѣ убитой, причѣмъ брилліантъ находятъ у нея, вложеннымъ на мѣсто вырваннаго глаза.

Убийство подымаетъ на ноги какъ полицію, такъ и всю прессу, и одинъ изъ представителей послѣдней, репортеръ Спрингъ, выказываетъ чудеса ловкости и находчивости въ поискахъ за преступниками. Онъ уѣзжаетъ въ Россію, куда по его догадкамъ, они скрылись.

Часть 2-ая.

Въ Россіи Спрингъ встрѣчается въ кафе съ товарищами, художниками Краббомъ и Калиной и передаетъ имъ свои подозрѣнія относительно недавно прибывшей въ этотъ городъ яхты „Нирваны“, которая остановилась въ гавани яхтъ-клуба.

Счастливая встрѣча пріятелей съ членомъ клуба, Нечипоренко, даетъ возможность Спрингу попасть на таинственную яхту. Спринга арестовываютъ и усиліями Калины, и его брата, занимающаго видный административный постъ, освобождаютъ.

Братъ Калины совѣтуетъ всемъ (Краббу, брату и Спрингу) укрыться у него въ имѣніе подъ видомъ служащихъ, куда они и уѣзжаютъ, подъ видомъ трехъ американцевъ.

Случайно приставшая къ берегу яхта „Espera“ оказывается старой „Нирваной“ на которой путешествуетъ Перси, подъ именемъ Терве. Отецъ Терве (старый Укко) умираетъ и его переносятъ въ домъ, гдѣ Спрингъ прилагаетъ всѣ усилія узнать тайну камня изъ исповѣди умирающаго. Приглашаютъ православнаго священника, и Спрингъ не смотря на уговоры пріятеля, забирается подъ кровать умирающаго...

ГЛАВА IX УМИРАЮЩІЙ ДЬЯВОЛЬ.

— Остановись, безумный Спрингъ, — воскликнулъ Флей, схвативъ его за руки. — Ты хочешь ворваться въ душу умирающаго, когда онъ собирается раскрыть ее передъ Богомъ... Но даже и для репортера должны быть границы нравственно-дозволеннаго.

— Можетъ быть, для европейскаго, но для американскаго репортера не положено никакихъ границъ! — гордо поднявъ голову, торжественно воскликнулъ Спрингъ и, вырвавшись изъ рукъ Флея, стрѣлой помчался къ выходу.

Двумя прыжками онъ сбѣжалъ по лѣстницѣ внизъ, выбѣжалъ въ садъ и осторожно подошелъ къ полуотворенному окну комнаты, въ которой лежалъ старикъ. Онъ заглянулъ туда. Больной все еще находился въ забытій.

Въ одно мгновение, какъ кошка, вскарабкался Спрингъ на подоконникъ, безшумно спустился на полъ, въ комнатѣ, поползъ на четверенькахъ подъ кровать и скрылся за свисавшимъ до полу со всѣхъ сторонъ покрываломъ.

Но каково же было его изумленіе и ужасъ, когда онъ чуть не столкнулся лбомъ съ нѣкимъ джентльменомъ, который сидѣлъ уже подъ кроватью на корточкахъ, согнувъ спину и низко наклонивъ голову. Круглые синіе очки, которые онъ носилъ въ обычное время, были подняты на лобъ. Джентльменъ взглянулъ на Спринга, поднялъ руку и многозначительно приложилъ палецъ къ своимъ губамъ.

«Les beaux esprits se rencontrent» — подумалъ Спрингъ, — хорошо, если это шпионъ, а если репортеръ другой газеты, онъ можетъ перехватить у меня право первенства». Но размышлять было некогда. Онъ вынулъ изъ бокового кармана записную книжку и карандашъ и приготовился.

Старикъ чуткимъ ухомъ услышалъ шорохъ и заметался на постели. Потомъ изъ груди его послышался хриплый, надорванный голосъ:

— О, скоро-ли? Когда же, наконецъ? Моя душа рвется изъ тѣла... Матти! Дорогой Перси! Мой сынъ... Освободи, освободи...

Этими словами и начиналась стенографическая запись въ книжкѣ американскаго репортера мистера Спринга, произведенная при живомъ и до-стовѣрномъ свидѣтелѣ, сидѣвшемъ тутъ же на корточкахъ, съ поднятыми на лобъ синими очками, — запись, которой было суждено впоследствии сыграть такую важную роль.

ГЛАВА X. СТРАШНАЯ ИСПОВѢДЬ.

Старый священникъ, положивъ руку на голову умирающаго незнакомца, стоялъ надъ его ложемъ, молитвенно возведя очи къ небу. Окна и двери были плотно затворены.

Но за дверью стоялъ, весь дрожа отъ трепетнаго волненія, молодой капитанъ и, прикинувъ ухомъ къ замочной скважинѣ, всѣ свои духовныя силы сосредоточилъ въ напряженномъ вниманіи.

Среди глубокой тишины отрывисто раздавался негромкій, но рѣзкій, скрипучій голосъ старика. Онъ говорилъ:

«Ничего не скроешь передъ тобой, Всевышній... Я умѣлъ обманывать людей весь свой долгій вѣкъ, но Тебя обмануть нельзя. Ты знаешь мою жизнь, но я хочу припомнить ее для того, чтобы хоть сотою долѣ моихъ дѣяній заслужить прощенье... Тяжко, о, тяжело...

Въ юности я, сынъ бѣднаго фермера, покинулъ родную страну, чтобы поискать счастья. Но какъ я его искалъ и какъ нашель!.. Лучше бы и вовсе не родиться, чѣмъ теперь, на смертномъ одрѣ, вспоминать про это.

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14—48.

Природа избрала меня своимъ любимцемъ: я былъ красивъ, какъ первый нѣжный лучъ утренней зари. Женщины при видѣ меня заболѣвали любовной лихорадкой. Разъ взглянувъ на меня, онѣ уже навсегда отворачивались отъ своихъ мужей и любовниковъ. И этотъ божественный даръ, красоту, я употребилъ во зло...

Моей первой женой была дочь Бразильскаго Нибоба. Она принесла мнѣ колоссальное богатство, но черезъ годъ послѣ свадьбы ее нашли утонувшей, въ колодезь... Это было мое первое дѣло...

Природная жадность не позволяла мнѣ остановиться на этомъ. Я переѣхалъ въ Австралію и тамъ подругимъ именемъ, женился на вдовѣ богатаго скотопромышленника. Вскорѣ она исчезла безслѣдно, и я, виновникъ ея гибели, всенародно оплакивавшей ее, безутѣшный вдовецъ — превративъ ея имущество въ золото, покинулъ страну подвидомъ желанія забытья отъ горя.

Послѣ этого у меня было еще четыре жены и всѣ онѣ, принесая мнѣ новое богатство, неизмѣнно отправлялись туда различными путями въ вѣчность. И вотъ теперь я слышу, какъ вопіютъ къ небу ихъ загубленныя мною души... Какъ жалобно и пламенно молятъ о мщениі... Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ? Какъ облегчить эту страшную ношу моей души?...

Шесть молодыхъ жизней... Шесть прекрасныхъ женщинъ, рожденныхъ для счастья...

И много, много было еще, меньшихъ и большихъ преступлений, пока протекла половина моей жизни... Я вернулся на родину, когда въ волосахъ моихъ появилась уже бѣлизна... Я былъ обладателемъ многихъ милліоновъ, которые въ глазахъ людей, принесли мнѣ тысячи всевозможныхъ выгодныхъ предпріятій на чужбинѣ.

Я могъ бы быть счастливымъ. Но справедливое небо по заслугамъ лишило меня этой возможности. Страстная жажда женской ласки, жажда, чуждая мнѣ въ теченіе долгой жизни, когда всѣ

силы мои были направлены на добываніе золота, стала мучить и снѣдать меня. Но среди женщинъ я не могъ встрѣтить ни одной, которая загля бы мою кровь. Къ прекраснѣйшимъ изъ нихъ я оставался холоденъ и безучастенъ, какъ гранитъ.

И эта жажда вторично выгнала меня изъ страны моихъ предковъ. Какъ хищный звѣрь ищетъ добычи для удовлетворенія голода, такъ я посвятилъ остатки своей жизни поискамъ женщины, которая могла бы утолить мою страсть...

Рис. Н. Герардова.

Спрингъ безшумно опустился на полъ и поползъ въ комнату на четверенькахъ...

Снова я обѣхалъ свѣтъ, изъ страны въ страну, тоскующимъ взоромъ съ надеждой впивался я въ каждое женское существо, но напрасно...

Проходили годы. Холодный, одинокій, презирающій людей и самого себя, я часто, о слишкомъ часто, готовъ былъ добровольно лишиться этой невыносимой жизни, но меня останавливало подлое рабство жизни, заложенное въ каждомъ изъ насъ и я оставался жить, наединѣ съ своей мукой.

И вотъ, когда мои кудри и борода стали бѣлыми, я встрѣтилъ женщину... Творецъ мой, что это была за минута, когда я увидѣлъ!.. Когда отъ одного шелеста ея платья во мнѣ, какъ въ котлѣ огромной машины, вскипѣла и забурлила кровь...

Марія... Это было ея сладкое имя!

Мнѣ не трудно было овладѣть ею. Ея мужъ, ничтожный, бездарный, жалкій отпрыскъ нѣкогда богатаго и знатнаго рода, въ молодости прокутившій послѣдніе крохи наслѣдства, влачилъ существованіе, съ отвращеніемъ изъ за средствъ занимаясь дипломатіей, въ одномъ изъ государствъ Америки. Мнѣ стоило только бросить крупную горсть золота, чтобы онъ оказался благожелательнымъ посредникомъ между мной и его женой... А она, любившая блескъ нарядовъ и шумъ успѣха больше Бога и своей совѣсти, она отдалась мнѣ легко, безъ колебаній, безъ борьбы...

Ты знаешь, о Справедливое Небо, что я любилъ ее всѣмъ горячимъ пламенемъ моей крови,

что за всю мою жизнь я любилъ только ее, что никого въ этомъ свѣтѣ больше не любилъ...

Въ упоительномъ счастьи, какого, навѣрно, на землѣ не испыталъ еще ни одинъ человекъ, провелъ я три года, и вдругъ... О, чудовищное воспоминаніе! Боюсь, что не выдержитъ его мой слабый, потухающій мозгъ... Страшусь, что раньше времени, разорвется мое одряхлѣвшее сердце...

Однажды я узналъ, что, лаская меня, она въ то же время отдавала себя ничтожному фату, наемному секретарю ея мужа, человеку безъ имени, безъ прошлаго и безъ будущаго...

Громъ мести прогремѣлъ въ моей оскорбленной душѣ. Нечеловѣческая любовь превратилась въ нечеловѣческую злобу. Я приговорилъ эту женщину. Но всѣ казни, какія существовали для другихъ, для нея мнѣ казались ничтожными. И я рѣшилъ мою мечь сдѣлать задачей всей моей жизни...

О, разумѣется, я не подалъ и виду, что узналъ объ измѣнѣ, напротивъ — я усилилъ свою заботу о ней; залилъ ее золотомъ, засыпалъ нарядами и драгоценностями. Мой планъ...

Да, это былъ планъ, достойный дьявола. Убить человека просто, чтобы онъ потерялъ жизнь, развѣ это мечь, достойная оскорбленной любви? Нѣтъ, она должна погибнуть въ такую минуту, когда сердце ея будетъ переполнено счастьемъ, чтобы вмѣстѣ съ жизнью она потеряла и счастье. Она должна полюбить. Безумно, беззавѣтно! И для этого я долженъ окружить ее людьми, среди которыхъ она могла бы сдѣлать безошибочный выборъ...

Вотъ тутъ-то въ моей головѣ и родилась величавая мысль о созданіи тайнаго общества объединенія флотовъ всего міра...

О, я хорошо понималъ, что это дѣтская сказка, не болѣе, но я также зналъ, какъ слѣпнуть люди передъ красивыми словами и какъ вырастаетъ уваженіе человека къ самому себѣ, когда онъ чувствуетъ себя героемъ...

Да, дѣтская сказка. Но при помощи несмѣтнаго богатства, которое я готовъ былъ бросить въ пасть дикаго звѣря, моей ненасытной мести, мнѣ удалось создать ее въ жизни и вотъ великое тайное общество зародилось... Зародилось и сразу выросло до такихъ грандіозныхъ размѣровъ, что встревожило не только отдѣльныхъ людей, но цѣлыя страны и ихъ правительства. Съ нимъ стали вести борьбу... Его таинственный девизъ, обозначенный древними еврейскими буквами, которыя я начерталъ на драгоценномъ бриллиантѣ, напрасно

старались разгадать цѣлыя сонмы ученыхъ мужей, всѣхъ странъ. Да, напрасно, потому, что въ тѣхъ буквахъ не было никакого смысла, онѣ были выданы моимъ капризомъ, а самый бриллиантъ, дѣйствительно стоившій мнѣ колоссальной суммы, украшалъ изящнѣйшую въ мірѣ, но въ тоже время и преступную руку Маріи.

Двѣнадцать членовъ тайнаго совѣта тоже носили при себѣ каждый по такому же камню, но то были лишь копіи, правда, сдѣланныя съ неподражаемымъ искусствомъ, но все-же жалкія копіи единственнаго, неимѣющаго цѣны, камня, который носила Марія.

Рис. Н. Герардова.

Терве стоялъ за дверью, весь дрожа отъ трепетнаго волненія.

Идеи нашего общества стали распространяться съ неимоверной быстротой. Бѣдное человечество, погруженное въ будничную борьбу за существованіе, вѣчно мучается жадной великаго и свѣтлаго... Десятки и сотни тысячъ людей въ различныхъ странахъ примкнули къ новой тайной организаци. Явились вожди, фанатики, способные жертвовать жизнью за эфемерный, никогда неосуществимый идеаль... О, пусть! Человѣчеству такъ плохо живетъ на землѣ, что иногда не грѣхъ ему позабавиться дѣтской игрой.

Но развѣ для золота есть что-нибудь не достижимое? Я не могъ не достигнуть моей цѣли и я достигъ ее. Марія—въ центрѣ, она окружена сотней лучшихъ людей, молодыхъ, мужественныхъ, пылкихъ, благородныхъ, готовыхъ рисковать своей головой ради великаго дѣла. У нея богатѣйшій выборъ...

И, между ними, какъ изумрудъ въ коронѣ восточнаго властителя, блистала молодой русскій, по имени Енгушевъ. Казалось, природа, создавая его, хотѣла превзойти сама себя и дать образецъ своего

творчества! Но онъ былъ бѣденъ. У него не было ни знаменитыхъ предковъ, ни звонкаго имени. А Марія была тщеславна. Чтобы обратить ея вниманіе на красоту, нужно было и то, и другое.

И. Потапенко.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе И. Н. Потапенко:

Глава X.—Страшная исповѣдь.

?

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
Г. Г. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гиѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.

съ необходимымъ по-
слѣсловіемъ Вас. Ре-
гинина.

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, Г. Г. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гиѣдича, А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть 1-ая.

Въ притонѣ „Кровавая мышеловка“ за игрой въ рулетку, у кн. Енгусева исчезаетъ брилліантъ. Этотъ камень, на которомъ были вырѣзаны таинственные знаки, служилъ печатью комитета таинственныхъ заговорщиковъ.

Воромъ оказался жандармскій ротмистръ Персинъ, который подъ видомъ мистера Перси, давно слѣдилъ за княземъ.

Перси перекрашивается въ негра и зашиваетъ камень подъ кожу, но случайная встрѣча съ компаніей художниковъ и ударъ бокса, полученный Персинимъ, служатъ причиной новаго исчезновенія камня.

Своей возлюбленной, баронессѣ Маріи, Енгусевъ даритъ дубликатъ камня, и въ одно утро Марію находятъ при загадочной обстановкѣ убитой, причемъ брилліантъ находятъ у нея, вложеннымъ на мѣсто вырѣзаннаго глаза.

Убийство подымаетъ на ноги какъ полицію, такъ и всю прессу, и одинъ изъ представителей послѣдней, репортеръ Спрингъ, выказываетъ чудеса ловкости и находчивости въ поискахъ за преступниками. Онъ уѣзжаетъ въ Россію, куда, по его догадкамъ, они скрылись.

Часть 2-ая.

Въ Россіи Спрингъ встрѣчается въ кафе съ товарищами, художниками Краббомъ и Калиной, и передаетъ имъ свои подозрѣнія относительно недавно прибывшей въ этотъ городъ яхты „Нирваны“, которая остановилась въ гавани яхтъ-клуба.

Счастливая встрѣча пріятелей съ членомъ клуба, Нечипоренко, даетъ возможность Спрингу попасть на таинственную яхту.

Спринга арестовываютъ и усилями Калины и его брата, занимающаго видный административный постъ, освобождаютъ.

Братъ Калины совѣтуетъ всѣмъ (Краббу, брату и Спрингу) укрыться у него въ имѣніи подъ видомъ служащихъ, куда они и уѣзжаютъ, подъ

видомъ трехъ американцевъ.

Случайно пристававшая къ берегу яхта „Есрета“ оказывается старой „Нирваной“, на которой путешествуетъ Перси, подъ именемъ Терве.

Отецъ Терве (старый Укко) умираетъ и его переносятъ въ домъ, гдѣ Спрингъ прилагаетъ всѣ усилія узнать тайну камня изъ исповѣди умирающаго.

Приглашаютъ православнаго священника, и Спрингъ, не смотря на уговоры пріятеля, забирается подъ кровать умирающаго... Совершенно неожиданно подъ кроватью Спрингъ замѣчаетъ спрятавшагося сыщика, но, не смущаясь этимъ, заноситъ въ книжку исповѣдь старика. Изъ словъ умирающаго узнаютъ, что именно онъ и былъ организаторомъ таинственнаго заговора.

ГЛАВА X.

СТРАШНАЯ ИСПОВѢДЬ.

Но меня это не занимало. Мнѣ нужно было недостижимое на землѣ! Я купилъ ему княжескій титулъ, а вмѣстѣ съ нимъ и два десятка поколѣній знаменитыхъ предковъ, я надѣлилъ его богатствомъ, и вотъ вдругъ загремѣло имя князя Енгусева, и прекрасные глаза Маріи остановились на немъ. Начался романъ, безумный, страстный и, должно быть, упоительный...

Но въ тотъ самый день, когда Марія, вызванная княземъ Енгусевымъ въ С.-Франциско, считала себя обладательницей наивысшаго счастья—раздѣленной любви, я пришелъ къ ней и убилъ ее. Я сказалъ ей: я отнимаю у тебя то, что ты отняла у меня своей вѣроломной измѣной. Я считалъ тебя такимъ-же избранникомъ счастья, какую считаешь себя въ эту минуту ты...

И я убилъ ее. Я вырвалъ у нея глазъ, одинъ изъ пары прекрасныхъ глазъ, которые такъ искусно лгали мнѣ, и на его мѣсто вложилъ брилліантъ, но не тотъ, что носила она на своей рукѣ, а поддѣльный... О, тотъ брилліантъ вернулся ко мнѣ, — я сдѣлалъ это для того, чтобы сбить съ толку полицію, и это мнѣ удалось. Убийство подняло на ноги весь городъ и сдѣлалось достояніемъ всего міра.

Но, Богъ мой... Я теряю силы... Я чувствую, на какую ничтожную долю я облегчилъ ношу моихъ грѣховъ, но кровь стынетъ въ моихъ жилахъ, сердце замедляетъ свои удары... Матти, сынъ мой! Войди ко мнѣ, Перси...

Послѣднія слова старикъ хрипло прокричалъ, видимо, собравъ послѣднія силы. Въ комнату вошелъ капитанъ Терве. Лицо его было мертвенно-блѣдно, губы его дрожали. Онъ остановился у порога и какъ бы приросъ къ землѣ.

— Сынъ мой, вотъ послѣднее, что я долженъ сказать.—На яхтѣ, въ томъ шкафикѣ, ты знаешь... въ ящичкѣ направо... молитвенникъ, который нѣкогда, въ дѣтствѣ, подарила мнѣ мать... Чтобы взять его, ты долженъ удалить матросовъ съ яхты... Ни одна душа пусть не будетъ на немъ... Возьмешь его, поспѣши и самъ удались... Ты не сдѣлаешь мнѣ никакого зла... И тотъ молитвенникъ пусть будетъ вложенъ въ мои руки... Съ нимъ опустите меня въ могилу... Матти, сынъ мой... Почему ты не подойдешь ко мнѣ и въ послѣдній разъ не пожмешь мою руку?.. Матти... Перси... О...

Вдругъ рука его порывисто поднялась, потомъ упала на грудь и конвульсивно прижалась къ ней.

— Онъ скончался, — сказалъ священникъ.— Подойдите къ нему.

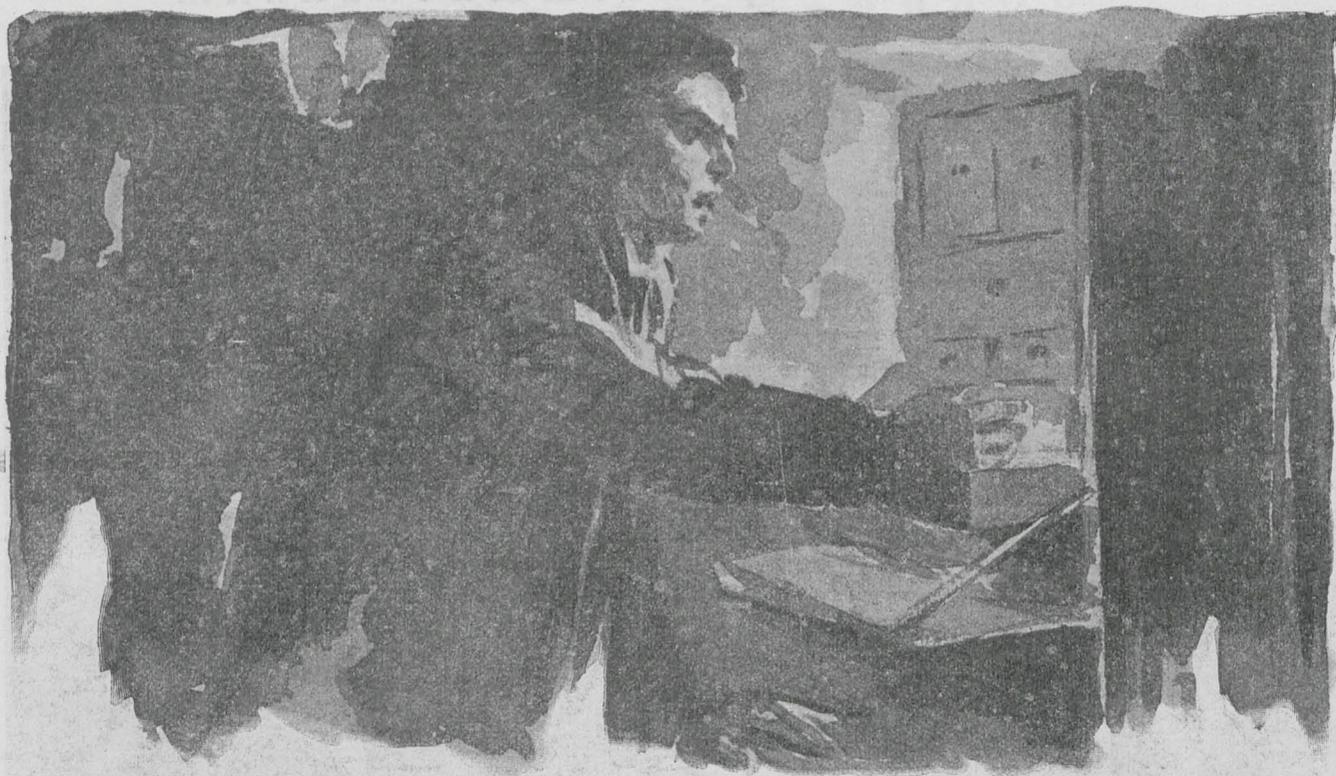
Но молодой человѣкъ не въ силахъ былъ двинуться съ мѣста. Что-то отталкивало его отъ этой ужасной постели. Хотѣлось закрыть лицо и бѣжать безъ оглядки. Въ головѣ его спутались всѣ мысли. Только одно стояло передъ нимъ, какъ неизбежное, отъ чего нельзя отказаться, что онъ не въ правѣ не исполнить, — «послѣднее, что я долженъ сказать»... Молитвенникъ... О, это «послѣднее» было полно ужасающаго смысла. Онъ почти явственно чувствовалъ, что скрыто въ глубинѣ этого «послѣдняго».

Вошла миссъ Эвелина и, взглянувъ на своего молодого друга, окаменѣла. Вслѣдъ за нею появились мис Флей и Краббъ. Но вдругъ они всѣ тревожно оглянулись.

Съ шумомъ распахнулись обѣ половинки двери, и въ комнату одинъ за другимъ ввалилась толпа людей. Ихъ было не меньше двухъ десятковъ и все это были дужіе молодцы, рослые, съ крѣпкими мускулами. Нѣкоторые изъ нихъ стали у оконъ, а другіе загородили собою дверь.

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14—49.

Рис. Н. Герардова.

Онъ протянулъ руку и схватилъ лежавшій сверху брилліантъ.

— Одинъ, съ бляхой на груди, подошелъ къ священнику и шепнулъ ему.

— Уходите отсюда, батюшка, ваша роль кончена! — и священникъ тотчасъ же вышелъ изъ комнаты.

Затѣмъ тотъ же человѣкъ произнесъ: — кто здѣсь называется мистеръ Флей?

— Это я, — отвѣтилъ Флей.

— Вотъ эта бумага объяснить вамъ все! — промолвилъ человѣкъ съ бляхой, — подавая ему запечатанный конвертъ.

Затѣмъ онъ приблизился къ кровати и, наклонившись, приподнялъ покрывало.

— Потрудитесь выйти оттуда, — сказалъ онъ.

Изъ подъ кровати выползъ мистеръ Спрингъ, держа въ рукъ записную книжку и карандашъ. Лицо у него было до послѣдней степени смущенное; но вышелъ онъ одинъ. Что же касается его импровизированнаго товарища, съ синими очками на лбу, то онъ, очевидно, не принялъ на свой счетъ приглашенія.

— А теперь, господа, по предписанію вышшаго начальства, объявляю всѣхъ, находящихся въ этомъ домѣ, арестованными! — промолвилъ человѣкъ съ бляхой на груди. — Предупреждаю васъ, что садъ окруженъ стражей и что малѣйшая попытка уклониться послужитъ поводомъ для выстрѣла...

— Я подчиняюсь распоряженію власти, — тихимъ подавленнымъ голосомъ произнесъ капитанъ Терве; — но прошу позволенія исполнить послѣднюю волю умершаго — съѣздить въ лодкѣ на яхту и привезти оттуда молитвенникъ, вложить ему въ руки и вмѣстѣ съ нимъ опустить въ могилу.

Человѣкъ съ бляхой на груди, на минуту задумался. — Такъ-ли это? — спросилъ онъ громко, какъ казалось, ни къ кому не обращаясь.

— Да, это такъ! — раздался глухой голосъ, какъ будто изъ затвореннаго шкафа или изъ под-

полья. Флей и Крабъ съ недоумѣніемъ переглянулись. Недоумѣніе выразилось и на лицахъ капитана и Эвелины. Только Спрингъ какъ-то загадочно усмѣхнулся. Онъ зналъ, кому принадлежитъ этотъ голосъ.

— Хорошо. Вы сдѣлаете это въ сопровожденіи конвойнаго, — сказалъ человѣкъ съ бляхой, обратившись къ капитану. — Ты проводи господину къ лодкѣ, — приказалъ онъ одному изъ людей.

Въ сопровожденіи конвойнаго, молодой человѣкъ вышелъ въ садъ. Съ смертельно блѣднымъ лицомъ, шатающимися ногами побрелъ онъ по направленію къ морю. Здѣсь на берегу сидѣли матросы, въ томъ числѣ и Тимоша, а около нихъ стояли два солдата, съ ружьями на готовѣ.

Молодой человѣкъ отвязалъ шлюпку и сѣлъ въ нее, конвойный послѣдовалъ за нимъ. Они подплыли къ яхтѣ и по спущенной лѣстницѣ оба забрались на палубу. Капитанъ спустился внизъ, а конвойный ждалъ наверху.

Дрожащими руками отперъ онъ хорошо знакомую шифоньерку, нащупалъ съ правой стороны ящикъ, котораго никогда прежде не замѣчалъ, и выдвинулъ его. Въ первую минуту онъ отшатнулся, какъ бы пронзенный какимъ-то острымъ лучемъ, исходившимъ оттуда. Онъ протянулъ руку и схватилъ лежавшій сверху брилліантъ. «Онъ здѣсь, — прошептали его губы; — какими непостижимыми путями онъ попалъ сюда?»...

И. Потапенко.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе И. Н. Потапенко:

Глава X.—Страшная исповѣдь.

XX 459 № 51
2

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

п 5680-56

СИНИЙ ЖУРНАЛЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

на 1 годъ . . . . . 2 р. 50 к.	на 3 мѣс. . . . . 65 к.	ПЕРЕДЪ ТЕКСТОМЪ . . . . . 1 р. — к.
» 1/2 » . . . . . 1 » 25 »	» 1 » . . . . . 25 »	ПОЗАДИ ТЕКСТА . . . . . — » 80 »

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ ЗА СТРОКУ НОНПАРЕЛИ:

Перемѣна адреса—25 к.; при перемѣнѣ адр. необходимъ старый бандерольный адресъ, безъ чего перемѣна затруднительна.

Адресъ Главной Конторы: Спб., Фонтанна 80. Тел. 514-27 и 524-62, Редакци: Спб., Литейный, 57. Тел. 171—91.

Авторы коллективнаго романа «Синяго Журнала».

Рис. Н. Герардова.

За столомъ сидятъ (слѣва, на первомъ планѣ): В. А. Тихоновъ, А. И. Купринъ, Н. И. Потаненко, за нимъ стоитъ Аркадій Аверченко.

Справа: Н. А. Тэффи, И. И. Ясинскій (стоятъ) А. Каменскій, П. П. Глѣдичъ; у книжной полки—А. А. Измайловъ (стоятъ).

При этомъ номерѣ всѣмъ подписчикамъ разсылается подписной бланкъ въ видѣ почтоваго перевода, которымъ Гл. Контора покорнѣе проситъ пользоваться при подпискѣ на журналы «Сатириконъ», «Синій Журналъ» и «Галченокъ».

Вслѣдствіе болѣз-
ни слѣдующ. уча-
стника коллектив-
наго романа Ал. Н.
Будищева—о ко-
нчаніе будетъ
напечатано въ од-
номъ изъ даль-
нѣйшихъ № №
«Син. Журнала».

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
І. І. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
съ необходимыми по-
слѣсловіемъ Вас. Ре-
гинина.

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, І. І. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича,
А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть 1-ая.

Въ притонѣ „Кровавая мышеловка“ за игрой въ рулетку, у кн. Енгушева исчезаетъ брилліантъ. Этотъ камень, на которомъ были вырѣзаны таинственные знаки, служилъ печатю комитета таинственныхъ заговорщиковъ.

Воромъ оказался жандармскій ротмистръ Персинъ, который подъ видомъ мистера Перси, давно слѣдилъ за княземъ. Перси перекрашивается въ негра и зашиваетъ камень подъ кожу, но случайная встрѣча съ компаніей художниковъ и ударъ бокса, полученный Персинымъ, служатъ причиной новаго исчезновенія камня.

Своей возлюбленной, баронессѣ Маріи, Енгушевъ даритъ дубликатъ камня, и въ одно утро Марію находятъ при загадочной обстановкѣ убитой, причѣмъ брилліантъ находятъ у нея, вложеннымъ на мѣсто вырваннаго глаза.

Убийство подымаетъ на ноги какъ полицію, такъ и всю прессу, и одинъ изъ представителей послѣдней, репортеръ Спрингъ, выказываетъ чудеса ловкости и находчивости въ поискахъ за преступниками. Онъ убѣждаетъ въ Россію, куда, по его догадкамъ, они скрылись.

Часть 2-ая.

Въ Россіи Спрингъ встрѣчается въ кафе съ товарищами, художниками Краббомъ и Калиной, и передаетъ имъ свои подозрѣнія относительно недавно прибывшей въ этотъ городъ яхты „Нирваны“, которая остановилась въ гавани яхтъ-клуба.

Счастливая встрѣча пріятелей съ членомъ клуба, Нечипоренко, даетъ возможность Спрингу попасть на таинственную яхту. Спринга арестовываютъ и усилями Калины и его брата, занимающаго видный административный постъ, освобождаютъ.

Братъ Калины совѣтуетъ всѣмъ (Краббу, брату и Спрингу) укрыться у него въ имѣніи подъ видомъ служащихъ, куда они и убѣгаютъ, подъ видомъ трехъ американцевъ.

Случайно приставшая къ берегу яхта „Еврега“ оказывается старой „Нирваной“, на которой путешествуетъ Перси, подъ именемъ Терве. Отецъ Терве (старый Укко) умираетъ и его переноситъ въ домъ, гдѣ Спрингъ прилагаетъ всѣ усилія узнать тайну камня изъ исповѣди умирающаго. Приглашаютъ православнаго священника, и Спрингъ, не смотря на уговоры пріятеля, забирется подъ кровать умирающаго...

Совершенно неожиданно подъ кроватью Спрингъ замѣчаетъ спрятавшагося сыщика, но, не смущаясь этимъ, заноситъ въ книжку исповѣдь старика. Изъ словъ умирающаго узнаютъ, что именно онъ и былъ организаторомъ таинственнаго заговора.

ГЛАВА X.

СТРАШНАЯ ИСПОВѢДЬ.

Быстро спрятавъ въ карманъ драгоценную находку, онъ нащупалъ дно ящика. Тамъ лежала небольшая книжечка въ старинномъ золоченномъ переплетѣ. Схвативъ ее, онъ быстро поднялся наверхъ, по ступенькамъ лѣстницы. Черезъ минуту лодка, въ которой сидѣли молодой человекъ, зажавъ въ рукъ молитвенникъ, и конвойный, вернулись къ мосткамъ.

Стали подыматься по крутому берегу наверхъ. Матросы, въ сопровожденіи солдатъ, слѣдовали за ними. Вотъ они поднялись въ садъ.

Вдругъ страшный залпъ взрыва оглушилъ ихъ. Всѣ невольно обернулись къ морю и глазамъ ихъ представилось потрясающее зрѣлище. Яхта была взорвана. Надъ моремъ кружились взлетѣвшіе вверхъ обломки мачты, а сама она вся была объята пламенемъ. Къ берегу бѣжали люди. Арестованные смѣшались съ конвойными. Краббъ, уцѣпившись за рукавъ мистера Флея, едва успѣвалъ за нимъ своими короткими ногами.

Миссъ Эвелина, вся дрожащая, съ безумными глазами, растерянно глядѣла по сторонамъ, какъ бы отыскивая кого-то. Вдругъ она увидѣла капитана, который стоялъ, скрестивъ на груди руки и

сосредоточенно смотрѣлъ на пламя, подымавшееся къ небу.

— Матти... дорогой... единственный... ты здѣсь... ты живъ!... — Радостно восклицала она, охвативъ его шею руками и трепетно прижавшись къ нему всѣмъ тѣломъ.

Онъ съ нѣжной осторожностью взявъ ее за руки.

— Въ этомъ пламени горятъ наши заблужденія, чудовищный кошмаръ нашей жизни... Пусть они сгорятъ до тла. И тогда, быть можетъ, начнется новая и прекрасная жизнь... Наша новая жизнь, Эвели...

Выступилъ человекъ съ бляхой и строго произнесъ: — Всѣхъ арестованныхъ прошу отправиться въ домъ и оставаться тамъ безвыходно, впредь до новыхъ распоряженій начальства.

Во время суматохи, поднятой взрывомъ, мистеръ Флей, незамѣтно для другихъ, распечаталъ конвертъ и взглянулъ на бумагу. Тамъ было нѣсколько строкъ, напечатанныхъ на машинкѣ. Подписи никакой не было. Тамъ значилось:

«Братъ долженъ быть увѣренъ, что все происшедшее было вынуждено необходимостью и поведетъ къ лучшему, какъ для него, такъ и для тѣхъ, кто съ нимъ».

И. Потапенко.

ПИСЬМО КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

До конца текущаго года редакция „Синяго Журнала“ напечатала почти полностью коллективный романъ лучшихъ русскихъ писателей. „Почти“ — потому что, къ сожалѣнію, болѣзнь послѣдняго романа А. Н. Будищева приостановила романъ передъ самымъ его концомъ.

Подводя итоги тому, что уже дано, редакция съ удовлетвореніемъ можетъ сказать, что общаніе ся сдержано, и это небывалое по обстановкѣ творчества произведеніе — не мифъ?

„Коллективный романъ“ вызвалъ цѣлую бурю въ печати и массу разговоровъ среди читателей.

„Хранители завѣтомъ Добролюбова и Чернышевскаго“ изъ мелкой провинціальной прессы — метели громы и молніи по поводу „развала въ литературѣ“ и „паденія нравовъ“.

Съ точки зрѣнія здраваго литературнаго смысла въ затѣ русскихъ писателей не было ничего предсудительнаго, заслуживающаго упрека; наоборотъ, подобный опытъ коллективнаго творчества представляетъ, помимо его увлекательности, особый интересъ для любителей художественнаго слова и составитъ цѣнный матеріалъ для анализа писательскаго творчества.

Въ русской литературѣ подобные опыты, правда, имѣли уже мѣсто.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ „Новомъ Времени“ печатался коллективный романъ („Незнакомца“) А. С. Суворина и К. о. Вспоминаютъ, что какъ-то группа писателей, во главѣ съ В. Г. Короленко, сидя подъ арестомъ въ одной изъ тюремъ, занялась общимъ писаніемъ большого романа.

Такимъ образомъ, попытка участниковъ коллективнаго романа, печатавшагося въ „Синемъ Журналѣ“, едва ли могла сама по себѣ вызвать съ

*) См. „Синій Журналъ“ № № 15—50.

чьей-либо стороны осуждение. На нее прежде всего слѣдовало смотрѣть, какъ на занимательный экспериментъ, какъ на своеобразный замыселъ, который если-бы и не внесъ въ сокровищницу русской литературы цѣннаго приобрѣтенія, то, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ послужить рѣшительнымъ отвѣтомъ на вопросъ:

— Возможно ли одновременное совмѣстное творчество нѣсколькихъ авторовъ?

Сейчасъ интересующимся этимъ вопросомъ предоставлена удобная возможность разобраться въ немъ по существу.

Конечно, господа критики могли-бы увидѣть въ этомъ романѣ лакомый кусочекъ для своихъ аппетитовъ.

Появился даже слухъ, что романъ этотъ отъ полноты души писателей, кость — изъ жалости, брошенная или проголодавшимся за послѣдние годы критикамъ. Отъ русскихъ писателей съ изумительной развязностью требуютъ во что-бы то ни стало ежегодныхъ великихъ произведений пера, какъ будто гениальность и талантъ — машина, систематично выбрасывающая равноцѣнные продукты своей работы. А между тѣмъ за послѣдние годы, дѣйствительно, почти ничего яркаго и значительнаго русская литература не дала. Не удивительно, что слухъ о жертвѣ лучшихъ русскихъ писателей господамъ цѣнителямъ и толкователямъ ихъ произведений получилъ широкое распространение въ публикѣ.

— Беллетристическій пель-мель участниковъ коллективнаго романа — какое тонкое блюдо для стола господъ критиковъ.

Съ другой стороны — на повѣрку выходитъ, что и „обязательные“ годовые романы толстыхъ журналовъ по внутреннему содержанию своему и потраченному авторами ихъ вдохновенно оказываются во всякомъ случаѣ еще менѣе жизнеспособными и нужными, чѣмъ „пресловутый, по выражению нашихъ критиковъ, коллективный романъ „Синяго Журнала“.

Попытайтесь, напримѣръ, осилить хотя бы печатающіеся въ „Русскомъ Богатствѣ“ изъ книжки въ книжку романъ В. Муйжеля „Годъ“. Нѣтъ, вы прочитайте его, слѣдуя хотя-бы куропаткинской формулѣ: терпѣніе, терпѣніе... и согласитесь, что такія литературныя погути, на предосудительность которыхъ никто и не посмѣетъ указать (помилуйте, „Русское Богатство!“) куда безформеннѣе, расплывчатѣе и безсвязнѣе даже того совмѣстнаго творчества авторовъ, которое можетъ напомнить басню о лебедѣ, шукѣ и ракѣ.

Другой „обязательный“ годовой романъ „Современнаго Мира“ — „Проклятый родъ“, очевидно, настолько утомилъ читателя, что сама редакція, быть можетъ и къ превеликому собственному конфузу, оборвала его на одной изъ частей; сюрпризъ этотъ явился поистинѣ неожиданностью для многихъ.

Наконецъ, изъ крупныхъ произведений послѣдняго года нужно отмѣтить „У послѣдней черты“ Арцыбашева, но видно и у него не хватило матеріала для стройнаго и цѣльнаго произведения, и, перебивая свои-же старыя мелодіи, писатель этотъ фаршируетъ романъ такими эксцентрическими трюками, какъ ссылки на свои-же сочиненія, какъ пародіи на произведения современныхъ писателей и т. д.

На этой „грудѣ тлѣющихъ костей“ литературныхъ было чѣмъ критику поужинать...

Оправдывать-ли, однако, слухъ о томъ, что коллективный романъ „Синяго Журнала“ — кость, которую добродушно швырнули критикамъ.

Si pop e vero...

Мы сожалѣемъ что тяжелая болѣзнь Ал. Н. Будищева заставляеть редакцію прервать романъ почти при его развязкѣ. Послѣсловіе должно было дать читателямъ возможность уяснить тѣ неясности, которыя могли бы представиться при чтеніи, и вручить имъ ключъ, открывающій нѣкоторыя тайны романа.

— Три буквы, три буквы, три буквы!

Когда романъ будетъ законченъ — многое темное и загадочное, что волновало читателей, станетъ простымъ и яснымъ.

И такъ, пожелаемъ скораго выздоровленія Ал. Ник. Будищеву...
Вас. Регининъ.

Милостивый Государь

Г-нъ Редакторъ,

Тяжелый недугъ не позволяетъ мнѣ приступить къ участию въ коллективномъ романѣ.

Мнѣ безусловно воспрещена врачами всякая работа.

Съ соверш. почтеніемъ

Ал. Будищевъ

Гатчино
28 ноября.

(Спец. снимокъ для «Синяго Журнала»).

Ал. Н. Будищевъ, одинъ изъ участниковъ коллективнаго романа. Въ болѣзнь талантливаго писателя сейчасъ замѣчается значительное улучшение.

„Синій Журналъ“ будетъ печатать на своихъ страницахъ въ наступающемъ году оригинальныя произведенія слѣдующихъ авторовъ:

АРКАДИ АВЕРЧЕНКО. — Подъ метлой, — повѣсть изъ рудничной жизни.

А. Н. БУДИЩЕВЪ. — Сатанія — страна, населенная твореніями діавола. — Необычайное путешествіе Матіана Лагоса.

А. И. КУПРИНЪ. — Повѣсть.

И. Н. ПОТАПЕНКО. — Во тѣмъ время. — Исторія, случившаяся въ 2912 году.

В. А. ТИХОНОВЪ. — Отлетаи. — Разказъ изъ жизни русскихъ людей, мытарствующихъ не всегда по своей волѣ за границей.

Гр. А. Н. ТОЛСТОЙ. — За горой. — Повѣсть изъ жизни золотоискателей.

Всѣ романы и разказы будутъ иллюстрированы рисунками лучшихъ художниковъ.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.